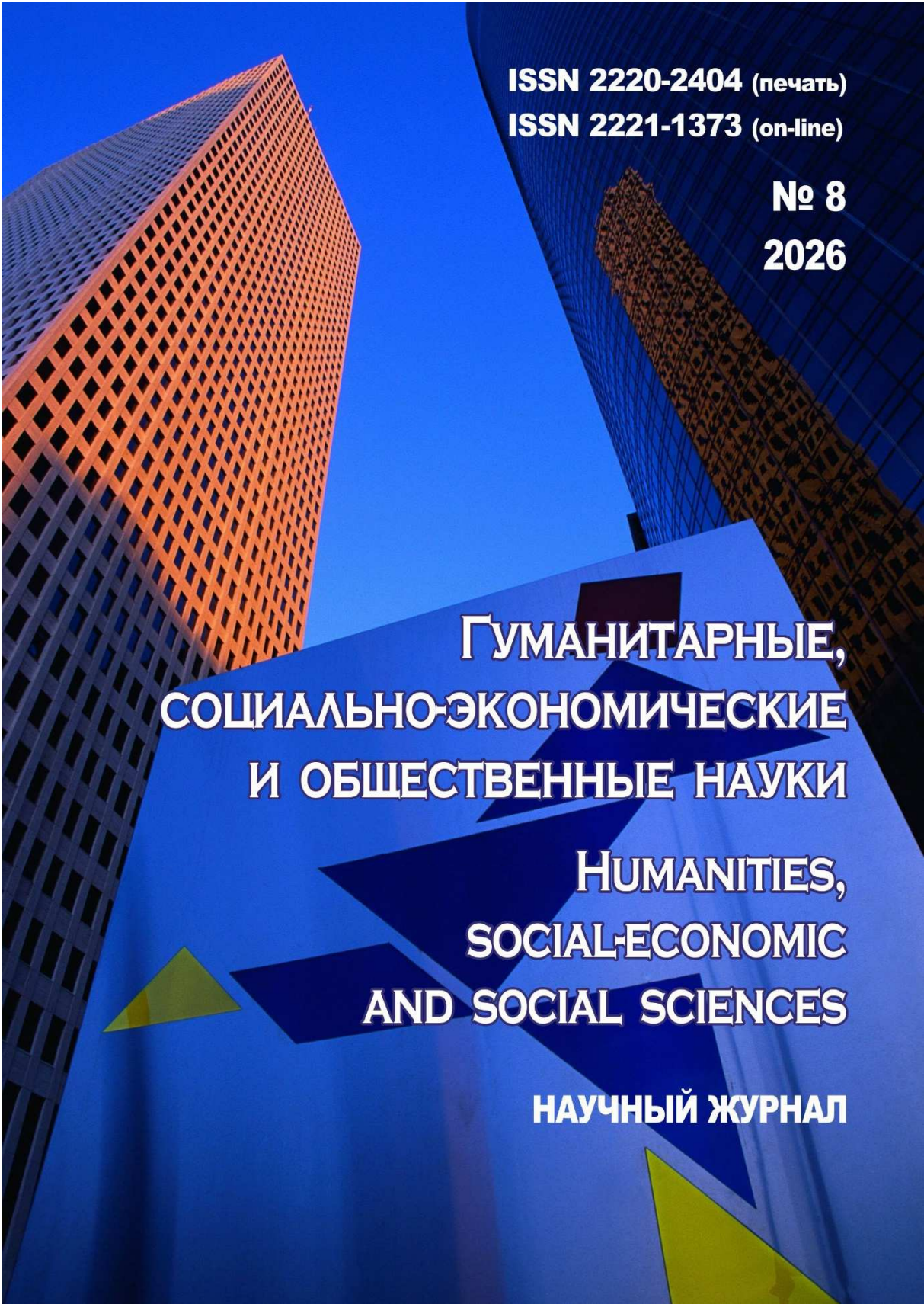

ISSN 2220-2404 (печать)

ISSN 2221-1373 (on-line)

№ 8

2026

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**HUMANITIES,
SOCIAL-ECONOMIC
AND SOCIAL SCIENCES**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»

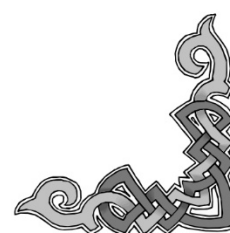
16+

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Научный журнал
www.online-science.ru

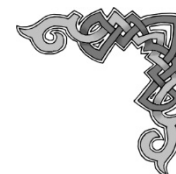

№ 8
2026

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 8 от 25.08.2026

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 248-12/2025 от 03.12.2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО

«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, и.о. декана экономического факультета Киргизско-Российского университета им. Б.Н. Ельцина, директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль-Большая Евразия», член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза», отделения общественных наук РАН, член Секретариата координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК);

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Acting Dean of the Faculty of Economics at the B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian University, Director of the Issyk-Kul-Greater Eurasia International Analytical Club, Member of the Scientific Council on Social, Political, and Demographic Issues in the Formation of the Eurasian Economic Union, Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, and Member of the Secretariat of the Coordination Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium (EIAC);

Stanislav I. Kononov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

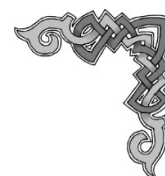
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бит-Шамаш А. Самульнори как социальная технология привлечения русской молодежи к корейской культуре	13
Гончарова Н.В. Влияние цифровизации на социальные отношения	22
Гюрджян Г.А., Лещенко В.П., Кочкин А.А. Теоретико-методологические особенности изучения общественного мнения об институте полиции в современном русском правовом государстве (на примере деятельности следователей ОВД)	28
Кантемирова И.Б., Михайлова Т.А. Здоровье в оценках и представлениях экономически активного населения Краснодарского края	36
Касьянов В.В., Самыгин П.С. Семья в системе ценностных установок молодежи в трансформирующемся русском обществе	43
Лилоян К.А. Академическая мобильность китайских студентов: современные тенденции	53
Новгородская А.С. Проектная организация научно-исследовательской деятельности университета: возможности, ограничения и организационные последствия	59
Суркова И.Ю., Нечаев В.А. Вариативность трудовых установок современной студенческой молодежи	64
Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А. Традиционная маскулинность как феномен социального сознания россиян: результаты исследования студенческой молодежи (статья 2)	72
Филимонцев А.Ю. Современные дискурсивные стратегии легитимации алгоритмического управления: синтез и сравнительный анализ	85
Чимаров С.Ю., Яремчук В.П. Социальный контекст манипулятивного потенциала архитектуры «Palantir» и его учет в политико-воспитательной работе с личным составом полиции России	94

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белкин С.Я. Зарубежные правовые модели реализации государством гражданской правосубъектности	103
Булыгина Ю.Я. Охрана изображения гражданина при создании контента нейросетью	109
Исмаилов М.И. Определение территориальной подсудности по уголовным делам о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	115
Кокина М.Н. Традиции, инновации и заимствования в конституционализме в условиях современных трансформаций	121
Котаев А.С. Противодействие распространению экстремистской идеологии в молодежной среде: социально-политические и теоретические предпосылки криминологического познания	129

Краснов А.А.

Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища:
проблемы теории и практики 134

Сачков А.Н.

Уголовно-правовая характеристика цифровых финансовых активов
в составах преступлений легализации имущества, добытого преступным путём 140

Суконкин А.В., Ярошенко П.Н.

Роль и место Роспатента в парадигме развития сферы интеллектуальной собственности
и реализации задач, поставленных правительством Российской Федерации 146

Ярославский М.А.

Характеристика личности преступника,
совершающего преступление в отношении лица преклонного возраста 153

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Закирова Ж.К., Данилова К.А.

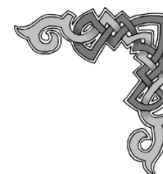
Личный бренд юриста как фактор обеспечения
конкурентоспособности организаций сферы юридических услуг 159

Лаврова А.П.

Роль крестьянских (фермерских) хозяйств
в развитии сельского туризма в России 167

Фрадин Н.И.

Применение методов объяснимого искусственного интеллекта
для обеспечения прозрачности решений
в проектном финансировании жилищного строительства 175

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander Bit-Shamash Samulnori as a social technology for attracting russian youth to korean culture	13
Natalia V. Goncharova The impact of digitalization on social relations	22
Gaik A. Gyurjyan, Vladimir P. Leshchenko, Anton A. Kochkin Theoretical and methodological peculiarities of studying public opinion about the police institution in the contemporary russian legal state (on the example of police investigators' activities)	28
Tatyana A. Mikhailova, Inna B. Kantemirova Health in the assessments and perceptions of the economically active population of the Krasnodar region	36
Valery V. Kasyanov, Peter S. Samygin Family in the system of values of youth in the transforming russian society	43
Konstantin A. Liloyan Academic mobility of chinese students: modern trends	53
Aleksandra S. Novgorodskaya Project organization of the university's research activities: opportunities, limitations and organizational consequences	59
Irina Yu. Surkova, Valerij A. Nechaev The variability of work attitudes among modern student youth	64
Julian G. Tambiyants, Anna G. Luginina, Kirill K. Tokarev, Konstantin A. Mospan Traditional masculinity as a phenomenon of social consciousness of russians: results of the student research (article 2)	72
Artem Yu. Filimontsev Modern discursive strategies for legitimizing algorithmic management: synthesis and comparative analysis	85
Sergey Yu. Chimarov, Victoria P. Yaremchuk Social context of the manipulative potential of the «Palantir» architecture and its integration in political and educational work with police personnel in Russia	94

JURISPRUDENCE

Simeon Ya. Belkin Foreign legal models of implementation of civil legal personality by the state	103
Yulia Ja. Bulygina Protecting a citizen's image when creating content using a neural network	109
Magamed I. Ismailov Determination of territorial jurisdiction in criminal cases of crimes committed using information and telecommunication technologies	115
Maria N. Kokina Traditions, innovations, and borrowings in constitutionalism in the context of modern transformations	121
Artur S. Kotayev Countering the dissemination of extremist ideology among young people: socio-political and theoretical prerequisites for criminological research	129

Artur A. Krasnov

Criminal liability for violation of homestead integrity: theory and practice issues 134

Andrey N. Sachkov

Criminal and legal characteristics of digital financial assets
in crimes of legalization of property obtained by criminal means 140

Alexander V. Sukonkin, Peter N. Iaroshenko

The role and place of Rospatent in the paradigm of intellectual property development
and the implementation of tasks set by the government of the Russian Federation 146

Mikhail A. Yaroslavsky

Characteristics of the personality of a criminal who commits a crime against an elderly person 153

ECONOMIC SCIENCES

Zhanna K. Zakirova, Kseniya A. Danilova

The personal brand of a lawyer as a factor in ensuring
the competitiveness of organizations in the legal services sector 159

Alevtina P. Lavrova

The role of peasant (farm) households in the development of rural tourism in Russia 167

Nikita I. Fradin

Application of explainable artificial intelligence methods
to ensure transparency of decisions in project financing of housing construction 175

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-1>

УДК 316.354

Attribution

cc by

САМУЛЬНОРИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Бит-Шамаш А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. В статье анализируется самульнори – традиционная корейская ансамблевая игра на ударных инструментах, используемая в России для привлечения молодежи в этнокультурные организации. Актуальность проблемы обусловлена тем, что управленческий потенциал подобных культурных практик до сих пор остается за рамками системного социологического анализа. Теоретическую основу исследования составляют концепции социальных технологий и «мягкой силы», что позволяет рассмотреть самульнори как инструмент управления молодежной аудиторией. В результате проведенного анализа определено, что данная практика выполняет четыре ключевые функции и позволяет выстроить стадиальную модель вовлечения участников в данный вид творчества. Делается вывод о значительном потенциале самульнори как эффективной и тиражируемой социальной технологии, успешно работающей в различных региональных контекстах в современной России.

Ключевые слова: социология управления, социология культуры, социальные технологии, самульнори, этнокультурные организации, молодежь, халлю.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SAMULNORI AS A SOCIAL TECHNOLOGY FOR ATTRACTING RUSSIAN YOUTH TO KOREAN CULTURE

Alexander Bit-Shamash

Peoples' Friendship University of Russia named After Patrice Lumumba

Abstract. The article analyzes samulnori, a traditional Korean ensemble percussion performance used in Russia to attract youth to ethno-cultural organizations. The relevance of the issue lies in the fact that the managerial potential of such cultural practices remains beyond the scope of systematic sociological analysis. The theoretical framework comprises the concepts of social technologies and «soft power», which allows considering samulnori as a tool for managing youth audiences. The analysis demonstrates that this practice performs four key functions and enables constructing a stage-based model of participant involvement. The article concludes that samulnori has significant potential as an effective and replicable social technology successfully operating in various regional contexts of contemporary Russia.

Keywords: sociology of management, sociology of culture, social technologies, samulnori, ethno-cultural organizations, youth, hallyu.

Funding: Independent work.

Введение.

Последние полтора десятилетия в глобальном культурном пространстве наблюдается устойчивый рост интереса к корейской культуре. Феномен, получивший название «корейская волна» или «Халлю», охватывает широкий спектр явлений – от музыки и кинематографа до моды и кулинарии. Исследователи фиксируют распространение этого влияния не только в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, но и в Европе, Северной и Южной Америке, на Ближнем Восто-

ке [1; 2; 3]. Молодежная аудитория выступает основной потребительской и, что более важно, ключевой смысловой группой данного культурного потока.

Россия не является исключением из этой тенденции. Интерес к корейской культуре среди российской молодежи заметно вырос в 2010-е гг. и продолжает усиливаться. При этом фокус внимания исследователей до недавнего времени был сосредоточен преимущественно на популярных форматах – К-поп, дорамах, косметиче-

© Бит-Шамаш А.

ской индустрии [4]. Однако наряду с этими массовыми явлениями существует и другая, менее заметная, но не менее значимая практика, а именно — увлечение традиционной корейской культурой, в которой особое место занимает музыкальный жанр самульнори.

Самульнори представляет собой ансамблевую игру на четырех ударных инструментах, восходящую к крестьянской обрядовой музыке «пхунмун». Возникнув в конце 1970-х гг. благодаря музыканту Ким Док Су, этот жанр за несколько десятилетий прошел путь от локальной традиции до признанного сценического искусства, распространившегося по всему миру. В России первые коллективы самульнори появились в крупных городах в 2000-е гг., а к середине 2020-х гг. сформировалась устойчивая сеть ансамблей, охватывающая территорию от Калининграда до Владивостока.

С социологической точки зрения данный процесс представляет исследовательский интерес по двум причинам.

Во-первых, традиционная музыка, требующая значительных временных затрат, физической дисциплины и коллективной синхронизации, оказывается эффективным инструментом привлечения и удержания молодежи в орбите корейской культуры вопреки интуитивному предположению, что массовый интерес должна вызывать именно популярная, а не её традиционная составляющая.

Во-вторых, деятельность ансамблей самульнори в России может быть рассмотрена как управленческий проект, в рамках которого этнокультурные организации решают задачи по формированию лояльной аудитории, трансляции ценностей и созданию устойчивых сообществ.

Несмотря на очевидную эффективность подобных практик, их системный социологический анализ отсутствует. Существующие исследования либо фокусируются на искусствоведческих аспектах самульнори, либо рассматривают феномен «Халлю» в целом, не выделяя роль организаций, поддерживающих эти практики. Остается невыясненным, с помощью каких именно социальных механизмов традиционная музыка превращает спонтанный интерес молодежи в структурированные образовательные траектории и устойчивую культурную идентичность.

Рассмотрение самульнори как социальной технологии позволяет выявить институциональный потенциал традиционных телесно-ориентированных практик, который до настоящего времени оставался вне фокуса социологов управления.

Цель статьи состоит в выявлении и анализе управленческого потенциала самульнори как инструмента привлечения российской молодежи к деятельности корейских этнокультурных организаций.

Объектом исследования выступают ансамбли и центры самульнори, действующие в различных регионах России.

Предметом исследования являются социальные технологии, обеспечивающие вовлечение и удержание молодежной аудитории.

Под социальной технологией в данном исследовании понимается фиксируемая последовательность организационных этапов взаимодействия с аудиторией, обладающая свойствами воспроизводимости и транслируемости.

Теоретико-методологические основы исследования. Исследование опирается на три теоретических блока.

В рамках социологии управления и концепции социальных технологий управление понимается как особый тип социального взаимодействия, где ключевое значение имеет согласование интересов субъекта и объекта управления, формирование общих смыслов и ценностей [5; 6].

Социальная технология определяется как обусловленный состоянием знаний и общественной эффективностью способ достижения целей, которые ставят индивиды, их группы и институты [7].

Развивая данное определение, современные исследователи предлагают развернутые типологии социальных технологий, выделяя среди них, в частности, технологии социального управления и технологии формирования идентичности [8].

В этом ключе практика самульнори рассматривается как последовательность управленческих шагов, переводящих индивида из состояния внешнего наблюдателя в состояние лояльного участника. Критерием эффективности данной социальной технологии выступает устойчивое воспроизводство участия на последовательных стадиях вовлечения при сохранении добровольного характера членства.

Развивая данное определение, под социальной технологией в настоящей работе понимается фиксируемая последовательность организационных этапов взаимодействия с аудиторией, обладающая свойствами воспроизводимости и транслируемости. Такое понимание отличает технологию от разовых мероприятий, в которых отсутствует алгоритм, сознательно повторяемый в различных условиях. Применительно к самульнори это означает, что деятельность ансамблей выстраивается как цикл, где каждый этап подготавливает переход к следующему. Ниже этот цикл реконструируется как стадийная модель.

Для операционализации понятия «социальная технология» применительно к практикам самульнори в данном исследовании вводится четыре критерия, позволяющих фиксировать наличие технологии и оценивать ее эффективность:

— фиксируемая последовательность этапов, то есть деятельность ансамбля должна разворачиваться во времени как воспроизводимый цикл от первичного контакта до устойчивого участия, а не как набор разрозненных событий;

— наличие субъекта управления, то есть организатора в лице культурного центра или руководителя ансамбля, обладающего ресурсами и реализующего целенаправленные воздействия на аудиторию;

— обратная связь и коррекция, а именно – фиксируемые изменения в поведении или установках молодежи, которые учитываются субъектом для корректировки последующих этапов;

— воспроизводимость и транслируемость, то есть возможность реализации той же последовательности в разных региональных и организационных контекстах без потери эффективности.

Концепция «мягкой силы» Дж. Ная [9] позволяет утверждать, что, в отличие от «жесткой» пропаганды, самульнори действует через привлекательность, формируя позитивный образ Кореи и корейской культуры без явного идеологического давления. Как показывают современные исследования, корейская поп-культура, в частности К-поп, выступает эффективным инструментом «мягкой силы» в вовлечении российской молодежи [10].

Как отмечает М. Ларуэль в исследовании конспирологических и альтернативно-исторических нарративов в России, культурные практики становятся формой символической компенсации и способом конструирования идентичности [11].

Теория культурного капитала и габитуса П. Бурдьё позволяет рассматривать знание языка, культурных кодов, владение телесными практиками как специфический культурный капитал, конвертируемый в образовательный и профессиональный [12]. Понятие «габитус» объясняет, почему молодые люди, включившись в деятельность ансамбля, воспроизводят определенные стратегии поведения – от потребления культурного контента до планирования карьеры, связанной с Кореей, что согласуется с современными исследованиями социокультурных практик российской молодежи [13].

Методика исследования. Эмпирическую базу исследования составил анализ открытых источников за период 2019–2025 гг., освещающих деятельность российских этнокультурных центров и ансамблей самульнори в различных регионах России, а также данные включенного наблюдения автора на фестивалях корейской культуры в Москве, Саратове, Владивостоке, Самаре и Санкт-Петербурге в 2022–2025 гг. Выбранные центры представляют собой все действующие на момент исследования российские организации, имеющие стабильную публичную активность в сфере самульнори продолжительностью

не менее трех лет и размещающие отчеты о своей деятельности в открытом доступе.

Таким образом, с высокой долей вероятности можно говорить о том, что выборка приближена к тотальной в границах публичного поля, а не является выборочной, что позволяет говорить о репрезентативности выводов для всего сегмента российских ансамблей самульнори, представленных в открытых источниках.

Анализ источников проводился методом контент-анализа по следующим параметрам: наличие регулярных занятий, участие в фестивалях и форумах, стажировки в Корее.

Включенное наблюдение велось по стандартизированному протоколу с фиксацией структуры мероприятий, вовлеченности зрителей и поведения участников. В Саратове – это центр «Тонмакколь» с ансамблем «Мэсан», которые проводят регулярные бесплатные занятия, организуют фестивали и форумы, сотрудничают с коллективами из других городов [14]. В Санкт-Петербурге действует центр «НАН» с ансамблем «Ханнури», выступившие организаторами VI Всероссийского форума самульнори в 2022 г. [15]. В Москве активную деятельность ведет ансамбль «МЭК», при школе корейского языка и культуры «Вон Гван», являющийся участником всероссийских форумов и городских мероприятий [16], а также ансамбль «Араса» под руководством Ео Су Мина, функционирующий на базе Центра корейского искусства и языка K-ARTS. В Волгограде при корейском центре «Миринэ» функционирует ансамбль «Чондун», который не только проводит фестивали корейской культуры и обучает другие коллективы, но и прошел стажировку в Национальном центре кугака на острове Чиндо. В Самаре работает ансамбль «Юллё», в Томске – ансамбль «Ханыль Сори», представляющий сибирский регион и проводящий открытые мастер-классы [17]. В Казани действуют ансамбли «Ёнсан» и «Хвансан», в Калининграде – самый западный коллектив «Нарин», в Иркутске – ансамбль «Лотос», во Владивостоке при Дальневосточном федеральном университете – арт-группа «Хэдон», ежегодно выезжающая на стажировку в Корею [15].

Перечисленные организации на момент исследования являются единственными в России, имеющими публичную активность в сфере самульнори продолжительностью не менее трех лет и размещающими отчеты о деятельности в открытом доступе. Представленные материалы не являются выборочными в строгом смысле, а приближены к тотальным в границах публичного поля, что позволяет распространять выводы на весь доступный для наблюдения сегмент российских ансамблей самульнори.

Для верификации предложенной модели автором в марте и апреле 2026 г. было проведено пилотное онлайн-анкетирование участников ансамбля «МЭК» (Москва). Выборка составила 36 респондентов: 15 действующих участников и

21 человек, прекративших занятия в течение последних двух лет. Анкета включала вопросы о стаже, причинах ухода, чувстве принадлежности к коллективу, динамике интереса к корейской культуре и готовности рекомендовать занятия.

Ограничения исследования. Основной массив данных включает только ансамбли с устойчивой публичной активностью; деятельность групп, прекративших существование или не имеющих информационной открытости, осталась за рамками анализа. Кроме того, реконструированная модель апробирована на данных пилотного опроса ($n = 36$), однако, количественная верификация предлагаемых параметров требует дальнейшего исследования на расширенной выборке.

Самульнори как объект социолого-управленческого анализа.

Самульнори представляет собой жанр корейской традиционной музыки, возникший в 1978 г. благодаря усилиям музыканта Ким Док Су и созданного им одноименного ансамбля. Название жанра переводится как «игра на четырех инструментах», к которым относятся «квэнгвари» – малый гонг, символизирующий гром, «чин» – большой гонг, символизирующий ветер, «чангу» – барабан в форме песочных часов, символизирующий дождь, и «бук» – барабан-бочка, символизирующий облака. Ким Док Су посвятил свою жизнь возрождению и модернизации крестьянской обрядовой музыки «пхунмульт», превратив локальную традицию в признанный во всем мире сценический жанр.

Для социолога управления значимы несколько характеристик самульнори, делающих его эффективной социальной технологией.

Во-первых, это коллективный характер практики: самульнори принципиально не является сольным искусством и требует постоянной координации с другими участниками, что формирует навыки командного взаимодействия и взаимозависимости.

Во-вторых, это телесность: игра на инструментах сопровождается активными движениями, прыжками, наклонами, что включает участника в процесс физически и усиливает эмоциональное переживание, создавая эффект «мышечной памяти» культуры.

В-третьих, это иерархичность: внутри ансамбля выделяется лидер, задающий ритм, которому подчиняются остальные исполнители, что естественным образом воспроизводит управленческую вертикаль.

В-четвертых, это зрелищность: яркие костюмы, динамика и энергетика выступлений делают их привлекательными для зрителей, создавая эффект эмоционального заражения и обеспечивая первичный интерес.

Показательным примером трансляции корейской традиции в российском контексте служит деятельность ансамбля «Араса» под руководством Ео Су Мина. Название коллектива отсылает к старому корейскому обозначению России, что символически подчеркивает культурный мост между двумя странами. В интервью Ео Су Мин неоднократно подчеркивал, что его задача заключалась не просто в обучении технике игры, но в передаче философии самульнори как практики, объединяющей людей поверх культурных и национальных границ.

Управленческие функции самульнори.

На основе анализа деятельности перечисленных коллективов, проведенного методом контент-анализа, индуктивно выделены четыре ключевые функции, которые самульнори выполняет как инструмент управления.

Первая функция реализуется через организацию публичных зрелищных мероприятий, кульминацией которых выступает выступление ансамбля, за которым следует интерактив (возможность для зрителей попробовать игру на инструментах). Первичный контакт, как правило, происходит в зрительской позиции – на фестивалях, Днях корейской культуры, городских праздниках. Анализ мероприятий выявляет устойчивый сценарий, при котором выступление барабанщиков становится кульминацией программы, после чего организаторы предлагают интерактив, то есть возможность попробовать поиграть самостоятельно. В Саратове Дни корейской культуры включают интерактивные площадки с национальными играми и возможностью познакомиться с инструментами [14]. В Томске ансамбль «Ханыль Сори» проводит открытые мастер-классы, где любой желающий может попробовать себя в роли барабанщика [17]. На московских концертах, по свидетельствам очевидцев, публика по первому зову музыкантов устремлялась на сцену [16]. Управленческий смысл данной функции заключается в том, что яркое, эмоционально насыщенное действо снижает барьеры входа и формирует первичный интерес к дальнейшему участию.

Вторая функция реализуется через введение системы регулярных обязательных занятий с фиксированным графиком и требованиями. Вхождение в коллектив самульнори предполагает жесткую дисциплину, поскольку обучение требует регулярных репетиций, запоминания ритмических схем (чанданы) и отработки синхронности движений. В отличие от лекционных форм работы, здесь отсутствует возможность пассивного восприятия, поскольку каждый участник включен в производство общего звучания. Наиболее продвинутый уровень демонстрирует ансамбль «Чондун» из Волгограда, который прошел стажировку в Национальном центре кука на острове Чиндо, где в течение двух недель осваивал сложные программы под руководством корейских мастеров [18]. Участники отмечают высокую нагрузку, требовательность

наставников и необходимость полной самоотдачи. Институционально данная функция обеспечивает формирование привязанности к практике и группе через телесную дисциплину и регулярные усилия, а инвестиции времени и труда повышают ценность членства, создавая эффект невозвратных затрат, удерживающий участника.

Третья функция реализуется через институционализацию неформальной среды: совместные поездки на фестивали, форумы, общие мероприятия после репетиций. Совместное музицирование порождает горизонтальные связи, а репетиции, совместные поездки на фестивали и форумы, неформальное общение создают плотную сеть социальных контактов, в рамках которой ансамбль становится референтной группой и значимым кругом общения.

Исследования инновационных практик общественных организаций показывают, что именно такие формы работы обладают наибольшим педагогическим потенциалом в формировании культурной идентичности молодежи. В этом контексте, показателен пример ансамбля «Араса» под руководством Ео Су Мина, где корейский мастер работает с преимущественно российскими участниками, создавая уникальную модель культурного посредничества. Участники получают не только навыки игры, но и опыт непосредственного контакта с носителем традиции, что усиливает аутентичность переживания и формирует более глубокую связь с корейской культурой. Управленческий эффект коммунитарной функции состоит в создании устойчивого сообщества, где участники получают не только культурный опыт, но и дружеские связи, поддержку и чувство принадлежности, что превращает членство в значимую часть жизни.

Четвертая функция реализуется через организацию стажировок в Корею и интеграцию барабанной практики с образовательными траекториями (изучение языка, танцы, поступление в вузы). Наиболее глубокий уровень воздействия предполагает постепенную трансформацию ценностно-смысловой сферы участников. Увлечение барабанами при отсутствии этнических корней требует серьезной культурной работы, включающей изучение корейского языка, истории и философии, стоящей за ритмами. Волгоградский «Чондун», помимо игры на барабанах, имеет студию корейского танца, а его участники осваи-

вают струнные и духовые инструменты. Владивостокская арт-группа «Хэдон» при ДВФУ ежегодно выезжает на стажировки в Корею, совмещая культурную практику с академической мобильностью [15]. Возникает эффект культурного моста, при котором традиционная музыка становится входом в более широкий контекст — изучение языка, поступление в вузы, установление профессиональных и научных контактов. С точки зрения управления, трансформационная функция важна тем, что самульнори не просто обеспечивает досуговую занятость, но постепенно формирует пролонгированную лояльность, конвертируемую в образовательные и профессиональные траектории, связанные с Кореей.

Выделенные функции позволяют перейти от описания к интерпретации. В рамках концепции «мягкой силы» Дж. Ная самульнори действует не через идеологическое давление, а через привлекательность и эмоциональное заражение. Теория культурного капитала П. Бурдьё объясняет, почему участники, проходящие все четыре стадии, конвертируют приобретенные навыки в образовательные и профессиональные стратегии: владение телесными практиками и ритмическими кодами становится формой специфического культурного капитала.

Обсуждение. Результаты.

Результаты пилотного анкетирования участников ансамбля «МЭК».

Для верификации предложенной стадийной модели автором в марте-апреле 2026 г. проведено пилотное онлайн-анкетирование участников ансамбля «МЭК» (Москва). Выборка составила 36 респондентов: 15 действующих участников и 21 человек, прекративших занятия в течение последних двух лет. Анкета включала вопросы о стаже участия, причинах прекращения занятий (для ушедших), чувстве принадлежности к коллективу, динамике интереса к корейской культуре и готовности рекомендовать практику друзьям. Данные обработаны методом описательной статистики и межгруппового сравнения. Полученные результаты носят пилотный характер и требуют верификации на расширенной выборке, однако позволяют количественно апробировать ключевые гипотезы исследования в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение действующих и ушедших участников ансамбля «МЭК»

Показатель	Действующие (n = 15)	Ушедшие (n = 21)
Чувствуют/чувствовали себя «частью команды» (% «да, полностью»)	80,0 % (12 чел.)	9,5 % (2 чел.)
Интерес к корейской культуре значительно вырос	86,7 % (13 чел.)	19,0 % (4 чел.)
Готовность рекомендовать занятия друзьям (% «уже рекомендую»)	100 % (15 чел.)	23,8 % (5 чел.)
Регулярно участвуют/участвовали во внерепетиционных мероприятиях	73,3 % (11 чел.)	14,3 % (3 чел.)
Планируют или уже связали карьеру/образование с Кореей	60,0 % (9 чел.)	14,3 % (3 чел.)

Из таблицы 1 видно, что действующие участники заметно опережают ушедших по всем ключевым показателям. Среди тех, кто продолжает заниматься, 80 % (12 чел.) чувствуют себя частью команды, тогда как среди прекративших занятия таких только 9,5 % (2 чел.). Интерес к корейской культуре значительно вырос у 86,7 % действующих участников (13 чел.) и лишь у 19,0 % ушедших (4 чел.). Готовность рекомендовать занятия друзьям выразили 100 % действующих (15 чел.) и только 23,8 % ушедших (5 чел.). Наиболее значимый разрыв фиксируется по показателю «чувство команды» (70,5 %). Это подтверждает, что именно коммунитарная функция играет центральную роль в том, остаётся человек в коллективе или уходит. Те, кто прекратил занятия, как правило, не обзавелись устойчивыми горизонтальными связями и выбыли на стадиях социализации или интеграции.

Полученные данные эмпирически подтверждают центральную роль коммунитарной функции в удержании участников: наибольший разрыв между действующими и ушедшими участниками фиксируется именно по показателю «чувство команды» (80 % против 9,5 %). Это свидетельствует о том, что горизонтальные связи, а не только интерес к корейской культуре или технические навыки игры, оказываются решающим фактором. Причины ухода – нехватка времени (42,9 %), потеря интереса (23,8 %), конфликты в коллективе (19,0 %) – указывают на «слабые звенья» технологии, требующие управленческой коррекции на этапах базовой социализации и интеграции.

Среди ушедших участников (n = 21) основными причинами прекращения занятий названы: «нехватка времени/слишком большая нагрузка» (42,9 %, 9 чел.), «стало скучно/потерял интерес» (23,8 %, 5 чел.) и «не сложились отношения в коллективе» (19,0 %, 4 чел.). Эти данные указывают на «слабые звенья» технологии – необходимость гибкого графика на начальных этапах и целенаправленного включения новичков в неформальные сети уже на стадии социализации.

Стадиальная модель вовлечения.

Обобщая приведенные аналитические наблюдения, автором исследования предлагается интерпретационная модель, фиксирующая логику последовательного перехода участника с одного уровня вовлеченности на другой. Модель выступает теоретическим обобщением эмпирического материала и позволяет представить разрозненные факты как целостный управленческий процесс.

Первая стадия – аттракция, в рамках которой индивид выступает в роли зрителя или участника краткосрочного интерактива при минимальном пороге входа и полном отсутствии обязательств; доминирующими механизмами здесь выступают эмоциональное заражение через синхронный ритм и яркую визуальную эстетику, возможность физически попробовать инструмент без страха

ошибки, и ситуативная идентификация, выражающаяся в желании подражать увиденному. Эмпирическими индикаторами завершения данной стадии служат спонтанная фото- и видеосъемка выступления, вопросы о расписании занятий, задаваемые организаторам сразу после концерта, а также повторное посещение мероприятий того же этнокультурного центра.

Управленческий инструментарий данной стадии включает открытые мастер-классы на городских фестивалях, Дни корейской культуры с интерактивными площадками и шоу-выступления с вовлечением зала, когда зрителей приглашают на сцену по ходу действия. Рисками выхода на этой стадии являются отсутствие мгновенной обратной связи от наставников, шумовой дискомфорт для неподготовленного слуха и высокая конкуренция со стороны других досуговых активностей; основным способом удержания выступает мгновенный контакт, а именно раздача контактных данных и приглашение на ближайшее пробное занятие сразу после выступления.

Вторая стадия – базовая социализация, на которой новичок включается в учебную группу и начинает регулярные занятия. В отличие от первой стадии, здесь возникают первые обязательства: необходимость посещать репетиции в фиксированное время, запоминать ритмические схемы, называемые чанданы, синхронизировать движения с другими участниками. Ключевой механизм этой стадии – телесная дисциплина и трудовая инвестиция: чем больше времени и усилий вложил участник, тем выше субъективная ценность членства, что создает эффект невозвратных затрат. Об успешном переходе на вторую стадию говорит регулярное посещение занятий и появление самостоятельных тренировок вне репетиционного времени. Удержать участника здесь помогает, во-первых, наставничество, когда более опытные берут шефство над новичками, а во-вторых, осязаемый прогресс, например, разучивание первой полноценной композиции. Основной риск на этом этапе – «эффект плато», когда после первых успехов наступает рутинность и интерес угасает. Снизить этот риск позволяют публичные промежуточные показы (для родителей и друзей) и включение новичков в массовые выступления уже через несколько месяцев после начала занятий.

Третья стадия – интеграция, на которой участник становится не просто полноправным членом ансамбля, но и частью неформального сообщества, которое не ограничивается репетиционным временем. Здесь ключевую роль играют горизонтальные связи: совместные поездки на фестивали и форумы, общие мероприятия после репетиций – чаепития, празднование дней рождения, совместные просмотры дорам. Ансамбль превращается в референтную группу, а пропуск занятия начинает переживаться как подведение коллектива, а не только как личный неуспех. Эмпирическим индикатором завершения данной стадии служит участие во вне репетиционных

активностях, включая поездки в другие города на форумы или помощь в организации фестивалей, и начало неформального общения за пределами центра. Управленческий инструментарий данной стадии включает организацию ежегодных всероссийских форумов самульнори, систему взаимного обучения, когда более опытные участники передают навыки новичкам, и создание традиций внутри коллектива. Рисками здесь выступают внутригрупповые конфликты и эмоциональное выгорание от высокой нагрузки. Способами их преодоления служат ротация лидерских позиций и включение элементов отдыха, например, совместных выездов на природу, в календарный план коллектива.

Четвертая стадия – трансформация, на которой участник превращается из потребителя культурной практики в ее носителя и, потенциально – в наставника для новичков. Это – глубочайший уровень вовлечения, предполагающий не только виртуозное владение инструментами, но и интериоризацию ценностно-смыслового ядра практики: понимание философии четырех стихий, стоящих за инструментами, то есть грома, ветра, дождя и облаков, готовность транслировать корейскую культуру вовне и, часто, долгосрочные образовательные стратегии, связанные с Кореей.

Эмпирическими индикаторами данной стадии служат участие в стажировках в Корее продолжительностью не менее двух недель, изучение корейского языка на уровне, достаточном для бытовой коммуникации, а также поступление в вузы на специальности, связанные с корееведением или межкультурной коммуникацией.

Управленческий механизм данной стадии – идентификация и культурное посредничество, когда участник уже сам становится агентом «мягкой силы».

Риском четвертой стадии выступает исчерпание траектории роста, когда участник не видит дальнейших путей развития. Способом преодоления служит включение наиболее мотивированных в преподавательскую деятельность и помощь в организации собственных стажировок в Корее.

Предлагаемая модель устроена так, что каждая следующая ступень не заменяет, а сохраняет механизмы предыдущих. Участник, достигший четвертой стадии, не перестает репетировать, выступать и поддерживать неформальные связи. Меняется его роль: теперь он не просто участник, а носитель практики и передатчик опыта новичкам.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, в работе всех рассмотренных этнокультурных центров и ансамблей самульнори прослеживается единая логика: за публичным

выступлением с элементами интерактива следуют регулярные репетиции, затем складывается неформальная среда (совместные поездки, форумы, общение вне занятий), а на более высоком уровне – стажировки в Корее и выстраивание образовательных траекторий. Такая последовательность закономерно переводит молодёжную аудиторию от поверхностного интереса к устойчивому участию. По своим характеристикам она может быть описана как социальная технология.

Во-вторых, управленческий ресурс самульнори раскрывается через четыре взаимосвязанные функции:

- Зрелищно-привлекательная даёт первичный контакт с аудиторией.
- Дисциплинарно-развивающая закрепляет участника через регулярные усилия и телесную дисциплину.
- Коммунитарная создаёт устойчивое сообщество, где человек чувствует себя своим.
- Трансформационная формирует долговременную культурную идентичность, выходящую за рамки досуга. Каждая из этих функций работает на определённой стадии вовлечения и предполагает свои управленческие механизмы.

В-третьих, с точки зрения управления, самульнори выглядит как низовая, финансово доступная и хорошо тиражируемая технология, которая не опирается на административное принуждение. Её ключевая особенность – постепенное смещение мотивации: от внешней привлекательности к внутренним обязательствам, то есть к инвестициям времени, телесной дисциплине и чувству принадлежности к группе. Именно это снижает отсев и формирует долгосрочную лояльность.

О воспроизводимости технологии говорит география коллективов: от Калининграда до Владивостока, плюс регулярные всероссийские форумы, которые собирают ансамбли из разных регионов. Глубина воздействия заслуживает отдельного внимания: самульнори способно превратить начальный досуговый интерес в долгосрочные образовательные и профессиональные планы, связанные с корейской культурой, – от изучения языка до стажировок и профессиональной специализации.

Полученные выводы вписываются в более широкий теоретический контекст исследований культурного капитала и телесно-ориентированных практик, однако, детальное концептуальное обоснование этих связей выходит за рамки данной статьи и может составить предмет отдельной работы.

Практическая значимость исследования нам видится в том, что выявленные механизмы могут быть использованы при разработке программ

межкультурного взаимодействия, молодежной политики и управленческих решений в сфере этнокультурных проектов.

Наконец, результаты исследования имеют прямое отношение к более общему диссертационному исследованию автора, в котором анализируются социальные технологии привлечения российской молодежи к деятельности корейских

культурных организаций (на примере Корейского образовательного центра «Школа Вон Гван» в Москве). Ансамбль «МЭК», работающий на базе этого центра, представляет собой частный случай описанной здесь стадийной модели вовлечения, а выделенные функции самульнори служат одним из эмпирических элементов анализа социальных технологий в деятельности школы Вон Гван.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Bollmer G. Platform Fandom: Weverse and the Technological Domestication of Fan Community / G. Bollmer, B. Tillerson // *Social Media + Society*. 2025. Vol. 11. № 2. DOI: 10.1177/20563051251326689
2. Ryoo W. Young people going to Yeonnam-dong: An exploratory study on the cultural space reproduced by the cultural industry / W. Ryoo, M. Kim // *Journal of Humanities*. 2024. Vol. 64. P. 17–48. DOI: 10.33638/JHS.64.2
3. Lee S. The Labor Process of Relational Labor: The Case of the K-pop Fan Platform «Bubble» / S. Lee, R. Prey // *Popular Music and Society*. 2025. DOI: 10.1080/03007766.2025.2492505
4. Андреева О.В. Музыкальная молодежная субкультура К-поп: характерные признаки и типичный представитель / О.В. Андреева, В.И. Полникова // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета*. 2023. Т. 15. № 3. С. 208–221. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-3/208-221
5. Тихонов А.В. От социологии менеджмента к социологии управления как научно-исследовательской программе // *Социологические исследования*. 2010. № 5. С. 5–14. ISSN 0132-1625
6. Башмаков В.И. Социология управления : учебник для вузов / В.И. Башмаков, Р.В. Ленков. 3-е изд. М. : Юрайт, 2025. 409 с. ISBN 978-5-534-05080-6
7. Шадрин Л.Ю. Технологии управления социальными объектами // *Вестник НГУЭУ*. 2009. № 3. С. 63–70. ISSN 2073-6495
8. Депеня Р.А. Типология социальных технологий в управлении // *Власть*. 2024. Т. 32. № 6. С. 191–204. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-6-191-204
9. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New-York : PublicAffairs, 2004. 192 p.
10. Фадеева О.П. К-поп-культура как инструмент «мягкой силы»: практики вовлечения российской молодежи / О.П. Фадеева, К.К. Мусалимова // *ЭКО*. 2025. Т. 55. № 5. С. 277–298. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-5-277-298
11. Laruelle M. Conspiracy and Alternate History in Russia: A Nationalist Equation for Success? // *The Russian Review*. 2012. Vol. 71. № 4. P. 565–580. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2012.00669.x
12. Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2005. 288 с. ISBN 5-89329-762-8
13. Зейналлы Р.Р. Оглы. Анализ социокультурных практик молодежной политики вуза // *Социально-гуманитарные знания*. 2025. № 2. С. 56–61. DOI: 10.34823/SGZ.2025.2.52063
14. Сайт правительства Саратовской области. В Саратове прошел III Международный форум корейских барабанов самульнори, 29 июля 2019. URL : https://sarpan.ru/articles/11-kultura/1326-v_saratove_proshel_3i_mezhdunarodnyi_forum_koreiskih_barabanov_samulnori2019 (дата обращения 28.04.2026).
15. Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. VI Всероссийский форум самульнори, 25 июля 2022. URL : <https://kvs.gov.spb.ru/news/69973> (дата обращения 27.04.2026).
16. Группа Russian Koreans – Корейцы СНГ. Репортаж о группе «Мэк» // *Koryo-saram.site*. URL : <https://koryo-saram.site/gruppa-russian-koreans-korejtsy-sng-v-moskve> (дата обращения 27.05.2026).
17. Vtomske.ru. Мастер-классы по оригами и К-поп dance ждут томичей на фестивале корейской культуры, 11 мая 2022. URL : <https://vtomske.ru/news/191733-master-klassy-po-origami-i-k-pop-dance-jdut-tomichei-na-festivale-koreiskoi-kultury> (дата обращения 25.04.2026).
18. Akulova Maria. Культурный центр «Мирина»: [пост ВКонтакте] // ВКонтакте: социальная сеть. URL : https://vk.com/wall155401323_6954 (дата обращения 25.04.2026).

References:

1. Bollmer G. Platform Fandom: Weverse and the Technological Domestication of Fan Community / G. Bollmer, B. Tillerson // *Social Media + Society*. 2025. Vol. 11. № 2. DOI: 10.1177/20563051251326689
2. Ryoo W. Young people going to Yeonnam-dong: An exploratory study on the cultural space reproduced by the cultural industry / W. Ryoo, M. Kim // *Journal of Humanities*. 2024. Vol. 64. P. 17–48. DOI: 10.33638/JHS.64.2
3. Lee S. The Labor Process of Relational Labor: The Case of the K-pop Fan Platform «Bubble» / S. Lee, R. Prey // *Popular Music and Society*. 2025. DOI: 10.1080/03007766.2025.2492505
4. Andreeva O.V. The musical youth subculture of K-pop: characteristic features and a typical representative / O.V. Andreeva, V.I. Polnikova // *The territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*. – 2023. – Vol. 15. № 3. P. 208–221. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-3/208-221
5. Tikhonov A.V. From the sociology of management to the sociology of management as a research program // *Sociological research*. 2010. № 5. P. 5–14. ISSN 0132-1625
6. Bashmakov V.I. Sociology of management : a textbook for universities / V.I. Bashmakov, R.V. Lenkov. 3rd ed. M. : Yurayt, 2025. 409 p. ISBN 978-5-534-05080-6
7. Shadrina L.Yu. Technologies of management of social facilities // *Bulletin of the National University of Economics*. 2009. № 3. P. 63–70. ISSN 2073-6495
8. Depelyan R.A. Typology of social technologies in management // *Power*. 2024. Vol. 32. № 6. P. 191–204. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-6-191-204
9. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New-York : PublicAffairs, 2004. 192 p.
10. Fadeeva O.P. K-pop culture as a tool of «soft power»: practices of involving Russian youth / O.P. Fadeeva, K.K. Musalimova // *ECO*. 2025. Vol. 55. № 5. P. 277–298. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-5-277-298
11. Laruelle M. Conspiracy and Alternate History in Russia: A Nationalist Equation for Success? // *The Russian Review*. 2012. Vol. 71. № 4. P. 565–580. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2012.00669.x
12. Bourdieu P. *Sociology of social space*. M. : Institute of Experimental Sociology; SPb. : Aleteya, 2005. 288 p. ISBN 5-89329-762-8
13. Zeynalli R.R. Oglu. Analysis of socio-cultural practices of university youth policy // *Socio-humanitarian knowledge*. 2025. № 2. P. 56–61. DOI: 10.34823/SGZ.2025.2.52063
14. Website of the Government of the Saratov region. Saratov hosted the III International Samulnori Korean Drums Forum, July 29, 2019. URL : https://sarpan.ru/articles/11-kultura/1326-v_saratove_proshel_3i_mezh_dunarodnyi_forum_koreiskih_barabanov_samulnori2019 (date of application 04/28/2026).
15. Committee on External Relations of St. Petersburg. VI All-Russian Samulnori Forum, July 25, 2022. URL : <https://kvs.gov.spb.ru/news/69973> (date of application 04/27/2026).
16. Russian Koreans Group – Koreans of the CIS. Report on the Mek group // *Koryo-saram.site*. URL : <https://koryo-saram.site/gruppa-russian-koreans-korejtsy-sng-v-moskve> (date of application 05/27/2026).
17. Vtomske.ru. Origami and K-pop dance workshops await Tomsk residents at the Korean Culture Festival, May 11, 2022. URL : <https://vtomske.ru/news/191733-master-klassy-po-origami-i-k-pop-dance-jdut-tomichei-na-festivale-koreiskoi-kultury> (date of application 04/25/2026).
18. Akulova Maria. Mirine Cultural Center: [VKontakte post] // *VKontakte: a social network*. URL : https://vk.com/wall155401323_6954 (date of application 04/25/2026).

Информация об авторе

Бит-Шамаш Александр

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
bitshamash@mail.ru

Alexander Bit-Shamash

Peoples' Friendship University of Russia
named After Patrice Lumumba
bitshamash@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-22>

УДК 316

Attribution

cc by

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гончарова Н.В.

Тихоокеанский национальный университет

Аннотация. Цифровизация является одним из ведущих факторов трансформации современного общества, проникая во все сферы социальной жизни и изменяя устоявшиеся формы межличностной коммуникации. Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе влияния цифровизации на социальные отношения, включая трансформацию коммуникативных практик, изменение структуры социальных связей, формирование новых форм социальности и социализации, а также выявление позитивных и негативных последствий цифровой трансформации для межличностного взаимодействия и психосоциального благополучия индивидов. В рамках исследования поставлены следующие задачи: рассмотреть теоретические подходы к пониманию цифровой социализации и ее влияния на коммуникативные мотивы индивидов; проанализировать изменения в структуре социальных отношений под воздействием цифровых технологий; выявить основные тенденции трансформации межличностной коммуникации в цифровой среде; оценить социальные риски, связанные с цифровизацией социальных отношений; определить направления адаптации социальных институтов к новым условиям. Методы. Исследование основано на анализе научной литературы по проблеме цифровизации социальных отношений. Использованы методы теоретического анализа, синтеза и обобщения эмпирических данных, представленных в современных исследованиях отечественных и зарубежных авторов, а также методы системного и сравнительного анализа для выявления общих закономерностей и специфических особенностей трансформации социальных отношений в условиях цифровизации. Результаты. В ходе исследования установлено, что цифровизация приводит к формированию новых форм социальности, характеризующихся сочетанием реального и виртуального взаимодействия. Выявлено, что социальные сети становятся значимой платформой для реализации межличностных коммуникативных мотивов, при этом наблюдается трансформация традиционных механизмов социализации. Выводы. Требуется формирование гибких механизмов для применения возможностей цифровизации с учетом сохранения межличностных отношений и психологического благополучия индивидов.

Ключевые слова: цифровизация, социальные отношения, социальные сети, цифровая социализация, межличностная коммуникация, социальный капитал, цифровая социальность, виртуальное взаимодействие, психосоциальное благополучие, трансформация социальных институтов.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON SOCIAL RELATIONS

Natalia V. Goncharova

Pacific National University

Abstract. Digitalization is one of the leading factors in the transformation of modern society, penetrating all spheres of social life and changing established forms of interpersonal communication. The purpose of this study is a comprehensive analysis of the impact of digitalization on social relations, including the transformation of communicative practices, changes in the structure of social ties, the formation of new forms of sociality and socialization, as well as the identification of positive and negative consequences of digital transformation for interpersonal interaction and psychosocial well-being of individuals. The following tasks were set within the framework of the study: to consider theoretical approaches to understanding digital socialization and its impact on communicative motives of individuals; to analyze changes in the structure of social relations under the influence of digital technologies; to identify the main trends in the transformation of interpersonal communication in the digital environment; to assess social risks associated with digitalization of social relations; to determine directions for adaptation of social institutions to new conditions. Methods. The study is based on the analy-

sis of scientific literature on the problem of digitalization of social relations. Methods of theoretical analysis, synthesis and generalization of empirical data presented in modern studies of domestic and foreign authors were used, as well as methods of systemic and comparative analysis to identify general patterns and specific features of the transformation of social relations in the context of digitalization. Results. The study found that digitalization leads to the formation of new forms of sociality characterized by a combination of real and virtual interaction. It was revealed that social networks are becoming a significant platform for the realization of interpersonal communicative motives, while the transformation of traditional mechanisms of socialization is observed. Conclusions. It is necessary to form flexible mechanisms for applying the opportunities of digitalization while preserving interpersonal relations and psychological well-being of individuals.

Keywords: digitalization, social relations, social networks, digital socialization, interpersonal communication, social capital, digital sociality, virtual interaction, psychosocial well-being, transformation of social institutions.

Funding: Independent work.

Введение. Цифровая трансформация современного общества является одним из ведущих процессов, задающих направление развития социума в начале XXI века. Цифровые технологии проникают во все сферы жизни людей – это ведет к полному пересмотру привычных моделей социального общения, меняются формы коммуникации и природа социальных связей. Как пишет А.Н. Чумаков, сегодня складывается фактически новая парадигма не просто качественно различных экономических формаций и взаимосвязей, а вообще планетарных процессов, основной тенденцией которых является цифровая трансформация [9, с. 38]. Этот феномен имеет общемировой масштаб, он кумулятивно влияет на всю совокупность общественных явлений (в том числе социальную), нуждается в теоретической рефлексии и эмпирическом исследовании.

Особую роль при этом играют именно социальные сети. Они превращаются из инструмента общения в самостоятельное пространство социализации. По мнению Н.Б. Сабырова роль соцсетей как одного из инструментов цифровизации общества очевидна [8, с. 86]. Социальные сети трансформируют не просто формы общения – они меняют архитектуру социальных отношений и открывают новые перспективы в общении людей, а вместе с тем ставят новые проблемы при качестве общения между людьми. Комплексный характер этого феномена определяет потребность его комплексной научной разработки.

На сегодняшний день актуальной является проблема изучения воздействия цифровизации на социальные связи общества. В научном сообществе рассматриваются вопросы изменения коммуникационных форм, социальных процессов социализации личности, появления нового типа социальной идентичности и социальные опасности от зависимости к Интернету и падением уровня общения между людьми. Но при этом множество вопросов по этой проблеме еще открыты для обсуждения. Это говорит об актуальности работы и о том, что необходима систематизация полученных знаний в области воздействия цифровизации на социальные связи.

Цель работы – провести системное изучение воздействия цифровизации на общество (на коммуникативные практики, формы организации социального взаимодействия, новые типы социальности и социализации), определение положительных и отрицательных эффектов от процессов цифровой трансформации на взаимодействие людей между собой. Решение данной задачи включает в себя выполнение следующих задач: изучение существующих концепций о природе феномена цифровой социализации и его воздействии на коммуникативные потребности личности; исследование трансформаций социальной структуры при внедрении цифровых технологий; определение ключевых трендов изменения взаимодействия между людьми в условиях цифрового пространства; оценка рисков социального развития от процесса цифровизации общества; выделение векторов адаптации социальных структур под новые реалии.

Результаты. Анализ литературы по вопросу о влиянии цифровизации на социальную сферу позволяет обозначить ряд векторов развития, где наиболее ярко проявляются трансформации. Прежде всего, следует отметить трансформацию коммуникативных практик, обусловленную распространением цифровых технологий и социальных сетей. Как показывают исследования, социальные сети становятся значимой платформой для реализации межличностных коммуникативных мотивов, при этом наблюдается существенная трансформация традиционных механизмов социализации [1, с. 4]. В исследовании Х.Т. Гебремариам и соавторов, посвященном цифровой социализации студентов университетов, выявлено, что «межличностные коммуникативные мотивы студентов среднего уровня для использования цифровой социализации», при этом «не было значительных различий в межличностных коммуникативных мотивах при цифровой социализации с использованием социальных сетей на основе гендера» [1, с. 5]. Полученные данные свидетельствуют о том, что цифровая социализация становится универсальным механизмом, охватывающим различные социальные группы независимо от их демографических характеристик.

Важным результатом анализа является установление связи между мотивами межличностной коммуникации и цифровой социализацией. В исследовании, проведенном Х.Т. Гебремариам и соавторами, была выявлена значимая корреляция между коммуникативными мотивами и цифровой социализацией, при этом «все межличностные коммуникативные мотивы – удовольствие, привязанность, избегание, расслабление и включение – были сильно связаны друг с другом, за исключением контроля, который не имел статистически значимой связи с удовольствием, избеганием или расслаблением» [1, с. 8]. Данный результат указывает на то, что цифровая среда не просто создает новые возможности для коммуникации, но и по-разному актуализирует различные коммуникативные мотивы, что требует дифференцированного подхода к анализу социальных отношений в цифровом пространстве.

Трансформация социальных отношений в условиях цифровизации проявляется также в изменении структуры социальных связей и формировании новых форм социальности. По мнению М.А. Антипова, диджитализация, являясь характерным процессом информационного общества, проявляется во множестве сфер социальной жизни. Вместе с тем, меняются и более фундаментальные уровни – уровень социальности как формы существования, что влечет за собой радикальное изменение статуса человека, его социализации и деятельности по самоутверждению как личности [5, с. 61]. Этим можно показать насколько глубоко перемены. Они касаются не просто форм социальных отношений, а их основы.

В результате цифровой трансформации формируется новая цифровая социальность, характеризующаяся расширением возможностей для социального взаимодействия за счет преодоления пространственно-временных ограничений. По мнению Д. Ханадини технология изменила характер социального взаимодействия. Оно стало более динамичным и доступным каждому человеку. Вследствие этого возрос уровень социальной включенности, возникли новые способы социализации – виртуальные общности, гибкие идентичности [2, с. 84]. Такая трансформация несет с собой положительные и отрицательные стороны, что важно для понимания современного общества.

Одним из важных выводов работы является определение угроз при цифровизации социальной сферы. Ф. Олуватиин отмечает, что технология делает общение более легким. Это приводит к снижению уровня эмпатии в общении между людьми и тем самым ухудшению их психического здоровья. Увеличение использования технологий общения способствует развитию социальной изоляции человека, в особенности тех лиц, которые не имеют хороших навыков цифрового общения [4, с. 138]. Данное наблюдение подтверждается в исследовании И.С. Дмитриевой,

которая отмечает, что «влияние цифровизации является фактором ослабления социальных связей и, следовательно, причиной постепенного исчезновения гражданских установок» [6, с. 175]. Риски цифровой изоляции и снижения качества межличностных отношений требуют разработки адаптивных стратегий, позволяющих минимизировать негативные последствия цифровой трансформации.

Д.У. Охунова в своей работе рассматривая влияние цифровизации на сферы социальных услуг, отмечает, что под цифровизацией экономики понимается не только массовая интеграция цифровых технологий, но еще и проблема влияния этого процесса на государство и общество [7, с. 44]. В сфере социальных услуг цифровизация создает как новые возможности для повышения их доступности и качества, так и риски, связанные с цифровым неравенством и потерей персонального контакта. Как отмечает исследователь, «благодаря использованию цифровых технологий социальные сферы становятся более мобильными и адаптивными к изменениям, а значит, повышается и качество социальных услуг. В то же время цифровые технологии не являются социально нейтральными – с одной стороны, они приносят обществу новые перспективы, возможности и решения, но с другой стороны, они также являются источником социальных рисков» [7, с. 45]. Данный вывод свидетельствует о двойственной природе цифровизации, которая требует сбалансированного подхода к ее внедрению в социальную сферу.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать ряд положений, имеющих значение для понимания влияния цифровизации на социальные отношения. Прежде всего, следует отметить, что цифровизация приводит к формированию принципиально новой среды для социального взаимодействия, в которой традиционные формы коммуникации дополняются и частично замещаются виртуальными. Как отмечает М.А. Антипов, «современное общество под воздействием информатизации разделяется на сферу реального и гиперреального, или, иными словами, реального и виртуального. В результате человек на уровне сознания оказывается погруженным в оба измерения социальной жизни – и в реальное, и в виртуальное» [5, с. 63]. Данное обстоятельство создает принципиально новые условия для социализации и формирования социальных отношений.

Особого внимания заслуживает феномен метавселенных, который рассматривается М.А. Антиповым как один из наиболее значимых трендов цифровизации. Предполагается, что метавселенная в дальнейшем будет обладать следующими качествами: иммерсивность; интерактивность онлайн-режима; коммуникация с пользователем; кроссплатформенность и кросс-девайсность; одновременное присутствие тысяч пользовате-

лей; множественные применения вне игровой индустрии [5, с. 64]. Развитие метавселенных создает принципиально новую форму социальной реальности, которая оказывает все большее влияние на социальные отношения и процессы социализации. При этом, как справедливо подчеркивает А.Н. Чумаков, «наряду с несомненными достижениями в области цивилизационного развития на планете все еще пышным цветом цветет и варварство, и даже дикость» [9, с. 45], что указывает на необходимость сохранения ценностных ориентиров в условиях цифровой трансформации.

Важным аспектом обсуждения является вопрос о социальном капитале в условиях цифровизации. По мнению исследователя И.С. Дмитриевой влияние цифровизации на построение социальных связей и социальный капитал очень разнообразно [6, с. 175]. Например, возможен вариант развития событий, когда происходит полная трансформация социальных сетей через цифровую среду; тогда основным носителем информации будет являться именно социальный капитал. В другом варианте трансфера социальные связи из виртуальной среды не переходят в реальную жизнь. Это приводит к снижению уровня социального капитала. При благоприятной тенденции цифровизация будет способствовать росту одновременно социальных связей и социального капитала (повышению активности граждан). Данная многовариантность указывает на то, что влияние цифровизации на социальный капитал не является однозначным и зависит от множества факторов, включая институциональную среду и социально-культурный контекст.

Обсуждение результатов исследования показывает, что социальные сети играют ключевую роль в цифровизации социальных отношений. Как подчеркивает Н.Б. Сабыров, «социальные сети стали принципиально новым способом коммуникации и попыткой переноса части общественных отношений в пространство технологий» [8, с. 83]. Социальные сети создают новые возможности для общения, преодолевающие пространственно-временные ограничения, но одновременно порождают риски поверхностного взаимодействия и снижения качества межличностных отношений. Трансформация социальных отношений под воздействием социальных сетей проявляется в изменении коммуникативных практик, формировании новых социальных идентичностей и переопределении границ между публичным и приватным.

Существенное значение в контексте обсуждаемой проблемы имеют социальные последствия кумулятивного взаимодействия глобализации и цифровизации, которые рассматривает А.Н. Чумаков [9, с. 39–40]. Как показывает анализ, данные процессы, соединяясь, взаимообуславливая и взаимодополняя друг друга, порождают кумулятивный эффект, проявляющийся в различных общественных явлениях. Данный эффект может быть как позитивным (расширение возможностей

для коммуникации, повышение доступности информации), так и негативным (возникновение новых форм социального неравенства, усиление контроля над личной жизнью). А.Н. Чумаков отмечает, что «поскольку глобализация и цифровизация – процессы по природе своей объективные, нам остается принять это и максимально воспользоваться теми позитивными результатами и возможностями, которые они предоставляют» [9, с. 42]. Одновременно он подчеркивает необходимость осознанного отношения к их негативным последствиям.

Особую значимость в обсуждении приобретает вопрос о психосоциальном благополучии индивидов в условиях цифровой трансформации. По мнению Ф. Олуваатоина задачи от технологических изменений в моделях коммуникации состоят в уменьшении человеческого общения, что приводит к снижению социального интеллекта и эмпатии при общении с людьми [4, с. 140]. Это также отражено у М.Ю. Щетининой. Она пишет о том, что цифровизация сильно влияет на социальную жизнь людей. Вследствие распространения соцсетей и мессенджеров люди все больше отдают предпочтение онлайн-общению вместо живого общения. Что сказывается на качестве контакта между людьми и эмоциональной близости, увеличивается чувство одиночества и социальной изоляции [10, с. 83]. Из вышесказанного следует вывод о необходимости создания механизмов поддержания уровня социализации и идентичности.

Цифровая трансформация социальной сферы является многогранным и неоднозначным явлением – для нее характерен целый ряд проблемных аспектов. Важно принимать во внимание не только преимущества от внедрения цифровых решений, но также угрозы неправильного применения технологий. Одним из перспективных направлений работы становится анализ путей адаптации институциональных форм социального взаимодействия с условиями цифровой модернизации и создание рекомендаций для поддержания уровня коммуникативной культуры при переходе к цифровым технологиям общения.

Заключение

Проблема цифровизации общества – это одна из актуальных проблем современного мира, которую необходимо исследовать теоретически и решать на практике. На основании выполненного исследования можно констатировать следующее. Развитие цифровых технологий, появление социальных сетей и новых форм общения формируют новую среду социализации человека с её новыми перспективами и опасностями. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что социальные сети выступают эффективным средством достижения межличностного коммуникативного мотива; происходит изменение старых способов социализации и создание новых видов социального самоопределения человека.

Основным выводом работы является констатация факта возникновения новой формы социальной связанности – цифровой социальности с ее двойственностью в реальном и виртуальном взаимодействии людей. С одной стороны, развитие сети способствует увеличению социального круга общения, снятию географических и временных барьеров, росту открытости для коммуникаций. Во-вторых, развитие поверхностного общения, ухудшение коммуникаций между людьми и социальная отчужденность. Это противоречие необходимо решать посредством разработки комплексных мер по применению информационно – коммуникативных технологий так, чтобы они приносили больше пользы и меньше вреда.

Одним из выводов исследования можно считать утверждение о том, что эффект цифровизации для социальных связей носит общезначимый и ситуативно-определенный характер. По мнению Х.Т. Гебремариам и соавторов, цифровая социализация приобретает черты всеобщности, распространяясь на разнородные социальные сообщества вне зависимости от принадлежности к той или иной возрастной группе [1, с. 5]. Совместно с этим особенности и результаты цифровизации социальных взаимодействий могут сильно отличаться по своей природе и результатам от культуры, института и личности участников общения.

Таким образом, исследование влияния цифровизации на социальные отношения позволяет

сделать вывод о необходимости выработки адаптивных стратегий, направленных на сохранение качества межличностных отношений в условиях цифровой трансформации. Как подчеркивает А.Н. Чумаков, «какие надежды ни возлагались бы на глобализацию, цифровизацию и иные перспективы в развитии науки, техники и технологий, подлинные перемены должны произойти, прежде всего, в самом человеке и обществе – на уровне сознания, морали и поведения людей» [9, с. 46]. Данное положение имеет принципиальное значение для понимания вектора дальнейших исследований в области цифровой трансформации социальных отношений.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на уточнение механизмов влияния цифровых технологий на различные аспекты социальных отношений, включая межличностную коммуникацию, формирование социального капитала, а также психосоциальное благополучие индивидов. Особый интерес представляет изучение долгосрочных последствий цифровой трансформации для общества в целом, а также разработка практических рекомендаций по оптимизации использования цифровых технологий в социальной сфере. Важным направлением является также исследование эффективных стратегий формирования цифровой грамотности и преодоления цифрового неравенства, которые рассматриваются как факторы, определяющие успешность адаптации индивидов и социальных групп к условиям цифровой трансформации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Gebremariam H.T. Digital socialization: Insights into interpersonal communication motives for socialization in social networks among undergraduate students / H.T. Gebremariam, P. Dea, M. Gonta // *Heliyon*. 2024. Vol. 10. № 20. P. 1–15. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e39507 EDN: KYGAXC
2. Hanandini D. Social transformation in modern society: A literature review on the role of technology in social interaction // *Jurnal Ilmiah Ekotrans & Erudisi*. 2024. Vol. 4. № 1. P. 82–95. DOI: 10.69989/j0m6cg84 EDN: TGEEDY
3. Llorente R.M.B. Digitalization and social dialogue: challenges, opportunities and responses // *The New World of Work*. 2021. P. 110–154. DOI: 10.4337/9781800888050.00009
4. Oluwatoyin F. The Dynamics of Social Interaction in the Digital Age: Technological Implications for Interpersonal Relationships and Psychosocial Well-Being // *Journal of Social Science Studies*. 2021. Vol. 1. № 2. P. 137–142. URL : <https://jos3journals.id/index.php/jos3/article/view/69>
5. Антипов М.А. Социальность и социализация в условиях цифровизации общества // *Философская мысль*. 2022. № 11. С. 61–72. DOI: 10.25136/2409-8728.2022.11.38963 EDN: OAJEKJ
6. Дмитриева И.С. Влияние цифровизации на формирование социальных отношений и социального капитала // *Социально-гуманитарные знания*. 2025. № 1. С. 173–176. EDN: ENLZIC
7. Охунова Д.У. Влияние цифровизации на социальные услуги в современных условиях // *Территория науки и образования*. Учредители: ООО «Ростполиграф». 2025. № 4. С. 44–47. EDN: WZWUGC

8. Сабыров Н.Б. Роль социальных сетей в цифровизации социальных отношений // Вестник экспертного совета. 2022. № 1(28). С. 82–86. EDN: SOOPXX
9. Чумаков А.Н. Глобализация и цифровизация: социальные по-следствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. №. 8. С. 36–46. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-36-46 EDN: BMFTKT
10. Щетинина М.Ю. Социальные аспекты процесса цифровизации // Миссия конфессий. 2023. Т. 12. № 71. С. 82–86. EDN: YIHOCI

References:

1. Gebremariam H.T. Digital socialization: Insights into interpersonal communication motives for socialization in social networks among undergraduate students / H.T. Gebremariam, P. Dea, M. Gonta // Heliyon. 2024. Vol. 10. № 20. P. 1–15. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e39507 EDN: KYGAXC
2. Hanandini D. Social transformation in modern society: A literature review on the role of technology in social interaction // Jurnal Ilmiah Ekotrans & Erudisi. 2024. Vol. 4. № 1. P. 82–95. DOI: 10.69989/j0m6cg84 EDN: TGEEDY
3. Llorente R.M.B. Digitalization and social dialogue: challenges, op-portunities and responses // The New World of Work. 2021. P. 110–154. DOI: 10.4337/9781800888050.00009
4. Oluwatoyin F. The Dynamics of Social Interaction in the Digital Age: Technological Implications for Interpersonal Relationships and Psychosocial Well-Being //Journal of Social Science Studies. 2021. Vol. 1. № 2. P. 137–142. URL : <https://jos3journals.id/index.php/jos3/article/view/69>
5. Antipov M.A. Sociality and socialization in the context of the digitalization of society // Philosophical Thought. 2022. № 11. P. 61–72. DOI: 10.25136/2409-8728.2022.11.38963 EDN: OAJEKJ
6. Dmitrieva I.S. The Impact of Digitalization on the Formation of Social Relations and Social Capital // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. № 1. P. 173–176. EDN: ENLZIC
7. Okhunova D.U. The Impact of Digitalization on Social Services in Modern Conditions //Territory of Science and Education. Founders: LLC «Rostpoligraf». 2025. № 4. P. 44–47. EDN: WZWUGC
8. Sabyrov N.B. The Role of Social Networks in the Digitalization of Social Relations // Bulletin of the Expert Council. 2022. № 1(28). P. 82–86. EDN: SOOPXX
9. Chumakov A.N. Globalization and Digitalization: Social Consequences of Cumulative Interaction // Voprosy Filosofii. 2021. № 8. P. 36–46. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-36-46 EDN: BMFTKT
10. Shchetinina M.Yu. Social aspects of the digitalization process // Mission of denominations. 2023. Vol. 12. № 71. P. 82–86. EDN: YIHOCI

Информация об авторе

Гончарова Наталья Владимировна
преподаватель,
Тихоокеанский национальный университет
ORCID iD: 0009-0008-9458-4516
005301@togudv.ru

Natalia V. Goncharova
Lecturer,
Pacific National University
ORCID iD: 0009-0008-9458-4516
005301@togudv.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-3>

УДК 316.014+ 316.4.057.4+ 316.334.4

Attribution

cc by

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ОБ ИНСТИТУТЕ ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОВД)

Гюрджян Г.А., Лещенко В.П., Кочкин А.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В настоящей статье анализируются основные теоретико-методологические аспекты специфики исследования общественного мнения в контексте восприятия института российской полиции на примере деятельности следователей органов внутренних дел Российской Федерации. Количественные методы исследования не всегда в полной мере в современной социологической науке представляют возможность оценить состояние функционирования правоохранительных органов, на чем, в частности, акцентирует Ж. Бодрийяр. Для получения наиболее репрезентативных данных следует, в совокупности, применять не только количественные методы, но и качественные с учетом ключевых положений интеракционистской теории, которая исходит из необходимости intersubjectивного понимания деятельности отдельных социальных группы и индивидов, что находит свое отражение в работах Г. Блумера, Г. Беккера и Э. Гоффмана. В особенности, это касается закрытых маркированных социальных групп (например, полиции). Контраст между реальным состоянием института полиции и его восприятием общественностью понимается сквозь призму разности мировоззрений (К. Хьюбнер). Преимущество же интеракционистской социологической парадигмы раскрывается на примере деятельности следователей ОВД в органах предварительного следствия города Краснодара. В заключении статьи авторы приходят к выводу о том, что возможность фиксации максимально объективного мнения об институте полиции зависит от грамотной валидации методологии и основной исследовательской парадигмы, в которой работает исследователь.

Ключевые слова: институт полиции, интеракционизм, следователь органов внутренних дел, методология, общественное мнение, медиадискурс,

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PECULIARITIES OF STUDYING PUBLIC OPINION ABOUT THE POLICE INSTITUTION IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LEGAL STATE (ON THE EXAMPLE OF POLICE INVESTIGATORS' ACTIVITIES)

Gaik A. Gyurjyan, Vladimir P. Leshchenko, Anton A. Kochkin

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. This article examines the main theoretical and methodological aspects of the specifics of public opinion research in the context of the perception of the Russian police institution, using the example of the activities of investigators in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Quantitative research methods do not always provide a complete assessment of the functioning of law enforcement agencies in modern sociological science, as emphasized by Jean Baudrillard. To obtain the most representative data, it is necessary to use not only quantitative methods, but also qualitative ones, taking into account the key provisions of the interactionist theory, which proceeds from the need for an intersubjective understanding of the activities of individual social groups and individuals, which is reflected in the works of G. Bloomer, G. Becker and E. Hoffman. This is especially true for closed labeled social groups (for example, the police). The contrast between the real state of the police institution and its perception by the public is understood through the prism of the difference in worldviews. Hubner). The advantage of the interactionist sociological paradigm is

revealed on the example of the activities of investigators of the Department of Internal Affairs in the preliminary investigation bodies of the city of Krasnodar. In conclusion, the authors come to the conclusion that the possibility of fixing the most objective opinion about the institution of the police depends on the competent validation of the methodology and the main research paradigm in which the researcher works.

Keywords: institution of the police, interactionism, investigator of the Department of Internal Affairs, methodology, public opinion, media discourse.

Funding: initiative work.

Введение.

Деятельность сотрудников ОВД целесообразно рассматривать с нескольких концептуальных позиций. Это, с одной стороны, обусловлено многогранностью функционального потенциала российской полиции. С другой стороны, многоаспектный подход позволяет изучить специфику социальных актов сотрудников органов внутренних дел в целях их возможного дальнейшего усовершенствования, в том числе с позиции нормативного правового регулирования. Но в последнее время для понимания отношения российского общества к институту полиции, чаще всего, используются методы опроса, анкетирования в рамках системной теории и структурного функционализма.

Однако актуальные социологические концепции, исходящие из необходимости учета интерсубъективного взгляда на деятельность ОВД, предоставляют теоретико-методологическую возможность исследовать социальную природу полиции с учетом ее внутриорганизационных особенностей. То есть, сторонний наблюдатель, не владеющий знаниями о работе полицейских, получает возможность стать на место государственного служащего, проходящего службу в федеральных органах исполнительной власти, в обязанности которых входит обеспечение состояния законности и правопорядка в обществе.

Такой теоретический «конструкт» способствует не столько изменению общественного мнения о полиции, сколько помогает сделать его, насколько это представляется возможным, объективным, то есть максимально приближенным к тем реалиям, в которых осуществляется повседневность полицейского. Нельзя сказать, что при использовании указанной теоретико-методологической парадигмы мнение общественности будет «не таким»: крайне сложно представить, каким оно может быть или должно быть, если исходить из того, что категория «общественное мнение» достаточно эластична в том смысле, что мнение общества по природе своей гетерогенно и изменчиво, в силу чего, репрезентативность оценки позиции широкой аудитории зачастую ограничена выборкой респондентов и интерпретаций, полученных данных. Рассмотрим каждый аспект отдельно.

Материалы и методы.

В качестве основных методов исследования в настоящей работе использовались компарати-

вистский метод для понимания сходств и различий стандартизированных методов изучения общественного мнения в современном социологическом научном дискурсе, метод теоретического анализа социологических концепций для понимания теоретико-методологических особенностей интеракционистской социологической концепции, метод включенного наблюдения и индуктивный анализ, который необходим для выявления поведенческих паттернов и отдельных повседневных практик следователей органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих службу в подразделениях города Краснодара.

Обсуждение.

Стоит начать с того, что, когда речь идет о выборке респондентов, то мы имеем дело с частью генеральной совокупности; то есть, априори, мы сталкиваемся с проблемой целостности получаемых результатов. Разумное ограничение выборки позволяет сохранить временной ресурс для «захвата» мнения общественности в конкретный временной период. Кроме этого, когда исследователем сужается круг опрашиваемых лиц, то это, скорее, свидетельствует о здоровом подходе к фиксации мнения граждан о том или ином актуальном социальном явлении, поскольку социолог отдает себе отчет в том, что его ресурсы, так или иначе, ограничены, а, следовательно, все население России не представляется возможным опросить в целях оценки мнения граждан относительно того, как они воспринимают имидж полиции, если не использовать сплошную выборку.

По этой причине, когда представляются данные опроса или анкетирования, то указывается количество респондентов, тип выборки, а также процент погрешности, чтобы было понятно репрезентативность полученных данных. Однако сравнительно небольшое количество опрошенных не всегда означает условно-негативный показатель, поскольку при интерпретации данных исследователь обращает внимание на факторную и структурную операционализацию.

Трудно, в этой связи, не сказать про некоторые уязвимости, которые присущи такой методологической позиции исследователя.

Первое, на что следует обратить внимание, так это то, что выборка по умолчанию ограничивает объективность полноценной оценки предмета исследования, что уже снижает репрезентатив-

ность [1], которая по умолчанию может быть значительно снижена, если неопытный исследователь допустил ряд ошибок при выборе невариативной выборки и составлении вопросов, которые необходимо задать респондентам. Помимо этого, вопросы интервьюера могут несколько ангажировать ответы респондента, то есть сделать их, условно говоря, «правильными» для того, кто их задает, создавая иллюзию «правильности» для того, кто отвечает, то есть для респондента или группы респондентов.

Второй изъян полученных данных опросов репрезентируется в интерпретации, на что, в частности указывает Жан Бодрийяр [2], который пишет о том, что если будет установлено, что 99 % пассажиров метро не могут пострадать в ходе движения состава, то это ровным счетом ничего не значит, поскольку 1 % составляет ту переменную, которая может вмещать в себя все то количество индивидов, здоровье которых может подвергнуться опасности в результате поездки в метро. Иными словами, все 99 % трансформируются в 1 %, который свидетельствует об обратной стороне интерпретации, а, следовательно, такого рода данные почти бессмысленны.

Полагаем, что наиболее релевантной теоретико-методологической исследовательской парадигмой является интеракционистское направление в современной социологической мысли, поскольку в нем эксплицируются внутренние особенности организации деятельности закрытых социальных групп [3], даже когда речь об особенностях организации социальности реальности в учреждениях, куда доступ возможен только лицам с определенным объемом полномочий и определенным социально-правовым статусом [4].

Чаще всего, основными методами, которыми руководствуются исследователи, работающие в указанном направлении, являются включенное наблюдение и индуктивный анализ, также производные от них способы теоретического и эмпирического познания.

При этом стоит сделать оговорку и отметить, что авторы настоящей статьи не умоляют значимость системной теории и структурного функционализма, а также количественных методов исследования. Полагаем, что данные эмпирические методы познания должны использоваться вместе с качественными методами исследования. А интеракционистская концепция изучения института полиции и мнения общественности о нем актуализирует внимание к тем деталям, которые преимущественно доступны сотрудникам ОВД.

Нетрудно обратить внимание на то, что интеракционистская парадигма призвана работать скорее не только с общественным мнением, но и с той группой, мнение о которой изучается. Это позволяет сделать вывод о том, что здесь мнение общественности может варьироваться в зависимости от чистоты полученных сведений о той или иной закрытой группе.

С одной стороны, может показаться, что это не мнение общественности, а позиция ученого, которая подкрепляется его полученными данными в ходе полевых исследований. Следовательно, некоторые, тексты, что вполне очевидно, могут обладать воздействующей функцией [5], даже если речь идет о научном тексте, поскольку сведения, изложенные в них, строятся на фактах, что, так сказать, «подкупает» мнение общественности.

С другой стороны, не стоит забывать о том, что закон достаточного основания в сознании обывателя может трансформироваться в логическую ошибку вроде предвосхищения основания, что, в свою очередь, создает иллюзию, будто бы индивид обладает некоторыми сведениями относительно специфики деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

То есть, мнение о полиции у общественности может складываться далеко не всегда на основе имеющихся фактов и требований положений нормативно-правовых актов (поскольку нормы права в большей степени утверждают то, как должно с позиции представительных органов власти функционировать общество, а не то, как, на самом деле, конструируется социальная реальность), а на репрезентациях и симуляциях [6], создаваемых, например, в медиадискурсе [7]. Поэтому воздействие социологического исследования на массовую аудиторию во многом оправдано, так как способствует формированию более рафинированного представления социума об особенностях работы государственных служащего. Однако здесь существует возможная проблема, которая не позволяет перестроить парадигму восприятия аудитории: сложившееся мифологическое или бытовое представление части российского населения о работе полицейских может отторгнуть полученные факты об их реальной деятельности, ставшие доступны в результате эмпирического исследования. «Если мы стремимся теоретически постичь некую научную онтологию, — пишет Хьюбер, — то необходимо исследовать всеобщие понятийные основания тех структур, которые представляют развитую форму данной науки, то есть ее теорию» [8, с. 85].

В мифе же наблюдается обратный эффект: реальность воспринимается как данность вне той системы координат [8, с. 31], которая позволяет ее считать, интерпретировать и предсказывать. Можно сказать, что современный индивид скорее привык к тому, чтобы учитывать причинно-следственные связи при восприятии тех или иных социальных событий, поскольку «наше сознание в значительной степени сформировано научной онтологией» [8, с. 34], но это не значит, что оно не может отдавать предпочтение тому, что обладает большим иммерсивным потенциалом. То есть, речь идет о тех вещах, которые транслируют контент, который касается или может коснуться деятельности работы сотрудников ОВД в современном правовом российском госу-

дарстве. И тот контент, который «тригерит» внимание аудитории в большей степени, может иметь, таким образом, большее воздействие на сознании индивидов, независимо от того, насколько достоверна та информация, которую он транслирует.

В этой ситуации производимый «вау-эффект» [9] заменяет аргументацию как таковую. Другими словами, если что-то способно удивить, то оно интереснее и, возможно, достовернее, чем-то, что менее востребовано публикой. По этой причине, медиадискурс становится на вооружении полицейских СМИ [10] не только для формирования медийного имиджа современной российской полиции, но также и для подачи верифицированной информации как о работе сотрудников ОВД, так и о достигнутых ею результатах по предупреждению и пресечению преступлений и иных противоправных деяниях.

Из этого следует, что полем борьбы за мнение общественности является область репрезентации и феноменологии, то есть та сфера, где конструируется социальный образ полиции, включая медийное пространство. Однако сфера медийного контента является только одной из сфер, где может осуществляться представление образа федерального министерства, выполняющего функции по обеспечению общественной безопасности. Так, повседневная деятельность государственных служащих говорит не меньше о них, чем их репрезентация, например, в сети «Интернет», поскольку практическая деятельность сотрудников полиции выступает основной для их медийного образа.

Следует напомнить о том, что интеракционистская парадигма во многом зиждется на достижениях феноменологии, на что указывал, в частности, Талкотт Парсонс [11]. По этой причине, изучение особенностей восприятия практической деятельности сотрудников ОВД и спецификации структурирования их социальных актов и паттернов поведения [12] может позволить открыть глаза общественности на функционирование института полиции в современных реалиях правового государства.

В качестве примера, основываясь на включенном наблюдении одного из авторов настоящей работы, проходившего службу в территориальных органах МВД России г. Краснодара в 2020–2022 годах, можно привести роли, которые возлагаются на сотрудника следственных подразделений МВД России.

Например, деятельность следователя может быть транспонирована [13] в виде рутинной бюрократической работы, которая выполняется на постоянной каждодневной основе. Такие повседневные социальные практики актуализируются, когда сотрудник, например, имеет дело с представлением документов первичного учета [14], что зачастую происходит по окончании дежурных суток (то есть, когда дежурный следователь после вынесения постановления о возбуждении

уголовного дела и принятии его к производству, составляет в среднем по три статистические карточки; исключением в этой ситуации могут быть, например, уголовные дела, согласно фавбуле которых потерпевшей стороне не причиняется материальный ущерб, так как в такой ситуации заполнение карточки формы 4 не требуется (к таким категориям уголовных дел, в основном относятся, составы преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а именно статья 228, 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [15] (далее – УК РФ) и другие) либо в конце месяца, когда для официального документирования принятого следователем решения по уголовному делу необходимо заполнить не только так называемые «судебные» карточки, но и те, которые выставляются в том случае, когда процессуальное лицо принимает решение о приостановлении предварительного следствия в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, то есть по основанию, предусмотренному пунктом 1 частью 1 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [16] (далее – УПК РФ).

Несмотря на то, что профессиональная деятельность сотрудников следственных подразделений МВД России предполагает работу с процессуальными документами, тем не менее, в описанных выше обстоятельствах можно утверждать, что их работа на уровне символического восприятия приравнивается к деятельности сотрудника канцелярии, поскольку, вероятно, главная цель предварительного следствия заключается в том, чтобы установить истину по уголовному делу вместе с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, на что указывают требования положений статьи 73 УПК РФ.

Безусловно, это невозможно без процессуального «обеспечения», регламентированного положениями уголовно-процессуального закона, что также аргументируется требованиями статьи 75 УПК РФ. Однако, несмотря на это, «канцелярская» часть деятельности следователя иногда занимает в его работе ведущее место, хотя на это не указывает статья 38 УПК РФ (но такие обязанности чаще всего могут фиксироваться в должностной инструкции сотрудника ОВД, уполномоченного на производство предварительного следствия).

Другим примером интерсубъективного подхода к пониманию деятельности сотрудника следственных подразделений территориальных органов МВД России на уровне изучения транспонированных повседневных действий могут выступать особенности организации направления запросов на основании части 4 статьи 21 УПК РФ. Несмотря на то, что существуют сотрудники органа дознания (оперуполномоченные, участковые уполномоченные полиции и другие), которые по поручению следователя на основании требования части 1 статьи 152 должны выполнить в десятидневные срок его законное требование, од-

нако в силу того, что деятельность данных подразделений перегружена работой, связанной с установлением лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, следователь нередко принимает на себя роль перевозчика и курьера, поскольку такая ситуация побуждает значительную часть своей деятельности тратить на развоз запросов, необходимых, в частности, для истребования материалов, характеризующих личность обвиняемого, что обусловлено требованиями положений пункта 3 части 1 статьи 73 УПК РФ.

При этом бывают случаи, когда такого рода действия следователя руководителем следственного органа ставятся ему в упрек, то есть, когда руководство следственного подразделения предполагает, что следователь намеренно выполняет обязанности, предписанные органу дознания, поскольку желает уклониться от своих основных функциональных обязанностей.

Очевидным решением указанной проблемы является то, что следователю стоит отстоять свое право по направлению поручений органу дознания, в том числе это касается и случаев, когда есть необходимость доставить до адресата запросы, направляемые зачастую для получения характеризующего материала, и требовать от участкового или оперуполномоченного выполнения законных указаний в установленный срок. Однако далеко не всегда это представляется возможным сделать, несмотря на порядок, регламентированный УПК РФ, в силу реальных обстоятельств, которые могут складываться в определенном территориальном органе МВД России.

Третьим примером могут служить случаи, когда следователь, несмотря на свои прямые обязанности, может выступать в качестве некоего условного правонарушителя [17]. Такое возникает крайне часто, когда имеют место быть в работе сотрудника следственных подразделений МВД России нарушения требований уголовно-процессуального закона РФ, что не всегда подразумевает совершение таких деяний, за которые особенной частью УК РФ предусмотрена уголовная ответственность, однако такие случаи тоже иногда случаются.

Чаще всего, сотрудники следственных подразделений привлекаются к дисциплинарной ответственности за нарушения требований статей 6.1, 21, 73, 208 УПК РФ и других норм. Порядок же привлечения к ответственности чаще всего реализуется за счет проведения служебной проверки [18]. Данный факт не может быть аргументом патологической девиации следователей ОВД, однако он может указывать на то, что не всегда представляется возможным выполнить требования УПК РФ, поскольку довольно часто работа сотрудника следственных подразделений (особенно в органах внутренних дел Российской Федерации) перегружена, что несколько сказывается на качестве проводимого расследования (но

не всегда в контексте нарушения требований статьи 73 УПК РФ). То есть, иногда следователь вынужден акцентировать внимание на более существенных вещах (например, «судебные дела», то есть речь идет о тех уголовных делах, обвинительное заключение по которым реально утвердить у прокурора и в дальнейшем в кратчайший срок направить такое дело в суд), одновременно при этом качество работы по другим направлениям деятельности снижается (например, работа по неочевидным уголовным делам, то есть по тем делам, по которым лицо, подлежащее привлечению к ответственности не установлено).

Результаты.

Резюмируя вышесказанное, важно сказать о том, что перечисленные особенности возможной транспонированности социальной деятельности следователя органов внутренних дел не могут выступать в качестве способа дегуманизации [19] личности следователя или такой должностной категории вообще. Полагаем, что социально-бытовое представление образа деятельности сотрудника следственных подразделений МВД России помогает сформировать представление о нем как о «рядовом» индивиде, который вполне может столкнуться с теми трудностями, которые понятны широкой аудитории, что таким образом сближает деятельность российской полиции с повседневными практиками граждан на уровне общей идентификации возможных социальных проблем.

Правовое государство, в таком случае, несмотря на требования положений уголовно-процессуального закона, показывает такие лакуны, в которых данные нормы неумышленно форсируются некоторыми сотрудниками ОВД, что работает не в ущерб или не столько в ущерб возможности гражданам получить соответствующую правовую помощь, а в сторону интеграции идентификации деятельности государственных служащих посредством понимания возникающей общности социальных проблем.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сформулировать два тезиса в качестве перспективы по дальнейшему изучению рассматриваемой проблемы:

1. Мнение широкой аудитории относительно деятельности сотрудников полиции в современном российском правовом государстве важно учитывать сквозь призму институционализации публичной власти, поскольку это позволяет говорить не только о специфике функционирования органов внутренних дел в контексте понимания важности признания, соблюдения и защиты субъективных прав и свобод человека и гражданина, но констатирует возможность граждан страны непосредственно участвовать в обеспечении состояния социальной защищенности. Это достигается благодаря осознанию интеграции

МВД России в систему публичной власти и актуализации требований положений части 4 статьи 32 Конституции РФ.

Таким образом, современные особенности трансформации российского правового государства несколько меняют возможности восприятия института полиции, поскольку делают его частью доступного инструмента поддержания законности в обществе, что на формально-правовом уровне позволяет нивелировать трудности, связанные с обеспечением социальной справедливости полицейскими в риторике профилактики и предупреждения преступлений и административных правонарушений.

2. Современные тенденции изменчивости российского правового государства требуют пересмотра подхода к изучению общественного мнения об особенностях и эффективности деятельности полиции. В этой связи целесообразно акцентировать внимание на использовании качественных социологических методов исследования в интеракционистской парадигме, основывающейся на формировании интерсубъективно-

го взгляда на особенности поведения определенной социальной группы, особенно когда это касается случаев необходимости изучения паттернов поведения членов закрытой маркированной социальной группы, к числу которых можно отнести полицию, если рассматривать ее не как социальный институт, а в качестве социальной группы.

При использовании стандартизированных количественных социологических методов изучения мнения общественности относительно имиджа российской полиции (опрос, анкетирование) не ограничиваться исключительно ими, но стремиться повысить репрезентативность получаемых эмпирических данных посредством комбинированного использования количественных и качественных методов. Такой исследовательский подход способствует адекватному пониманию деятельности сотрудников ОВД, так как эксплицирует общий уровень социальных проблем, с которыми зачастую сталкиваются представители как закрытых социальных групп, так и иной части российской общественности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод / Г. Блумер; Пер. с англ. А.М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2017. 346 с.
2. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. РИПОЛ классик / Ж. Бодрийяр; Пер. с фр. А. Качалова; Науч. ред. к.ф.н. Д. Дамте. М., 2018. 288 с.
3. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М. : Элементарные формы, 2018. 272 с.
4. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психических больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Э. Гоффман; Пер. с англ. А.С. Салин; Под ред. А.М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2019. 464 с.
5. Салынова О.В. Политика как сфера-источник прецедентных феноменов в англоязычной рекламе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 10(163). С. 207–211. EDN: СЕННУУ
6. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; Пер. с фр. А. Качалова. М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
7. Кочкин А.А. Не могу молчать: некоторые особенности репрезентации образа сотрудника органов внутренних дел в современном отечественном кинематографе // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 1. С. 95–99. DOI: 10.24412/2658-638X-2024-1-95-99 EDN: XQVVUQ
8. Хюбнер К. Истина мифа / К. Хюбнер; Пер. с нем. М. : Республика, 1996. 85 с. (Мыслители XX века). ISBN: 5-250-02595-1 EDN: SAAFVF
9. Кочкин А.А. «Вау-эффект» девиации в массовой культуре или как мы питаемся ненормальностью / А.А. Кочкин; Отв. ред. В.А. Мансуров, Т.З. Адамьянц; Ред. Е.Ю. Иванова, П.С. Юрьев // Социальная коммуникация в современном российском обществе: Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 октября 2022 года. М. : Российское общество социологов, 2023. С. 145–149. EDN: ARNLJS
10. Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 16 июня 2011 г. № 683. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 21.07.2026).

11. Парсонс Т. Ретроспективная перспектива 1974 года. Теория социального действия / Т. Парсонс, А. Щюц; Пер. с англ. А.М. Корбута. М. : Элементарные формы, 2021. 176 с.
12. Плотников В.В. Специфика применения микросоциологических методов в исследовании деятельности российской полиции: этнометодологический подход / В.В. Плотников, А.А. Кочкин // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 2(79). С. 72–79. EDN: MAWSHX
13. Гoffman И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; Вступ. статья Г.С. Батыгина; Пер. с англ. М. : Институт социологии РАН, 2003. 752 с. ISBN: 5-93947-011-4
14. О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 дек. 2005 г. № 39, № 1070, № 1021, № 253, № 780, № 353, № 399. Доступ из СПС «Старс Юрист» (дата обращения 21.07.2026).
15. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из ИПО «Гарант». URL : http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqy57XkvOOL6eH9q_LVT7bpvpfrofLUvuC42rnVsdnylgDz5KjCucy1wvKE8JbijeO_LP9fKs8ay02EOi0LXbpd-45_Oy8l ngjeGz4lkQrA== (дата обращения 21.07.2026).
16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из ИПО «Гарант». URL : http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqy4bTj1fyY8tC-7LnXAUug8t6-4rjUuO2x0PKX8Jq1wC487XB8oTwk-KO4oD9i_y_86nwg7TRsvu90k6k4rnR87rxsuO54o3hi-n2 (дата обращения 21.07.2026).
17. Кочкин А.А. К вопросу о неформальных практиках следователей в МВД России // Новые контуры социальной реальности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (XII Северо-Кавказские социологические чтения), Ставрополь, 15 ноября 2023 года. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. С. 61–65. EDN: GSZHLF
18. Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161. Доступ из ИПО «Гарант». URL : http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqrzXft9W_qeqZArrvs9266L7esKH8kfLeqMi5yEWio-qS8ozgg-ST5pnkn_2r8-G_wqXTtOCk6Em0n-qV5rDiuuO66Yqt (дата обращения 21.07.2026).
19. Лушников Д.А. Вертикальная дегуманизация в социальной структуре как механизм внутреннего раскола общества в ситуации информационной войны // Университетская наука – региону: Материалы X-й (67) Ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и молодых ученых северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, 01–30 апреля 2023 года. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. 320 с. EDN: IKBSCO

References:

1. Bloomer G. Symbolic interactionism: perspective and method / G. Bloomer; Transl. from English by A.M. Korbut. M. : Elementary forms, 2017. 346 p.
2. Baudrillard J. Fatal strategies. RIPOL classic / J. Baudrillard; Transl. from French by A. Kachalov; Scientific ed. by PhD D. Damte. M., 2018. 288 p.
3. Becker G. Outsiders: studies in the sociology of deviance. M. : Elementary Forms, 2018. 272 p.
4. Goffman E. Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of closed institutions / E. Goffman; Transl. from English by A.S. Salin; Edited by A.M. Korbut. M. : Elementary Forms, 2019. 464 p.
5. Salynova O.V. Politics as a sphere - a source of precedent phenomena in English-language advertising // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2021. № 10(163). P. 207–211. EDN: CEHHVY
6. Baudrillard J. Simulacra and simulations / J. Baudrillard; translated from French by A. Kachalov. M. : POSTUM Publishing House, 2015. 240 p.
7. Kochkin A.A. I cannot remain silent: some features of the representation of the image of an employee of the internal affairs bodies in modern Russian cinema // Psychology and pedagogy of official activity. 2024. № 1. P. 95–99. DOI: 10.24412/2658-638X-2024-1-95-99 EDN: XQVVUQ
8. Hübner K. The truth of myth: Translated from German. M. : Respublika, 1996. 85 p. (Thinkers of the XX century). ISBN: 5-250-02595-1 EDN: SAAFVF
9. Kochkin A.A. The «wow effect» of deviation in popular culture or how we feed on abnormality / A.A. Kochkin; Edited by V.A. Mansurov, T.Z. Adamyants, Edited by E.Y. Ivanov, P.S. Yuryev // Social communication in modern Russian society: Collection of reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, October 20, 2022. M. : Russian Society of Sociologists, 2023. P. 145–149. EDN: ARNLJS
10. On approval of the Regulations on the Department for Interaction with Civil Society Institutions and the Media of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 16, 2011 № 683. Access from the SPS ConsultantPlus (accessed 07/21/2026).
11. Parsons T. Retrospective perspective of 1974. Theory of Social Action / T. Parsons; A. Shchyut; Transl. from English by A.M. Korbut. M. : Elementary Forms, 2021. 176 p.
12. Plotnikov V.V. Specifics of the use of microsociological methods in the study of the activities of the Russian police: an ethnomethodological approach / V.V. Plotnikov, A.A. Kochkin // SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture. 2020. № 2(79). P. 72–79. EDN: MAWSHX
13. Goffman I. Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience / I. Goffman; Edited by G.S. Batygin and L.A. Kozlova; intro. article by G.S. Batygina Transl. from English. M. : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2003. 752 p. ISBN: 5-93947-011-4

14. On the unified accounting of crimes: order of the Prosecutor General's Office of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Emergency Situations of Russia, the Ministry of Justice of Russia, the FSB of Russia, the Ministry of Economic Development of Russia, the Federal Drug Control Service of Russia dated December 29. 2005 № 39, № 1070, № 1021, № 253, № 780, № 353, № 399. Access from the SPS «Stras Lawyer» (date of application 07/21/2026).
15. Criminal Code of the Russian Federation: federal: feder. Law № 63-FZ of June 13, 1996. Access from the IPO «Garant». URL : http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqy57XkvOOL6eH9q_LVT7bpvpfrolUuvuC42rnVsdnylgDz5KjCucy1wvKE8JbjeO_LP9lfKS8ay02EOl0LXbpd-45_Oy8IngjeGz4lkQrA== (date of application 07/21/2026).
16. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law. the law of 18 Dec. 2001 № 174-FZ. Access from the IPO «Garant». URL : http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqy4bTj1fyY8tC-7LnXAuug8t6-4rjUuO2x0PKX8Jq1wlC487XB8oTwk-KO4oD9i_y_86nwg7TRsvu90k6k4rnR87rxsuO54o3hi-n2 (date of application 07/21/2026).
17. Kochkin A.A. On the issue of informal practices of investigators in the Ministry of Internal Affairs of Russia // New contours of social reality: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (XII North Caucasian Sociological Readings), Stavropol, November 15, 2023. Stavropol : North Caucasus Federal University, 2023. P. 61–65. EDN: GSZHLF
18. On approval of the Procedure for conducting an internal audit in the bodies, organizations and divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 26, 2013. № 161. Access from the IPO «Garant». URL : http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxiK_xqrzXt9W_qeqZArrvs9266L7esKH8kfLeqMi5yEWio-qS8ozgg-ST5pnkn_2r8-G_wqXTtOck6Em0n-qV5rDiuuO66Yqt (date of application 07/21/2026).
19. Lushnikov D.A. Vertical dehumanization in the social structure as a mechanism of internal division of society in a situation of information warfare // University Science for the region: Proceedings of the Xth (67th) annual scientific and practical conference of teachers, students and young scientists of the North Caucasus federal university, Stavropol, April 01–30, 2023 of the year. Stavropol : North Caucasus Federal University, 2023. 320 p. EDN IKBSCO

Информация об авторах

Гюрджян Гайк Арменович

кандидат психологических наук,
начальник кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
inkognito@inbox.ru

Лещенко Владимир Павлович

преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
inkognito@inbox.ru

Кочкин Антон Андреевич

преподаватель кафедры
теории и истории права и государства,
Краснодарский университет МВД России
kochkin@a-kochkin.ru

Gaik A. Gyurjyan

Candidate of Psychological Sciences,
Head of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
inkognito@inbox.ru

Vladimir P. Leshchenko

Lecturer at the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
inkognito@inbox.ru

Anton A. Kochkin

Lecturer at the Department
of Theory and History of Law and State,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kochkin@a-kochkin.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.07.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.08.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-6>

УДК 316.796(470.620)

Attribution

cc by

ЗДОРОВЬЕ В ОЦЕНКАХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Кантемирова И.Б., Михайлова Т.А.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты прикладного социологического исследования, направленного на изучение влияния профессиональной занятости жителей Краснодарского края на их здоровье и ресурсность. Доказательность и объективность работы обеспечивает обширная эмпирическая и теоретическая база исследования. В качестве объекта исследования выступили жители Краснодарского края в возрасте от 18 лет в количестве 156 человек, методом исследования выбран интернет-опрос (анкетирование). В целом результаты работы фиксируют, что экономически активное население Краснодарского края оценивает свои витальные ресурсы удовлетворительно. Представленные нами данные коррелируют с общероссийскими показателями, полученными по результатам опроса ВЦИОМ. Именно занятия спортом, физической культурой являются одним из значимых способов поддержания и восстановления физической ресурсности экономически активного населения Краснодарского края.

Ключевые слова: социология, спорт и физическая культура, рынок труда, культура здоровья, социологические исследования труда и здоровья людей.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

HEALTH IN THE ASSESSMENTS AND PERCEPTIONS OF THE ECONOMICALLY ACTIVE POPULATION OF THE KRASNODAR REGION

Inna B. Kantemirova, Tatyana A. Mikhailova

Kuban State University

Abstract. This article presents the results of an applied sociological study aimed at examining the impact of occupational employment on health and well-being among residents of the Krasnodar Krai. The study's extensive empirical and theoretical base ensures its validity and objectivity. The study involved 156 residents of the Krasnodar Krai aged 18 and older, using an online survey as the research method. Overall, the results demonstrate that the economically active population of the Krasnodar Krai rates their vital resources satisfactorily. Our data correlate with national indicators obtained from a VCIOM survey. Sports and physical activity are among the most significant ways to maintain and restore the physical resources of the economically active population of the Krasnodar Krai.

Keywords: Sociology, sports and physical education, labor market, health culture, sociological research of labor and human health.

Funding: Independent work.

Введение.

В современном мире, характеризующемся сверхдинамичными социально-экономическими процессами, внедрением в повседневные практики цифровых, информационных технологий и искусственного интеллекта, отмечается рост рискогенности различных сторон жизнедеятельности человека.

Вследствие названных процессов, актуализируются вопросы, связанные со здоровьем, опреде-

ляющим качество жизни отдельного человека и экономическую эффективность включенных в общественное производство трудовых ресурсов. «Являясь важнейшим свойством трудовых ресурсов, общественное здоровье оказывает большое влияние на социально-экономическое развитие, приобретая роль ведущего фактора экономического роста» [1]. В последние два десятилетия появляется все больше новых профессий и сфер занятости, в которых меняются общепринятые представления о характеристиках профессии и условиях труда, а также необходи-

мого уровня ресурсности участника трудовых отношений и пр.

Актуальность. В нашей стране пристальное внимание уделяется вопросам здоровья и здорового образа жизни граждан. Поскольку здоровье – это ресурс, который невозможно заменить ничем другим, и, благодаря которому, мы трудимся на благо нашего государства и общества в целом, а также реализуем свою продуктивную повседневную жизнь [6]. Меры, предпринимаемые в Российской Федерации в сфере здравоохранения, развития физической культуры и спорта, результаты их реализации, отражаются в социальных представлениях и оценках россиян своего положения и социального самочувствия, а также в выбираемом нашими гражданами образе жизни. Например, результаты мониторингового опроса россиян о социальном самочувствии, проведенного в мае 2025 года аналитическим центром ВЦИОМ, показали, что *«Даже при высоких ставках и двузначной инфляции большинство россиян сохраняют субъективное ощущение благополучия. Индекс удовлетворенности жизнью в последние годы более устойчив к внешним вызовам, что подтверждает: личная адаптация – важный ресурс общественной стабильности»*. В марте и апреле 2025 г. индекс удовлетворенности жизнью держится на уровне 64 п., это максимум с ноября 2024 г. Индекс материального положения семьи в марте-апреле достиг 58 п. (максимум с октября 2024 г.). Индекс социального оптимизма в апреле этого года составил 42 п., с середины 2024 г. он демонстрирует тренд на снижение [2].

Анализ восприятия непроизводственным персоналом условий труда и их воздействия на здоровье, выполненный М.Л. Дуленцовой на материалах авторского социологического исследования, проведенного в 2016 г., на одном из предприятий нефтегазовой отрасли г. Перми (объем выборки составил 150 человек, метод исследования – серия глубинных интервью с работниками), показал, что большая часть работников ассоциирует ухудшение своего здоровья с действием факторов риска, связанных с работой. Треть сотрудников отмечает наличие неблагоприятных изменений в состоянии их здоровья за время работы на предприятии (сотрудники, работающие на предприятии менее года, в данном вопросе не учитывались). Лишь небольшая часть работников (2,8%) считает, что за время работы на предприятии их здоровье улучшилось. Если говорить о конкретных негативных изменениях в состоянии здоровья, то можно составить рейтинг заболеваний, полученных персоналом на данном предприятии:

1. Ухудшение зрения (62,5 %).
2. Стресс, нервные расстройства (18,5 %).
3. Увеличение простудных заболеваний (8 %).
4. Появление лишнего веса из-за сидячей работы (5,5 %) [4].

В нашей стране для укрепления здоровья и популяризации здорового образа жизни реализуются различные социальные программы и стратегии, например, «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года», Государственная программа «Спорт России», Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» и пр. Открываются физкультурно-оздоровительные сооружения, дворцы спорта и пр. В Краснодарском крае за 2024 год построили около 60 новых спортивных объектов. Это многофункциональные спортивные комплексы, малобюджетные спортивные площадки и уникальные спортивные сооружения. Губернатор Краснодарского края, В.И. Кондратьев, отметил, что с начала 2025 года было построено 9 спортивных комплексов и 17 спортплощадок. Всего в 2025 году спортивная инфраструктура края пополнилась 42 объектами [5]. С 2025 года в Краснодарском крае начинается реализация программы «Земский тренер», аналогичной программам «Земский учитель» и «Земский доктор» [7].

Степень научной разработанности проблемы.

В связи с изменениями социально-экономических, правовых и технологических условий, которые привели к формированию новых форм занятости и организации труда (работа в удаленном режиме, гибридные формы организации труда / занятости и т.д.), интересным нам представляется исследование влияния трудовой занятости на мнение работающего населения Краснодарского края о ценности здоровья и выборе способов, которые они используют для его поддержания в оптимальном состоянии. Отношение к здоровью, практики его поддержания и сохранения, несомненно являются наглядным примером, прежде всего, для детей (внуков и пр.) респондентов, которые воспроизводят социальные паттерны, т.е. транслируемые убеждения, нормы и ценности семьи и общества.

В июле 2025 года в Краснодарском крае реализовано прикладное социологическое исследование, посвященное вопросам здоровья и трудовой деятельности человека.

Объект исследования – жители Краснодарского края в возрасте от 18 лет. Выборочная совокупность исследования составила 156 человек. В опросе приняли участие 76 мужчин (49 %) и 80 женщин (51 %) в возрастных группах: 18–34 лет (54 чел., 34 %), 35–54 лет (51 чел., 33 %), 55 лет и старше (51 чел., 33 %), проживающие в Краснодарском крае. Из них городские жители 120 чел. (77 % от числа опрошенных), сельские жители 36 чел. (23 %). У большинства опрошенных есть дети (62,5 %), из них: один ребенок (10,1 %), двое детей (37,2%), трое детей (14,1 %).

В исследовании приняли участие представители следующих сфер занятости: коммерческое предприятие – 63 респондента (40,4 %), государ-

ственная / бюджетная сфера – 54 респондента (34,6 %), самозанятые – 21 респондент (13,5 %) и предприниматели – 18 респондентов (11,5 %).

По уровню доходов респонденты распределились следующим образом:

1) наибольшую долю составили респонденты, оценивающие свой доход как средний (достаточно средств на повседневные траты, путешествия, развлечения, отдых; жилье, автомобиль и т.п. могут приобрести в кредит или нужно время накопить средства) – 58,3 % (91 чел.);

2) низкий (средств хватает только на повседневные расходы) – 30,8 % (48 чел.);

3) высокий (достаточно средств на повседневные траты, путешествия, развлечения, отдых, дорогостоящие покупки, такие как: жилье, автомобиль и т.п.) – 9 % (14 чел.);

4) очень низкий (ограничен в средствах на повседневные расходы) – 1,9 % (3 чел.).

Предмет исследования – ценность и значимость здоровья в представлениях жителей Краснодарского края, предпочитаемые способы его поддержания и профилактики заболеваний.

В **задачи исследования** были включены: изучение ценностной системы жителей Краснодарского края, их представления и оценки своего здоровья, социальные практики, ориентированные на поддержание и сохранение здоровья, влияние трудовой деятельности на здоровье, как базовый компонент человеческих ресурсов.

Метод исследования – интернет-опрос (анкетирование), данные, полученные в процессе исследования были обработаны посредством SPSS.

Результаты исследования будут представлены в следующих блоках: «Здоровье и ресурсность человека в представлениях и оценках жителей региона», «Жизненные ценности, уверенность в себе, продуктивность и энергичность населения региона», «Работа как фактор риска здоровью / физической ресурсности человека в представлениях и оценках экономически активных жителей региона».

Здоровье и ресурсность человека в представлениях и оценках жителей региона. Понятие «**ресурсность**» в контексте проведенного исследования определяется как достаточное количество физических и психологических сил у человека и его способность самостоятельно эти силы восполнять. Состояние ресурсности – это жизнь в гармонии, в балансе, в самодостаточности, являющихся определяющими факторами социальной, экономической и политической активности человека. Состояние ресурсности человека сопряжено с понятием человеческого капитала и капитала здоровья, как одного из его видов. Отечественные исследователи в своих

работах используют понятие витальный капитал, который «связан с состоянием здоровья, как физического, так и психологического, свойствами и типом характера, и заложенными в человеке талантами» [8]. С.В. Форрестер и Д.С. Веревкина отмечают, что витальный капитал определяется как «врожденная составляющая человека, то богатство, которое человек получает изначально» [8]. При этом нужно помнить, что такой базовый, даваемый при рождении капитал, чрезвычайно уязвим, характеризуется высоким риском частичной или полной его утраты.

Ресурсность как социальный феномен определяет потенциальную и реальную активность населения в социальной, экономической и политической сферах жизнедеятельности. В целях изучения физического аспекта ресурсности населения Краснодарского края в исследование были включены вопросы об оценке здоровья, использовании средств поддержания и восстановления здоровья, в том числе занятиях спортом.

Респондентам предлагалось оценить уровень своего здоровья по 5-балльной шкале, где 1 – очень слабое здоровье, а 5 – отличное здоровье.

Результаты социологического исследования показали, что 41,7 % опрошенных считает уровень своего здоровья хорошим, 16,7 % оценивают свое здоровье как отличное, 33,3 % дают удовлетворительную оценку, 7,7 % выбирают оценку «слабое здоровье» и менее 1 % – «очень слабое здоровье». Средняя оценка здоровья исследуемой совокупности составила 3,6 балла. Таким образом, мы можем говорить о том, что экономически активное население Краснодарского края оценивает свои витальные ресурсы удовлетворительно.

Представленные нами данные коррелируют с опросом ВЦИОМ, проведенного в мае 2024 года в РФ. Согласно результатам опроса, каждый третий респондент (33 %) характеризует состояние здоровья как хорошее, около половины (49 %) как удовлетворительное, примерно каждый шестой (16 %) находит свое здоровье слабым [3].

Результаты собственного исследования, проведенного в Краснодарском крае в 2025 г., показали, что молодежь в возрасте от 18 до 34 лет преимущественно считает уровень своего здоровья хорошим, так ответили более 48 % респондентов данной возрастной группы, в возрастной группе 35–54 года оценка уровня здоровья колеблется между удовлетворительной (39,2 %) и хорошей (37,3 %), в возрастной группе от 55 и более лет удовлетворительную оценку дали 41,2% и хорошую 39,2% опрошенных. При этом наивысшая средняя оценка здоровья отмечается среди молодежи – 3,8 и снижается в более старших возрастных группах: в группе 35–54 года она составила 3,7 балла, в группе от 55 лет – 3,4 балла.

Наблюдаются отличия в оценках здоровья между мужчинами и женщинами. Мужчины чаще женщин оценивают свое здоровье как отличное – 21,1 % опрошенных мужчин и 12,5 % опрошенных женщин, но и чаще женщин оценивают свое здоровье как слабое – 9,2 % мужчин и 6,3 % опрошенных женщин. При этом, средняя оценка здоровья среди мужчин составляет 3,7 балла, среди женщин – 3,6.

Далее, респондентам предлагалось распределить по шкале от 1 до 10 средства, с помощью которых они поддерживают здоровье как составляющую своей ресурсности. Результаты социологического исследования позволяют выделить самые популярные средства, которые используют респонденты в своей повседневной жизни для поддержания здоровья. На основе средних оценок мы выявили наиболее популярные средства поддержания здоровья / физической ресурсности жителями Краснодарского края:

1. Здоровый сон – 5,89.
2. Медицинские препараты – 5,13.
3. Правильное питание, диеты – 5,05.
4. Отсутствие или отказ от вредных привычек – 4,95.
5. Спорт и физическая культура – 4,83.

Результаты по возрастным группам позволяют сделать вывод о разнице подходов к этому вопросу среди жителей региона разных возрастов.

Наиболее популярные средства поддержания физической ресурсности в трех исследуемых возрастных группах выявлены на основе средних оценок. Так, в группе респондентов 18–34 года мы видим следующие пять позиций: здоровый сон – 5,76; спорт и физическая культура – 5,54; правильное питание, диеты – 5,09; медицинские препараты – 5,06; отсутствие или отказ от вредных привычек – 4,85.

В возрастной группе 35–54 года мы наблюдаем тот же популярный набор средств и практик с незначительным расхождением в группах между позициями «правильное питание, диеты» и «спорт и физическая культура»: здоровый сон – 5,86; правильное питание, диеты – 5,10; спорт и физическая культура – 4,76; медицинские препараты – 4,59; отсутствие или отказ от вредных привычек – 4,12.

«Спорт и физическая культура» более популярна в группе 18–34 года, «правильное питание, диеты» в группе 35–54 года.

В возрастной группе 55 лет и старше фиксируется более широкий набор средств поддержания здоровья, состоящий из восьми позиций: здоровый сон – 6,06; отсутствие или отказ от вредных привычек – 5,88; медицинские препараты – 5,76; правильное питание, диеты – 4,96; народная

медицина – 4,80; спорт и физическая культура – 4,16; комплексное обследование организма и пр. – 4,08; баня, сауна и пр. – 4,08.

Занятие спортом, физической культурой является одним из значимых способов поддержания и восстановления здоровья, то есть физической ресурсности жителей Краснодарского края. На основе разницы средних оценок в исследованных возрастных группах мы видим, что наиболее популярным спорт является в молодежной среде, оценка значимости данной позиции снижается в старшей возрастной группе. В целом на вопрос: «Как часто вы занимаетесь спортом и физической культурой?», ответы распределились следующим образом: 34 % респондентов занимаются 2–3 раза в неделю, 28 % – один раз в неделю, 24 % – занимаются редко (один раз в месяц и т.п.), 8 % занимаются каждый день и 6 % опрошенных не занимаются спортом. В возрасте 18–34 года спортом занимаются 2–3 раза в неделю 44 % и один раз в неделю 26 % респондентов, в возрасте 35–54 года 33 % и 20 %, в возрасте 55 лет и старше 24 % и 37 % соответственно.

Таким образом, в нагрузки средней интенсивности включены: 70 % респондентов в возрасте 18–34 года, 53 % респондентов в группе 35–54 года и 61 % в группе от 55 лет. Так, наблюдается достаточно высокий интерес граждан к спортивным нагрузкам средней интенсивности, что говорит о необходимости физической культуры и спорта в жизни опрашиваемых для поддержания своего организма в оптимальном состоянии (ресурсном состоянии), а также привитие, через наглядный пример, своим детям и внукам практики (привычки) физкультурных занятий.

Жизненные ценности, уверенность в себе, продуктивность и энергичность населения региона. Ценностная система человека отражает физиологический / витальный, материальный и психологический аспект ресурсности. Проведенное исследование включало вопросы о ценностях и факторах успешности (социальной, экономической и политической активности) жителей Краснодарского края.

На основе результатов опроса было выявлено, что для респондентов в число приоритетных жизненных ценностей входят:

- семья и дети – 8,5 баллов (наивысшее значение ценности отметили 64,7 % опрошенных);
- собственное жилье – 8,3 балла (наивысшее значение отметили 57,7 % опрошенных);
- здоровье – 8,2 балла (наивысшее значение ценности отметили 53,8 % опрошенных); душевное спокойствие – 8,1 балла (наивысшую оценку выбрали 50 % опрошенных);
- деньги, финансовая стабильность, обеспеченность – 7,9 балла (наивысшее значение отметили 43,6 % опрошенных).

Согласно результатам проведенного социологического исследования, было выявлено, что для респондентов **тремя главными условиями их уверенности в себе, продуктивности и энергичности, отражающими проявления ресурсного состояния**, являются – крепкая семья и ее поддержка (81 %), хорошее здоровье (61 %), финансовая стабильность (60 %) и пр.

Работа как фактор риска здоровью / физической ресурсности человека в представлениях и оценках экономически активных жителей региона. Здоровье, физическая ресурсность – базовый, получаемый человеком при рождении капитал, является основой социально-экономической активности индивида. При этом именно этот вид ресурсности чрезвычайно уязвим, характеризуется высоким риском частичной или полной его утраты. Одним из основных факторов риска здоровью, физической ресурсности экономически активного населения, т.е. той части населения, которая производит или готова производить предложение рабочей силы для производства товаров и услуг, является работа, под которой понимается осуществляемая трудовая деятельность, включая самозанятость и предпринимательство.

В выборку социологического исследования вошли респонденты, работающие в разных условиях: 59 % работают в офисе, учреждении, в торговом зале и т.п., 15 % работают на производстве, 11 % – под открытым небом (в сельском хозяйстве, ландшафтном дизайне, строительстве и т.д.), 8 % – дома, в удаленном режиме (за компьютером) и 7 % – в сфере транспорта (водитель и т.п.). Исходя из структуры выборки по показателю условий занятости, интересным представляется выявить мнение опрашиваемых о том, какие возможные риски физической, витальной ресурсности, здоровью может нести работа, прежде всего, условия труда. Самый популярный ответ – «стрессовые ситуации, сбои в работе техники, программного обеспечения, ограниченные сроки выполнения заданий, конфликты в коллективе» (выбрали 52 % респондентов), далее гиподинамия, вызванная в том числе сидячей или стоячей работой (39 %), и нарушение режима дня и отдыха из-за переработок (37 %). «Опасные условия труда» и «Чрезмерные физические нагрузки» выбрали по 21 % опрошенных, незначительная доля респондентов (0,6 %) считает, что работа не несет никаких рисков.

Выявлено, что мнения респондентов о том, какие основные риски несет трудовая деятельность, различаются в зависимости от условий труда. Схожее распределение ответов о значимости рисков характерно для двух групп респондентов – «работающие в офисе, учреждении, в торговом зале» и «работающие дома, в удаленном режиме (за компьютером)». Наиболее значимым риском представители этих групп считают «Стрессовые ситуации (сбои в работе техники, программного обеспечения, ограниченные сроки

выполнения заданий, конфликты в коллективе и т.п.)» – 36 % и 35 % соответственно. Далее, по значимости указаны «Гиподинамия (преимущественно сидячая или стоячая работа)» по 29 % и «Нарушение режима дня и отдыха из-за переработок» – 23,8 % и 23,5 %.

Схожие оценки характерны для респондентов, работающих в следующих трех группах, также выделенных по условиям труда: занятые в производстве, в сфере транспорта (водитель и т.п.) и работающие под открытым небом (в сельском хозяйстве, ландшафтном дизайне, строительстве и т.д.). Представители этих групп наиболее значимым риском считают «Опасные условия труда (температура, шум, вибрации, запыленность и т.п.)». В отношении остальных выделенных рисков мнения респондентов в группах расходятся и отражают специфику трудовой деятельности.

Занятые в производственной сфере особо выделяют «Опасные условия труда (температура, шум, вибрации, запыленность и т.п.)» – 31,8 %, «Чрезмерные физические нагрузки» – 29,5 %. «Стрессовые ситуации (сбои в работе техники, программного обеспечения, ограниченные сроки выполнения заданий, конфликты в коллективе и т.п.)» и «Нарушение режима дня и отдыха из-за переработок» отметили по 15,9 % респондентов в данной группе.

Те, кто работают под открытым небом (в сельском хозяйстве, ландшафтном дизайне, строительстве и т.д.) одинаково оценивают значимость таких рисков как «Опасные условия труда (температура, шум, вибрации, запыленность и т.п.)», «Чрезмерные физические нагрузки» и «Стрессовые ситуации (сбои в работе техники, программного обеспечения, ограниченные сроки выполнения заданий, конфликты в коллективе и т.п.)». Названные факторы выделили по 25 % представителей данной группы. «Нарушение режима дня и отдыха из-за переработок» отметили 20,8 % респондентов в данной группе.

Респонденты, занятые в сфере транспорта (водители и т.д.), на первое место ставят «Опасные условия труда (температура, шум, вибрации, запыленность и т.п.)» – 30 %, далее «Гиподинамия (преимущественно сидячая или стоячая работа)» – 25 %, следом идут «Стрессовые ситуации (сбои в работе техники, программного обеспечения, ограниченные сроки выполнения заданий, конфликты в коллективе и т.п.)» и «Нарушение режима дня и отдыха из-за переработок» по 20 % респондентов в данной группе.

Таким образом, мы видим, что структура рискованных факторов определяется сферой занятости, которая в свою очередь будет иметь специфический набор рисков. При этом, сферы занятости характеризуется разным уровнем технологического развития (в т.ч. цифровизации) и будут предоставлять различные наборы по способам организации трудовой деятельности сотрудников (непосредственно на рабочем месте, в удален-

ном или гибридном формате, с использованием или без цифровых технологий и пр.).

Заключение.

Подводя итог проведённого исследования и отвечая на поставленные вопросы, можно констатировать, что экономически активное население Краснодарского края оценивает свои витальные ресурсы удовлетворительно. Представленные нами данные коррелируют с общероссийскими показателями, полученными по результатам опроса ВЦИОМ.

Занятие спортом, физической культурой является одним из значимых способов поддержания и восстановления физической ресурсности экономически активного населения Краснодарского края. Жители региона демонстрируют достаточно высокий интерес к спортивным нагрузкам средней интенсивности, что говорит о необходимости физической культуры и спорта в жизни экономически активного населения, а также о

возможности трансляции, через наглядный пример, своим детям и внукам практики физкультурных занятий.

В число приоритетных жизненных ценностей экономически активного населения Краснодарского края входят (по степени снижения значимости): семья и дети; собственное жилье; здоровье; душевное спокойствие; деньги, финансовая стабильность, обеспеченность.

Структура рискогенных факторов, связанных с трудовой занятостью, определяется сферой деятельности, каждая из которых имеет специфический набор рисков. Сферы занятости населения характеризуются разным уровнем технологического развития и предоставляют различные наборы по способам организации трудовой деятельности сотрудников. Следовательно, в зависимости от структуры региональной экономики, преобладающих в ней отраслей, необходимо разрабатывать и меры по сохранению витальной ресурсности населения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Андреевский Д.В. Здоровый человек – «Здоровая страна» / Д.В. Андреевский, Е.И. Васильева // Экономика и социум. 2016. № 5-1(24). EDN: WHOIRB
2. ВЦИОМ. Социальное самочувствие россиян. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring-27052025> (дата обращения 15.04.2026).
3. ВЦИОМ. Здоровый образ жизни. Мониторинг. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения 15.04.2026).
4. Дуленцова М.Л. Влияние факторов риска, связанных с работой, на здоровье непроизводственного персонала предприятия нефтегазовой отрасли. URL : <https://elis.psu.ru/node/387370> (дата обращения 15.04.2026).
5. Краснодарский край. URL: <https://admkrasnodar.ru/content/1131/show/817376> (дата обращения 15.04.2026).
6. Михайлова Т.А. Отечественная социология спорта: научный опыт и исследовательские возможности : монография. КубГУ. 2026. ISBN: 978-5-8209-2765-2 EDN: SJHQOT
7. Тренер земский. URL : <https://kubantv.ru/obshchestvo/v-krasnodarskom-krae-za-2024-god-postroili-okolo-60-povux-sportivnykh-obiektov> (дата обращения 15.04.2026).
8. Форрестер С.В. Капитал здоровья как составляющая человеческого капитала в современных условиях / С.В. Форрестер, Д.С. Вережкина // Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8. № 6(37). 18 с. EDN: XXYFJP

References:

1. Andreevsky D.V. A Healthy person is A «Healthy country» / D.V. Andreevsky, E.I. Vasilyeva // Economics and Society. 2016. № 5-1(24). EDN: WHOIRB
2. VTsIOM. Social well-being of Russians. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring-27052025> (date of application 04/15/2026).
3. VTsIOM. Healthy lifestyle. Monitoring. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (date of application 04/15/2026).
4. Dulentsova M.L. The influence of work-related risk factors on the health of non-production personnel in the oil and gas industry. URL : <https://elis.psu.ru/node/387370> (date of application 04/15/2026).

5. Krasnodar Territory. URL : <https://admkrasnodar.ru/content/1131/show/817376> (date of application 04/15/2026).
6. Mikhailova T.A. Domestic sociology of sports: scientific experience and research opportunities : monograph. KubGU. 2026. ISBN: 978-5-8209-2765-2 EDN: SJHQOT
7. Coach Zemsky. URL : <https://kubantv.ru/obshhestvo/v-krasnodarskom-krae-za-2024-god-postroili-okolo-60-novykh-sportivnykh-obiektov> (date of application 04/15/2026).
8. Forrester S.V. Health capital as a component of human capital in modern conditions / S.V. Forrester, D.S. Verevkina // Online journal of Science Studies. 2016. Vol. 8. № 6(37). 18 p. EDN: XXYFJP

Информация об авторах

Кантемирова Инна Борисовна

доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
inusya_soc@rambler.ru

Inna B. Kantemirova

Associate Professor
of the Department of Sociology,
Kuban State University
inusya_soc@rambler.ru

Михайлова Татьяна Александровна

доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
tatyanydent@yandex.ru

Tatyana A. Mikhailova

Associate Professor
of the Department of Sociology,
Kuban State University
tatyanydent@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.06.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.07.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-19>

УДК 316

Attribution

cc by

СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Касьянов В.В.¹, Самыгин П.С.²

¹Кубанский государственный университет,

²Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации ценностей семьи в системе ценностных установок отечественной молодежи в контексте определения степени эффективности государственной молодежной и семейной политики и выделения перспективных путей и способов ее оптимизации. Авторы отмечают, что в условиях трансформации современного российского общества происходят определенные изменения в системах семейных отношений и ценностей, определяющих место семьи в структуре духовно-нравственных ценностей представителей молодежи как особой социально-демографической группы. Несмотря на то, что семья, как показывают результаты эмпирических исследований, входит в число наиболее значимых для молодых россиян ценностей, а большинство граждан ориентированы на заключение брака и создание семьи, реальная готовность к образованию семейных союзов, а также ценность сохранения уже созданной семьи являются не очень высокими, что проявляется в лояльном отношении к разводам. Декларируемая большей частью населения страны ориентация на семью и семейные ценности не всегда находит проявление в реальном поведении: многие молодые россияне, при общем положительном отношении к браку, допускают возможность его расторжения, а позитивное восприятие семей с детьми не всегда сопровождается готовностью к их рождению в собственных семьях. Данное обстоятельство обуславливает необходимость активизации государственной информационной и образовательной политики, направленной на укрепление в сознании молодежи ценностей крепкой семьи, официального брака и многодетности.

Ключевые слова: молодежь, семья, социальный институт, культура, социализация, воспитание, семейные ценности, традиционные ценности, брак, государственная молодежная политика.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FAMILY IN THE SYSTEM OF VALUES OF YOUTH IN THE TRANSFORMING RUSSIAN SOCIETY

Valery V. Kasyanov¹, Peter S. Samygin²

¹Kuban State University,

²Rostov State University of Economics

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of family values in the system of value attitudes of Russian youth in the context of determining the degree of effectiveness of state youth and family policy and highlighting promising ways and means of its optimization. The authors note that in the context of the transformation of modern Russian society, certain changes are taking place in the systems of family relations and values that determine the place of the family in the structure of spiritual and moral values of youth representatives as a special socio-demographic group. Despite the fact that the family, as the results of empirical research show, is among the most significant values for young Russians, and most citizens are focused on marriage and starting a family, the real willingness to form family unions, as well as the value of preserving an already established family, are not very high, which is manifested in a loyal attitude to divorce. The orientation towards family and family values declared by the majority of the country's population does not always find expression in real behavior: many young Russians, with a generally positive attitude towards marriage, allow the possibility of its dissolution, and a positive perception of families with children is not always accompanied by readiness for their birth in their own families. This circumstance makes it necessary to activate

the state information and educational policy aimed at rooting in the minds of young people the values of a strong family, official marriage and having many children.

Keywords: youth, family, social institution, culture, socialization, upbringing, family values, traditional values, marriage, state youth policy.

Funding: Independent work.

Введение. Семья выступает в качестве основополагающего общественного института, реализующего ряд базовых социальных функций, обеспечивающих поступательное развитие общества, воспроизводство его населения, а также социализацию подрастающего поколения, от которого зависит будущий облик страны.

Степень эффективности функционирования института семьи во многом зависит от места последней в системе духовно-нравственных ценностей населения, установок, складывающихся по отношению к семье и семейным отношениям в структуре общественного мировоззрения, сознания представителей различных социальных групп и слоев, к числу которых относится и молодежь как особая социально-демографическая группа.

Современный период общественного развития характеризуется трансформацией представлений о семье и семейных ценностях, изменением образа данного института: в наибольшей степени данные изменения затронули западную цивилизацию, которая оказывает воздействие на другие народы, пытаясь навязать им свои представления о семье, браке и т.д.

Данное воздействие нередко имеет ярко выраженный деструктивный характер: как отмечается в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», США и другие недружественные по отношению к России государства и отдельные международные организации в настоящее время активно насаждают чуждую российскому народу и разрушительную для общества систему идей и ценностей, включающую, в том числе отрицание ценностей крепкой семьи, брака и многодетности, способствующую разрушению традиционной семьи посредством активной пропаганды сексуальных отношений нетрадиционного характера и т.д. [1].

В соответствии с данным указом, традиционные ценности как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение россиян и находящиеся в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства, к числу которых относится ценность крепкой семьи, нуждаются в защите со стороны государства, проведении политики, направленной на сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей [1]. При этом как отмечается в «Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года», в нашей стране наряду с проблемными

вопросами ценностно-идеологического характера, связанными с ослаблением системы межпоколенческих связей и преемственности ценностных ориентаций разных поколений граждан, дезактуализацией каналов и механизмов передачи традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ориентиров в молодежной среде и экспансией западного образа жизни, имеют место и демографические проблемы, к числу которых относятся низкая рождаемость в молодых семьях, снижение у молодых граждан мотивации и условий к сознательному созданию семьи и т.д. [2].

Рассматриваемые обстоятельства определяют актуальность анализа трансформации ценностей семьи в структуре ценностных установок отечественной молодежи в контексте определения степени эффективности государственной молодежной политики в области пропаганды семейных ценностей и поддержки молодых семей в современной России.

Обсуждение. Результаты.

Семья как ценность является одной из наиболее значимых ценностей для традиционной российской культуры, в рамках которой в течение длительного периода времени в качестве основного типа семьи выступала многопоколенная семья, характеризующаяся тесными взаимосвязями и взаимодействиями между несколькими поколениями родственников.

Что касается воспитательных стратегий в данных традиционных семьях, то они были направлены на формирование в сознании представителей младших поколений ценностей духовно-нравственного, этического характера, уважения к родителям, людям старшего возраста и т.д. В то же время, радикальные изменения, происходящие во всех сферах жизнедеятельности российского общества в прошлом столетии, не могли не отразиться на характере семейных ценностей, семейных отношениях, месте семьи в системе духовно-нравственных ценностей населения страны.

В специальных исследованиях, посвященных роли современной российской семьи в формировании и сохранении социальных ценностей, подчеркивается, что в условиях радикальных реформ в нашей стране произошла переоценка всех социальных ценностей, что было обусловлено новыми социально-экономическими и культурными реалиями, а также глубокими трансформационными процессами в массовом сознании населения.

В условиях кардинальных преобразований различных областей общественной жизни изменились характер и содержание различных социальных отношений, в том числе отношений в семейно-брачной сфере [3, с. 10]. На этой сфере не могли не отразиться различные деструктивные явления, возникшие в постсоветской России: речь идет об углублении социального расслоения в обществе, увеличении масштабов бедности, затронувшем, в частности, семьи с детьми, в росте конфликтности, внутрисемейной агрессии и т.д.

В утвержденной распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 года «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года», отмечается, что, с одной стороны, Россия в настоящее время является мировым идеологическим центром поддержки традиционных духовно-нравственных ценностей, среди которых особая роль отведена традиционным семейным ценностям, и крепкая семья находится в нашей стране под особой охраной и защитой со стороны общества и государства, однако, с другой стороны, Российская Федерация, как и все страны, проходит этап демографического перехода, который характеризуется такими тенденциями, как снижение уровня рождаемости, отдаление вступления в брак и деторождения на более поздний период, переход к малодетным и однопоколенным моделям семьи, старение населения (данные процессы негативно отражаются на показателях естественного движения населения: с 2017 года в РФ наблюдается естественная убыль населения). В тексте данного документа также акцентируется внимание на изменения ценностных установок молодого поколения относительно создания семьи и рождения детей [4]. Речь здесь идет о том, что адаптация жизненного цикла молодых людей к современным условиям развития проявилась в изменении последовательности ключевых жизненных событий: в настоящее время преобладает такая модель жизненного цикла, когда молодые люди сначала реализуются в профессиональной сфере, добиваются финансовой самостоятельности и только потом принимают решения о создании семьи и рождении детей.

Таким образом, рождение первого и последующих детей переносится на более поздний срок, когда происходит объективное ухудшение состояния репродуктивного здоровья мужчин и женщин, что создает риски для здоровых материнства и детства.

В соответствии с результатами новейших социологических исследований, большая часть современных россиян (67 %) рассматривает крепкую семью в качестве одной из основополагающих ценностей (в группе молодежи от восемнадцати до двадцати четырех лет такой точки зрения придерживаются только 57 % респондентов).

Принято считать, что ценность рождения детей характеризуется непосредственной взаимосвязью с ценностью брака: как показывают исследования Федеральной службы государственной статистики, представители современной молодежи проявляют склонность к отдалению регистрации брака и проверке чувств совместным проживанием [4].

В сложившейся ситуации возникает объективная необходимость в проведении активной и содержательной работы с детьми и молодежью, направленной на укрепление семьи как главной ценности, создание и продвижение семейно ориентированного контента, развитие инфраструктуры для продвижения семейных ценностей и т.д.

С точки зрения Е.В. Харитоновой и Е.Н. Холондович, происходящие в современном российском обществе радикальные изменения социокультурного характера в комплексе с радикальной трансформацией системы ценностей населения страны имеют следствием углубление противоречий между семейными и внесемейными отношениями, разрушение основ традиционной семьи. Последнее находит отражение в появлении и распространении новых форм брачно-семейных отношений, которые соответствуют принципам современной западной культуры, вступающими в явное противоречие с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Речь здесь идет, в том числе о распространении ценностей индивидуализма и эгоизма, что не является характерным для традиционной российской ментальности [5, с. 124].

Если говорить о негативных тенденциях, связанных с функционированием института семьи, то к их числу следует отнести, в первую очередь, увеличение среднего возраста вступления в брак, сознательный отказ определенной части молодых людей от родительства, отрицание ценности брака, распространение различных форм внебрачного сожительства, гостевого брака и т.д. Институт семьи в современном российском обществе характеризуется неустойчивостью, что проявляется в большом количестве разводов и так называемых неполных семей, недостаточно эффективной реализацией основополагающих функций семьи (так, в 2025 г. Россия вышла на третье место в мире по количеству разводов: на каждые десять браков в нашей стране приходится восемь распавшихся семейных союзов, а доля неполных семей составляет около сорока процентов от общей доли семейных ячеек с детьми до восемнадцати лет).

Наряду с этими негативными тенденциями, имеют место и некоторые тенденции позитивного характера, связанные с трансформацией института семьи и семейных ценностей в России: к их числу можно отнести более ответственный подход значительной части молодых людей к родительству, планирование деторождения, ориентацию многих молодых супругов на равно-

правное партнерство мужчины и женщины в браке, а также рост количества так называемых религиозных браков, что не было характерно для типичной советской семьи [5, с. 125].

В данной ситуации целесообразно обратиться к материалам эмпирических исследований, иллюстрирующих отношение к институту семьи представителей российской молодежи, место семьи в системе духовно-нравственных ценностей лиц, относящихся к рассматриваемой социально-демографической группе.

Результаты опросов, проведенных специалистами, представляющими Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ), свидетельствуют о том, что семья входит в число наиболее значимых для современных россиян ценностей: по степени важности для респондентов данная ценность уступает только ценности человеческой жизни (72 % граждан оценили значимость семьи на максимальную оценку).

Исследование ВЦИОМ также свидетельствует о том, что создание семьи входит в число трех основополагающих жизненных целей для россиян, наряду с обретением здоровья, гармонии и душевного равновесия; данная цель является наиболее актуальной для молодых респондентов в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет [6].

Материалы других социологических исследований в целом подтверждают выводы, сделанные специалистами ВЦИОМ в части, касающейся места семьи в структуре духовно-нравственных ценностей современной российской молодежи: в сознании значительной части молодых людей семья занимает ведущее место в иерархии ценностей; причем многие исследователи констатируют увеличение в течение последних лет числа людей, разделяющих подобные ценностные установки.

Интересно, что представители современной российской молодежи рассматривают благополучное состояние семьи и ее членов в качестве основной составляющей жизненного успеха. Как отмечают М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, в сознании молодежи жизненный успех связывается, в первую очередь, с семьей, детьми, а также уважением окружающих [7, с. 180].

Результаты новейших исследований, проведенных ВЦИОМ совместно с Национальным центром «Россия» в июле 2026 года (данный опрос был приурочен ко Дню семьи, любви и верности), показывают, что семья является для современных россиян главной опорой в их жизни, а абсолютное большинство опрошенных (76 %) разделяет представление, в соответствии с которым «создание семьи, рождение и воспитание детей» представляют собой совокупность «важнейших и необходимых жизненных целей». Семья в содержательном плане воспринимается, прежде всего, как пространство любви и защи-

щенности; второй по значимости смысл семьи связан с рождением и воспитанием детей.

В массовых представлениях семья сохраняет две ключевые функции: эмоционально-поддерживающую и родительско-воспитательную. Семья воспринимается как пространство первичного воспитания — среда, где формируются характер ребенка, его отношение к людям и базовые представления о добре, честности и ответственности. При этом родители продолжают выступать в качестве главных агентов социализации, являющихся ответственными за формирование личности (влияние родителей отмечают 68 % россиян) [8].

В современных условиях семейное влияние сталкивается с сильной конкуренцией со стороны сверстников и цифровой среды, включающей потребляемый представителями подрастающего поколения цифровой контент, материалы, созданные многочисленными блогерами, стримерами и инфлюенсерами.

В сложившейся ситуации семья, хотя и сохраняет значимую роль в воспитательном процессе, но уже не обладает монополией в данной сфере: мировоззрение современных детей и молодежи формируется не только внутри семьи и школы, но и в более широкой социальной и медиасреде, где цифровой контент и онлайн-авторитеты становятся самостоятельными участниками воспитания и социализации.

Необходимо отметить, что в желаемой модели воспитания основополагающая роль по-прежнему отводится семье и школе как базовым институтам: подавляющее большинство россиян (96 %) считает, что именно родители в рамках семьи должны, в первую очередь, влиять на формирование личности ребенка, его ценностных установок и поведения.

В отличие от реальной картины, где заметно влияние сверстников, контента и блогеров, нормативная модель воспитания опирается на родителей, педагогов, опыт старших поколений и книги как более устойчивые источники ценностей, знаний и жизненных ориентиров.

По мнению россиян, семьи лучше всего справляются с формированием базовых нравственных ориентиров — честности, ответственности, понимания добра и зла (70 % считают, что большинство знакомых им семей с детьми в целом справляются с этой задачей). Передача детям общественных ценностей и норм поведения воспринимается, прежде всего, как ответственность семьи. Подавляющее большинство россиян (88 %) считают, что именно семья — родители, бабушки и дедушки — должна отвечать за объяснение детям принятых в российском обществе ценностей, норм поведения и допустимых правил взаимодействия [8].

Анализ результатов многочисленных эмпирических исследований свидетельствует о том, что семейные ценности, связанные с ориентацией

на создание крепкой и прочной семьи, воспитанием детей, занимают первые места в структуре ценностных установок представителей различных социально-демографических групп в российском обществе и, в том числе молодежи, от которой зависит будущее общества, и место семьи в системе духовно-нравственных ценностей новых поколений россиян.

В соответствии с эмпирическими данными, полученными Т.К. Ростовской и О.В. Кучмаевой, в иерархии семейных ценностей лидирующие позиции занимает ряд ценностей, связанных с детьми, семейным единством, комфортом и т.д. Так, основополагающая семейная ценность, с точки зрения подавляющего большинства респондентов-россиян (93%), связана с любовью к детям, воспитанием подрастающего поколения и самореализацией в нем. К числу других значимых ценностей были отнесены единство в семье и взаимовыручка ее членов, эмоционально-психологический комфорт в семье, уважение к старшим родственникам, семейный бытовой комфорт и здоровье [9, с. 150].

Разумеется, в современном российском обществе имеется определенная часть молодежи, которая, в принципе, отрицает целесообразность заключения брака, создания семьи и рождения детей, однако, такая позиция не является преобладающей в молодежной среде и не превалирует над традиционными представлениями о семье.

В целом ценность семьи продолжает оставаться значимой для представителей молодежи: несмотря на то, что западная культура и характерные для нее индивидуалистические ценности, в комплексе с различными нетрадиционными моделями семьи и отношениями ее членов, продолжают оказывать определенное воздействие на молодое поколение; российский менталитет продолжает сохранять высокую степень устойчивости, что позволяет ему «транслировать традиционные семейные ценности» в массовое сознание [5, с. 126].

В то же время, семейные ценности в настоящее время переживают определенную трансформацию, которая отражается на отношении представителей различных социально-демографических групп и, в первую очередь, молодежи, которая является наиболее восприимчивой к новым культурным веяниям, к семье, браку, деторождению и т.д. В области семейных ценностей молодого поколения имеются определенные противоречия, связанные с тем, что, с одной стороны, абсолютное большинство молодых людей в России ориентировано на заключение брака и создание семьи, однако, с другой стороны, реальная готовность к образованию семейного союза является не очень высокой: для россиян, в целом, как отмечают Т.К. Ростовская и О.В. Кучмаева, характерен низкий уровень так называемой «предбрачной подготовки к семейной жизни» [9, с. 151].

По мнению С.В. Пашкова, для определенной части лиц, готовящихся к вступлению в брак, характерны в некотором роде идеальные представления о семье, которые в дальнейшем, с началом семейной жизни, сталкиваются с реальной действительностью, отличающейся наличием серьезных финансовых, бытовых, психологических и иных проблем. С.В. Пашков пишет по этому поводу, что немалой части молодых людей, которым предстоит вступить в брак или тем, кто только планируют будущую семейную жизнь, последняя воспринимается исключительно в позитивном ключе, рассматривается как система гармоничных отношений, основанных на любви, взаимоуважении, взаимопонимании и т.д. Однако подобного рода идеальные представления у большого числа молодых супругов начинают разрушаться уже на ранних этапах их семейной жизни, поскольку сталкиваются с многочисленными проблемами, высоким уровнем конфликтности при неумении значительной части людей разрешать оптимальными способами возникающие семейные ссоры. В данной ситуации семейная или супружеская жизнь начинает восприниматься многими представителями молодежи как исключительно проблемная сфера, характеризующаяся напряженными и конфликтными взаимодействиями супругов и других членов семьи, которая является далекой от принципов гармонии и идеальных взаимоотношений, вследствие чего некоторая часть молодых россиян откладывают вступление в брак и создание семьи [10, с. 80].

Данные эмпирических исследований и материалы статистики показывают, что при общем лояльном отношении россиян к институту брака, имеет место уменьшение количества официально зарегистрированных браков, происходящее параллельно с увеличением популярности неофициальных отношений без государственной регистрации брака, ориентацией на длительное сожительство до вступления в официальный брак.

Результаты социологических исследований, показывают, что довольно незначительная часть россиян (28 %) отмечает значимость брака для успешной самореализации человека в обществе. Данное обстоятельство можно рассматривать как косвенное свидетельство снижения социальной роли брака или брачного статуса, который традиционно воспринимался как определенный показатель, свидетельствующий о зрелости личности и ее состоятельности. Интересно, что каждый пятый молодой респондент считает, что брак, в принципе, не следует рассматривать в качестве важного показателя зрелости личности.

Рассматриваемые ценностные изменения являются последствиями социально-экономических и культурных преобразований в нашей стране, связанных с внедрением рыночных отношений, принципов общества потребления при одновременном закреплении в массовом сознании индивидуалистических ценностей, идеалов карье-

ризма и ориентаций на потребление материальных и других благ, что, в определенной мере, противоречит семейным ценностям, поскольку семья и брак в данном случае могут рассматриваться как факторы, препятствующие построению успешной карьеры, профессиональной самореализации и обретению высокого материального благосостояния [11, с. 33].

Как отмечают Ш.Ф. Фарахутдинов и его соавторы, в отличие от норм традиционной российской культуры, в рамках которой отказ от удовлетворения собственных интересов в пользу семьи и ее членов воспринимался в качестве признака зрелости личности, в современном российском обществе подобный отказ, напротив, рассматривается как «показатель слабой карьерной активности» [12]. Помимо этого, для значительной части россиян и особенно для молодежи характерна ориентация на развлечения: М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, в рамках своих исследований, называют эту категорию молодых людей «гедонистами», которые рассчитывают иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие. Очевидно, что для лиц с подобными гедонистическими установками брак и семья могут восприниматься как факторы, вступающие в противоречие с их интересами и потребностями, мешающие проводить свободное время в соответствии с ними [7, с. 182].

Лица с гедонистическими ценностными установками также нередко не ориентированы на деторождение, поскольку дети воспринимаются ими в качестве фактора, препятствующего проведению свободного времени с ярко выраженной развлекательной составляющей.

В постсоветское время в российском обществе получил распространение феномен сознательного откладывания детей на более поздний возрастной этап (в специальных исследованиях отмечается, что данный феномен возник в странах Западной Европы на несколько десятилетий раньше, чем в России). Как показывают эмпирические данные, представители отечественной молодежи склонны отодвигать создание семьи, включающее государственную регистрацию брака и деторождение на более поздний возраст, что аргументируется самими молодыми людьми необходимостью завершения процесса получения образования, обретения профессии и устройства на работу, могущую обеспечивать финансовую состоятельность и материальную независимость от родителей. В брачном союзе дети также, в большинстве случаев, появляются далеко не сразу, поскольку ценность детей, в данной ситуации, может проигрывать конкуренцию с многими другими ценностями, которые имеют высокую значимость для российской молодежи и включают работу, карьеру, досуговые, творческие и другие интересы, друзей и т.д. [12, с. 60].

Необходимо отметить, что в системе духовно-нравственных ценностей современной россий-

ской молодежи не получает широкого распространения ценность сохранения уже созданной семьи. Речь идет о лояльном отношении значительной части молодых россиян к расторжению брака, прочном закреплении в массовом сознании представлений о легкости разводов, как с формально-юридической (речь идет о правовых нормах, регулирующих бракоразводный процесс в России), так и с психологической точки зрения.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что многие россияне, вступающие в брак, изначально допускают для себя возможность развестись со своим супругом: подобные установки, безусловно, оказывают негативное воздействие на брачно-семейную жизнь, отрицательно влияя на степень готовности супругов к преодолению трудностей, возникающих в период брака, эффективное разрешение разнообразных семейных конфликтов [13, с. 73].

Сегодня в широком массовом сознании прочно закрепились представления о легкости расторжения брака. Многие лица, вступающие в брак, заранее допускают возможность развода, что в дальнейшем, безусловно, негативно сказывается на готовности супругов к преодолению трудностей.

В условиях современного общества развод перестает быть исключительным и осуждаемым явлением, каковым он был в традиционном обществе, становясь явлением обычным или ординарным.

Как отмечает Е.В. Камышева, в современном социуме последние годы даже появилась «мода на развод»: в определенных слоях общества, в первую очередь, в элитарных группах, развод становится эффективным способом привлечения внимания общественности [14, с. 241]. Информация о разводах известных людей в настоящее время активно распространяется в СМИ, повествующих о бракоразводных процессах, так называемых звезд шоу-бизнеса и других популярных персон. Средства массовой информации не просто описывают разводы известных людей, но и подробно показывают обстоятельства их семейных конфликтов, приведших к расторжению брака, сообщают широкой аудитории подробности, касающиеся бракоразводного процесса, в том числе раздела имущества, споров о детях после развода и т.д.

Данная информация усваивается широкими слоями населения, не относящимися к элитным слоям, которые, тем не менее, переносят данные установки в собственные семейные взаимоотношения. При этом современные СМИ редко акцентируют внимание на негативных последствиях разводов как для конкретных семей, включающих разведенных супругов и их потомство, так и для общества в целом.

Нестабильность семейных союзов и дестабилизация института брака не только выступает в современной России в качестве важнейшей про-

блемы социально-демографического характера, находящей количественное выражение в неблагоприятном соотношении числа зарегистрированных и расторгнутых браков, но и является значимым свидетельством ослабления ценности семьи в системе духовно-нравственных ценностей населения в трансформирующемся российском обществе.

Как справедливо отмечает Н.В. Зыбуновская, декларативный выбор россиян в пользу тех или иных ценностей не всегда сопровождается соответствующим поведением в реальной жизнедеятельности: людям нередко, считает данная исследовательница, свойственно одобрительно отзываться о тех или иных ценностях, однако, на практике те же люди могут действовать вопреки собственным декларативным установкам [15, с. 70]. Так, фиксируемая многочисленными социологическими и другими исследованиями ориентация российских граждан на семью далеко не во всех случаях подкрепляется их реальным брачно-семейным и репродуктивным поведением.

Выше уже отмечалось, что при положительном отношении к браку значительная часть россиян допускает для себя возможность его расторжения, а при общем позитивном восприятии семей с детьми многие супруги не ориентированы на рождение новых или даже первых детей в своих семьях. Данное обстоятельство обуславливает необходимость активизации пропагандистской деятельности государства, направленной на укоренение в массовом сознании населения ценности крепкой семьи как одной из базовых в системе традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Современный период развития института семьи в российском обществе характеризуется наличием большого количества мер государственной поддержки отечественных семей, включающих выплаты родителям, семьям с детьми, разнообразные виды социальной защиты и помощи многодетным семьям, жилищные программы и т.д. [16, с. 20]. В то же время, одних мер социально-экономического характера, финансовой поддержки недостаточно для обеспечения эффективного функционирования института семьи, предусматривающего успешное выполнение семьей всех присущих ей функций: необходимо также создание в обществе атмосферы приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни.

Государственная молодежная политика должна быть направлена на закрепление в сознании представителей молодого поколения традиционных духовно-нравственных ценностей, центральное место среди которых занимает ценность семьи. В задачу государства входит, в первую очередь, повышение престижа благополучной многодетной семьи, пропаганда семейного образа жизни посредством формирования ориентаций на создание полной семьи с двумя и

более детьми, состоящей в зарегистрированном браке, как социальной нормы.

В настоящее время вопросы, связанные с формированием, развитием и поддержкой молодой семьи, являются приоритетными в рамках реализации государственной семейно-демографической политики, выступают важной предпосылкой обеспечения национальной безопасности страны в целом. Основопологающей задачей всех государственных и общественных институтов, ответственных за осуществление политики в сферах семьи, материнства, отцовства и детства, должна стать популяризация института благополучной молодой семьи, в котором традиционно в молодом возрасте создается супружеская пара, ориентированная на рождение и воспитание детей на основе российских традиционных семейных ценностей.

Заключение.

Степень эффективности функционирования института семьи во многом зависит от соответствующих ценностных установок населения, места семьи в системе духовно-нравственных ценностей общества.

На современном этапе общественного развития происходит трансформация представлений о семье и семейных ценностях, меняется образ данного института.

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что семья входит в число наиболее значимых для современных молодых россиян ценностей. В то же время, несмотря на ориентацию большинства молодежи на заключение брака и создание семьи, реальная готовность к образованию семейных союзов является не очень высокой.

Наряду с этим, не является значимой для молодых людей и ценность сохранения уже созданной семьи, что сопровождается лояльным отношением к разводам, представлениями о легкости расторжения брака. Декларируемая ориентация на семью и семейные ценности не всегда находит проявление в реальном поведении: многие молодые россияне при общем положительном отношении к браку допускают возможность его расторжения, а позитивное восприятие семей с детьми не всегда сопровождается готовностью к их рождению в собственных семьях.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость активизации государственной информационной и образовательной политики, направленной на укоренение в сознании представителей молодого поколения россиян ценности крепкой семьи как одной из базовых в системе традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей.

К числу основных направлений данной политики относятся проведение в средствах массовой информации целенаправленной пропаганды в поддержку традиционных ценностей семьи и

брака, осуществление кампании по повышению престижа в молодежной среде семейного образа жизни и многодетности, разработка и практическая реализация программ подготовки молодежи к созданию семьи и семейных отношений, основанных на традиционных ценностях, преодолению и разрешению конфликтных ситуаций в семье, формированию ответственного отношения молодежи к браку, семье и т.д.

В настоящее время, наряду с реализацией мер социальной политики в области материнства и детства, необходимо усиление воспитательной работы с молодым поколением россиян в направлении формирования ценностных ориентиров на создание полноценной и стабильной семьи, повышения престижа многодетной семьи, ответственности за рождение и воспитание детей.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 10.07.2026).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-п «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года». URL : <http://static.government.ru/media/files/....pdf> (дата обращения 11.07.2026).
3. Глушкова Е.А. Роль современной российской семьи в формировании и сохранении социальных ценностей : автореф. дис. ... кандидата философских наук. Чита, 2011. 24 с. EDN: QHIPTT
4. Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». URL : <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf> (дата обращения 12.07.2026).
5. Харитонов Е.В. Трансляция семейных ценностей как основы российского менталитета / Е.В. Харитонов, Е.Н. Холоднов // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 5(128). С. 120–131. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-5-128-120-131 EDN: ONSQMH
6. Семья в системе ценностей россиян // Аналитический обзор ВЦИОМ. 06 июня 2024 г. URL : https://wciom.ru/Аналитические_обзоры/...-obzor/semja-kak-cennost (дата обращения 13.07.2026).
7. Горшков М.К. Молодежь в России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
8. Современный человек: между семьей и «цифрой» // Аналитический обзор ВЦИОМ. 09 июля 2026 г. URL : https://wciom.ru/Аналитические_обзоры/...-obzor/sovremennyi-chelovekmezhdz-semei-i-cifroi (дата обращения 14.07.2026).
9. Ростовская Т.К. Семья в системе социальных институтов общества / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева. М. : Издательство Юрайт, 2019. 299 с.
10. Пашков С.В. Семья в системе духовно-нравственных ценностей Русского мира: традиции истории и реалии глобализирующей культуры // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2019. № 9. С. 78–89. EDN: KANWNA
11. Касьянов В.В. Отношение молодежи Юга России к семье как ценности: компаративный анализ (на примере городов Краснодар и Ростов-на-Дону) / В.В. Касьянов, А.К. Манучарян, В.В. Касьянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 32–36. DOI: 10.23672/SAE.2018.2018.16560 EDN: YABDDV
12. Фарахутдинов Ш.Ф. Отношение россиян к институту брака / Ш.Ф. Фарахутдинов, В.Н. Родина, О.В. Устинова // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16341> (дата обращения 15.07.2024). EDN: TGRDRH
13. Верещагина А.В. Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Инженерный вестник Дона. 2014. № 3(30). EDN: TFXFVV
14. Камышова Е.В. Изменение ценности супружеского брака как детерминанта роста разводов в современном социуме // Система ценностей современного общества. 2010. № 11. С. 238–241. EDN: RUEVCF
15. Зыбуновская Н.В. Ценность семьи в массовом сознании россиян (социологический анализ) // Социология власти. 2012. № 1. С. 66–72. EDN: PCJHLP
16. Касьянов В.В. Молодая российская семья как важнейший ресурс в государственной политике / В.В. Касьянов, А.К. Манучарян, П.С. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 7. С. 19–26. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-7-7 EDN: AJWYBA

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022, № 809 «On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values». URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of application 10.07.2026).
2. Order of the Government of the Russian Federation dated August 17, 2024, № 2233-р «Strategy for Implementing Youth Policy in the Russian Federation until 2030». URL : <http://static.government.ru/media/files/....pdf> (date of application 11.07.2026).
3. Glushkova E.A. The Role of the Modern Russian Family in the Formation and Preservation of Social Values : abstract of dis. ... for Degree of Candidate of Philosophical Sciences. Chita, 2011. 24 p. EDN: QHIPTT
4. Order of the Government of the Russian Federation dated March 15, 2025, «Strategies for Implementing Family and Demographic Policy and Supporting Large Families in the Russian Federation until 2036». URL : <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf> (accessed: 12.07.2026).
5. Kharitonova E.V. Transmission of Family Values as the Basis of the Russian Mentality / E.V. Kharitonova, E.N. Kholondovich // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2022. № 5(128). P. 120–131. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-5-128-120-131 EDN: ONSQMH
6. Family in the Value System of Russians // Analytical Review by VTsIOM. June 6, 2024. URL : <https://wciom.ru/Analytical-reviews/...-obzor/semja-kak-cennost> (date of application 13.07.2026).
7. Gorshkov M.K. Youth in Russia in the Mirror of Sociology. Towards the Results of Long-Term Research : monograph / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M. : FNIS RAS, 2020. 688 p.
8. Modern Person: Between Family and «Digital» // Analytical Review by VTsIOM. July 9, 2026. URL : <https://wciom.ru/Analytical-reviews/...-obzor/sovremennyyi-chelovekmezhdusemei-i-cifroi> (date of application 14.07.2026).
9. Rostovskaya T.K. Family in the System of Social Institutions of Society / T.K. Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 299 p.
10. Pashkov S.V. Family in the System of Spiritual and Moral Values of the Russian World: Historical Traditions and the Realities of a Globalizing Culture // Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary focus). 2019. № 9. P. 78–89. EDN: KANWNA
11. Kasyanov V.V. Attitudes of Young People in the South of Russia Toward Family as a Value: A Comparative Analysis (Using the Cities of Krasnodar and Rostov-on-Don as Examples) / V.V. Kasyanov, A.K. Manucharyan, V.V. Kasyanov // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2018. № 8. P. 32–36. DOI: 10.23672/SAE.2018.2018.16560 EDN: YABDDV
12. Farakhutdinov Sh.F. Russians' attitude towards the institution of marriage / Sh.F. Farakhutdinov, V.N. Rodina, O.V. Ustinova // Modern problems of science and education. 2014. № 6. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16341> (accessed: 15.07.2024). EDN: TGRDRH
13. Vereshchagina A.V. The crisis of the traditional family and alternatives for the development of the family institution in Russia: a theoretical analysis from the perspective of the synergistic paradigm / A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Engineering Bulletin of the Don. 2014. № 3(30). EDN: TFXFVV
14. Kamyshova E.V. Changes in the value of marital marriage as a determinant of the rise in divorces in modern society // The Value System of Modern Society. 2010. № 11. P. 228–241. EDN: RUEVCF
15. Zybunovskaya N.V. The value of the family in the mass consciousness of Russians (sociological analysis) // Sociology of Power. 2012. № 1. P. 66–72. EDN: PCJHLP
16. Kasyanov V.V. The young Russian family as a key resource in state policy / V.V. Kasyanov, A.K. Manucharyan, P.S. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 7. P. 19–26. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-7-7 EDN: AJWYBA

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociology,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History,
Faculty of History,
Sociology and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Peter S. Samygin

Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.07.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.08.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-10>

УДК 316.45

Attribution

cc by

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Лилоян К.А.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается академическая мобильность китайских студентов в условиях изменяющегося международного образовательного пространства. Китай на протяжении десятилетий являлся крупнейшим источником иностранных студентов для университетов стран Запада. Однако в последние годы наблюдается снижение численности китайских студентов в традиционных направлениях для академической мобильности: в США, Канаде и Австралии, что объясняется обострением геополитической обстановки, введением визовых ограничений и усилением контроля за студентами из КНР. Вместе с этим, особое внимание уделяется изменениям в мотивации к получению высшего образования за рубежом, которые связаны с повышением значимости безопасности, усилением роли семьи в принятии решений и более прагматичным подходом к перспективам трудоустройства после завершения обучения. В таких условиях китайские студенты проявляют интерес к обучению в географически близки государствах.

Ключевые слова: академическая мобильность, образовательная миграция, китайские студенты, интернационализация, высшее образование, мотивация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ACADEMIC MOBILITY OF CHINESE STUDENTS: MODERN TRENDS

Konstantin A. Liloyan

Pacific National University

Abstract. This article examines the academic mobility of Chinese students within the context of a shifting international educational landscape. For decades, China has been the largest source of international students for Western universities. However, recent years have seen a decline in the number of Chinese students heading to traditional destinations—such as the United States, Canada, and Australia—driven by heightened geopolitical tensions, the imposition of visa restrictions, and increased scrutiny of students from the PRC. Concurrently, particular attention is being paid to evolving motivations for pursuing higher education abroad; these shifts reflect a growing emphasis on safety, a stronger role for families in decision-making, and a more pragmatic approach to post-graduation employment prospects. Amidst these conditions, Chinese students are showing increased interest in studying in geographically closer countries.

Keywords: academic mobility, educational migration, Chinese students, internationalization, higher education, motivation.

Funding: Independent work.

Введение.

В современном мире академическая мобильность является важным элементом интернационализации высшего образования. В целом она подразумевает под собой перемещение студентов, преподавателей и исследователей на определённый период времени между образовательными учреждениями как в рамках одного государства, так и за его пределами с целью получе-

ния знаний, обмена опытом, развития профессиональных компетенций, повышения качества научных исследований.

Китайская Народная Республика на протяжении десятилетий выступала одним из крупнейших источников иностранных студентов для университетов мира, в частности для вузов Соединённых Штатов Америки, Великобритании, Австралии, Канады, Японии и ряда государств Европы.

© Лилоян К.А.

Рост числа китайских студентов за рубежом был обусловлен несколькими факторами: быстрый экономический рост Китая привёл к расширению городского среднего класса, для которого получение зарубежного образования стало доступным и социально престижным ресурсом; сама китайская система высшего образования, которая сохраняла высокий уровень конкуренции при поступлении в ведущие университеты страны. В этих условиях зарубежный диплом рассматривался как способ, позволяющий повысить конкурентоспособность на рынке труда как в самом Китае, так и за его пределами, а также получить доступ к образовательным средам, связанным с инновациями, исследовательской и академической свободой.

Современный этап академической мобильности китайских студентов весьма проблематично описывать исключительно как продолжение устойчивого роста. Такие факторы как пандемия COVID-19, геополитическая напряжённость, ужесточение визовой политики в отдельных странах по отношению к гражданам КНР и развитие китайских университетов привели к существенному пересмотру студентами своих образовательных стратегий. Китайские абитуриенты, которые планируют получить высшее образование за рубежом, и их семьи стали более взвешенно подходить к выбору страны и вуза. При принятии решений все большее значение приобретают такие факторы как безопасность, финансовая доступность, возможность дальнейшего трудоустройства на родине.

Обсуждение.

Ф. Альтбах (P. Altbach) рассматривает академическую мобильность как часть мировой системы высшего образования, для которой характерно неравномерное распределение ресурсов, научного потенциала и престижа между государствами и университетами. Как следствие в рамках данной системы формируются академические центры и периферия, что оказывает существенное влияние на потоки международной академической мобильности студентов и исследователей, которые, как правило, направлены в сторону наиболее престижных университетов мира [1]. Идеи Ф. Альтбаха во многом позволяют объяснить устойчивую ориентацию китайских студентов к получению высшего образования в вузах США, Великобритании, Канады, Австралии и других западных государств, занимающих центральное положение в мировой академической системе.

Вместе с этим, Ф. Альтбах отмечает двойственный характер интернационализации высшего образования: с одной стороны, данный процесс создает условия для развития и расширения межгосударственного академического сотрудничества, обмена знаниями и укреплению культурных связей; с другой стороны, интернационализация все в большей степени оказывается связанной с коммерциализацией высшего

образования и конкуренцией вузов за платёжеспособных иностранных студентов. В данном контексте, китайские студенты выступают не только как участники академической мобильности, но и важным экономическим ресурсом для университетов принимающих стран [1].

Для многих университетов англоязычных стран Запады студенты из Китая составляли одну из крупнейших групп иностранных обучающихся, тем самым оказываясь существенным источником доходов, особенно на образовательных программах бакалавриата и магистратуры с высокой стоимостью обучения.

Для анализа факторов, оказывающих влияние на выбор студентами стран и университетов, целесообразно обратиться к модели «выталкивания и притяжения» (модель push-pull), адаптированной Т. Маззаролом (T. Mazzarol) и Дж. Саутаром (G. Soutar) для изучения международной образовательной мобильности. В рамках данной модели решение о получении высшего образования за рубежом рассматривается как результат взаимодействия факторов, которые связаны как со страной происхождения, так и с принимающей стороной. К факторам выталкивания относятся особенности национальной системы образования, высокий уровень конкуренции при поступлении в ведущие университеты, стремление к получению международного опыта, а также ожидания семьи и требованиям рынка труда.

В свою очередь, факторы «притяжения» отражают привлекательность принимающей страны и включают в себя репутацию университетов, качество образования, языковую среду, уровень безопасности, стоимость обучения и проживания, а также возможности дальнейшего трудоустройства и миграции [2].

Данная модель сохраняет актуальность для исследования и анализа академической мобильности китайских студентов, однако содержание отдельных факторов со временем изменилось. По-прежнему остается важным «выталкивающий» фактор в виде высокой конкуренции при поступлении в ведущие вузы КНР. Среди факторов «притяжения» в 2020-е гг. все большую значимость приобретают вопросы безопасности, политической предсказуемости и финансовой доступности, несмотря на то что в предыдущие десятилетия на передний план выходили репутация университета и возможность обучения в англоговорящей среде.

Результаты.

Академическая мобильность студентов КНР берёт свое начало в периоде проведения политики реформ и открытости, реализовывавшейся с конца 1970-х гг. Первоначально выезд китайских студентов и преподавателей вузов за рубеж был связан преимущественно с подготовкой квалифицированных научных и инженерных кадров, которые были необходимы для модернизации страны, в частности образования и науки, по-

страдавшими в процессе культурной революции в 1966–1976 гг. Образование, полученное в зарубежных вузах, рассматривалось как механизм получения передовых знаний и технологий. По мере экономического развития Китая и роста благосостояния населения образовательная мобильность приобретала всё более массовый характер. Более для многих семей обучение детей за рубежом стало вложением в их будущее, позволяющее получить большие карьерные возможности и улучшить социальное положение.

До начала пандемии COVID-19 динамика китайской академической мобильности в целом характеризовалась стабильным ростом. По данным Министерства образования КНР, в 2019 г. за рубежом обучалось свыше 700 тыс. граждан Китая, что стало одним из максимальных показателей за весь период наблюдений [3]. Основными направлениями выступали США, Великобритания, Австралия, Канада, Япония, а также некоторые европейские государства. Доминирующее положение среди принимающих стран занимали англоязычные страны, что объясняется высокой репутацией университетов, использованием английского языка в качестве языка науки, а также возможностями для дальнейшего трудоустройства выпускников. По данным Министерства образования КНР, общее число граждан, получавших образование за рубежом с 1978 по 2024 гг., составило свыше 8,88 млн человек, из которых 6,44 млн человек впоследствии вернулись на родину.

Мотивация китайских студентов к получению высшего образования в зарубежных университетах основывалась на нескольких аспектах, среди которых выделяют стремления к получению качественного образования, повышению социального статуса, расширению карьерных возможностей, совершенствованию языковых компетенций и навыков, прежде всего владение английским языком, а также приобретению международного и межкультурного опыта и включению в академические и профессиональные сообщества [4]. Вместе с тем значение и соотношение отдельных мотивов меняется под воздействием социальных, экономических и политических изменений.

Одним из наиболее заметных изменений в мотивации китайских студентов стало снижение символической ценности диплома, полученного в иностранном вузе, как самостоятельного преимущества на рынке труда. В 1990-е и 2000-е гг. выпускники зарубежных университетов обладали значительными конкурентными преимуществами благодаря относительной редкости международного образовательного опыта и высокому престижу зарубежного образования [4]. В настоящее время в Китае ситуация складывается иначе: по мере расширения масштабов академической мобильности число китайских выпускников иностранных вузов существенно увеличилось, вместе с этим происходило укрепление позиций ведущих университетов Китая, мно-

гие из которых стали конкурентоспособными в международных рейтингах и научных публикациях. В результате зарубежный диплом сам по себе уже не является гарантией успешных карьерных перспектив. Всё большее его значение зависит от таких факторов, как репутация конкретного университета, профиль подготовки, наличие профессионального опыта, уровень владения иностранными языками и востребованные практические компетенции.

Другой важной тенденцией является усиление прагматичного подхода к выбору иностранного образования. При принятии решения о стране и университете обучения китайские студенты и их семьи всё чаще ориентируются не только на академический престиж, но и на потенциальную отдачу от вложенных ресурсов [5]. В число значимых критериев входят стоимость и продолжительность обучения, возможности прохождения стажировок, перспективы трудоустройства, условия получения разрешения на работу после окончания вуза, а также востребованность и признание диплома на рынке труда, что особенно важно в условиях высокой конкуренции среди молодых специалистов в КНР. Для многих семей зарубежное образование представляет собой существенные финансовые вложения, ожидаемым результатом которых являются успешное трудоустройство и профессиональная самореализация выпускника.

Третьим значительным изменением становится повышение значимости фактора безопасности при выборе страны обучения. Такие факторы, как пандемия COVID-19, рост антикитайских настроений в отдельных странах и обеспокоенность родителей возможными рисками, способствовали тому, что одним из ключевых критериев выбора стала безопасность студентов в стране обучения [5]. При этом для китайских семей безопасность включает не только низкий уровень преступности, но и отношение к иностранцам, политическую стабильность, качество и доступность системы здравоохранения и поддержки со стороны университета.

Четвёртое изменение связано с усилением роли семьи в процессе принятия решений об обучении за границей. Выбор образовательной траектории нередко представляет собой результат коллективного семейного решения, а не индивидуального выбора китайского студента, так как родители активно участвуют в определении страны обучения, университета, направления подготовки и объёма финансовых затрат [6]. В условиях возросшей неопределённости их влияние становится ещё более заметным: если ранее семья могла быть готова к значительным расходам ради диплома престижного иностранного вуза, то теперь семьи всё чаще уделяют внимание оценке возможных рисков: стабильностью условий обучения, возможностью беспрепятственного въезда в страну, безопасностью проживания, перспективами трудоустройства после окончания вуза, а также предсказуемостью миграционной и визовой политик.

Рассмотренные изменения в мотивации китайских студентов оказывают непосредственное влияние на выбор страны для получения высшего образования. При принятии решений все большее значение приобретают такие факторы, как стоимость обучения и проживания, безопасность, возможность дальнейшего трудоустройства и построения карьеры. В результате меняется не только характер академической мобильности китайских студентов, но её география, то есть происходит перераспределение студенческих потоков между странами.

Так в 2023 г., согласно данным Института статистики ЮНЕСКО, основными направлениями академической мобильности китайских студентов были: США – 266,6 тыс. человек, Великобритания – 156,5 тыс., Австралия – 99,9 тыс., Канада – 64,6 тыс., Республика Корея – 59,9 тыс., Россия – 46 тыс., Малайзия – 43,7 тыс. Несмотря на то что лидирующие позиции занимают страны Запада, по сравнению с 2018 г. контингент китайских студентов в США, Австралии и Канаде сократился на 20 %, 30 % и 9 % соответственно. В то время как в Южной Корее, Великобритании, России и Малайзии вырос на 17 %, 45 %, 208 % и 273 % соответственно [7].

Соединенные Штаты долгое время были основным направлением для образовательной мобильности китайских студентов. Американские вузы воспринимались как сосредоточение мировой науки, технологического предпринимательства и академического престижа. Наибольший интерес у китайских студентов вызывали образовательные программы в области инженерии, компьютерных наук, бизнеса, экономики, естественных и социальных наук [8]. Получение высшего образования в Соединенных Штатах рассматривалось как способ включения в международное академическое и профессиональное сообщество, расширение возможностей дальнейшего трудоустройства, повышения собственной конкурентоспособности на рынке труда.

Вместе с тем, в последние годы привлекательность США стала снижаться под влиянием нескольких факторов:

- политической напряженности между Вашингтоном и Пекином, – введения визовых ограничений в отношении граждан КНР;
- опасений, связанных с усилением контроля в отношении китайских студентов, которые обучаются по некоторым научно-техническим направлениям [9].

По данным Института международного образования, в 2024/2025 учебном году в университетах США обучалось свыше 265,9 тыс. китайских студентов (22,6 % от общего числа иностранных студентов), в то время как в 2023/2024 учебном году обучалось свыше 277,4 тыс. человек (24,6 % от общего числа иностранных студентов). В целом наблюдается сокращение контингента китайских студентов в американских вузах с 2020 г.;

вместе с этим, за последние несколько лет увеличилась численность студентов из Республики Индия, которые в 2024/2025 учебном году составили 30,8 % от общего числа иностранных студентов [10].

В отличие от Соединенных Штатов, Великобритания в постпандемийный период смогла сохранить и в ряде аспектов укрепить свою привлекательность для китайских студентов.

К наиболее существенным факторами, которые способствуют выбору британских университетов, можно отнести высокую репутацию учебных заведений и относительно короткую продолжительность обучения по магистерским программам.

Как правило, образовательные программы магистратуры в вузах Великобритании длятся один год, что позволяет несколько сократить и временные, и финансовые затраты на получение образования.

Согласно Британскому Агентству статистики высшего образования (HESA), в 2024/2025 учебном году численность китайских студентов в высших учебных заведениях Соединенного Королевства составила 143,2 тыс. человек (20,8 % от общего числа иностранных студентов), в то время как численность индийских студентов составила 146,5 тыс. человек (21,3 %). Однако в 2023/2024 учебном году контингент студентов из КНР в университетах Великобритании составлял 149,9 тыс. человек (20,4 %), а студентов из Индии – 166,3 тыс. человек (22,7 %). Несмотря на общее снижение численности студентов из КНР и Индии, они остаются основными источниками иностранных студентов для британских вузов [11].

Наряду с традиционными направлениями образовательной мобильности китайских студентов, возрастает роль таких стран, как Сингапур, Япония, Республика Корея, Российская Федерация и Малайзия. Повышение их привлекательности во многом обусловлено несколькими факторами, среди которых можно выделить культурную и географическую близость, более доступную для китайских студентов стоимость обучения и проживания. Данные государства представляют собой для части китайских студентов возможность получить высшее образование за рубежом при меньших финансовых затратах и более низком уровне политической неопределенности. В результате, наблюдается постепенная диверсификация образовательных маршрутов китайских студентов, а новые региональные направления всё чаще рассматриваются как альтернатива традиционными центрами академической мобильности.

Таким образом, образовательная мобильность китайских студентов в настоящее время претерпевают качественные изменения. Если в предыдущие десятилетия основными факторами, оказывающими влияние на выбор получения выс-

шего образования за рубежом, выступали престиж иностранных университетов и стремление получить международный образовательный опыт, то в современных реалиях всё большее значение приобретают соображения, связанные с безопасностью пребывания в стране обучения, финансовой доступностью образовательных программ и проживания, а также перспективами дальнейшего трудоустройства.

Для китайских студентов, выбравших обучение в иностранном вузе, зарубежный диплом, сам по себе, постепенно утрачивает свою значимость как конкурентное преимущество на рынке труда. На первый план выходят качество образования, репутация конкретного вуза, получение профессиональных навыков и компетенций, которые

будут отвечать требованиям китайской экономики. Вместе с этим сохраняется и роль семьи в принятии решений об обучении за границей.

Изменения в мотивации китайских студентов находят отражение и в географии академической мобильности. Несмотря на сохранение лидирующих позиций США, Великобритании, Австралии и Канады, наблюдается рост интереса среди граждан КНР к получению высшего образования в странах региона таких, как Республика Корея, Россия, Сингапур, Япония и Малайзия, что свидетельствует о постепенной диверсификации образовательных маршрутов и снижении зависимости от традиционных академических центров международного высшего образования.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Altbach P.G. The Internationalization of Higher Education: Motivations and Realities / P.G. Altbach, J. Knight // *Journal of Studies in International Education*. 2007. Vol. 11 (3–4). P. 290–305. DOI: 10.1177/1028315307303542 EDN: JNYVLB
2. Mazzarol T. Push-Pull Factors Influencing International Student Destination Choice / T. Mazzarol, G.N. Soutar // *International Journal of Educational Management*. 2002. Vol. 16(2). P. 82–90. DOI: 10.1108/09513540210418403 EDN: EAPHJH
3. Официальный сайт Министерства образования КНР. URL : http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202012/t20201224_507474.html (дата обращения 06.05.2026).
4. Bodycott P. Choosing a higher education study abroad destination: What mainland Chinese parents and students rate as important // *Journal of Research in International Education*. 2009. Vol. 8(3). P. 349–373. DOI: 10.1177/1475240909345818
5. Impact of COVID-19 Pandemic on International Higher Education and Student Mobility: Student Perspectives from Mainland China and Hong Kong / K.H. Mok [et al.] // *International Journal of Educational Research*. 2020. Vol. 105. URL : <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9188844> (date of application 28.04.2026).
6. Cheah I. Choosing Higher Education Institution and Study Abroad Destination: What Mainland Chinese Parents and Students Rate Important in the Post-pandemic World? / I. Cheah, A.S. Shimul // *Innovation, Leadership and Governance in Higher Education*. 2023. P. 101–117. DOI: 10.1007/978-981-19-7299-7_6
7. UNESCO Institute for Statistics. Outbound internationally mobile students by host region and origin. UNESCO Data Browser. URL : <https://databrowser.uis.unesco.org/view#indicatorPaths=UIS-EducationOPRI%3A0%3A26528> (date of application 28.04.2026).
8. Yang Y. Motivations and influences in Chinese international doctoral students' decision for STEM study abroad / Y. Yang, S. Volet, C. Mansfield // *Educational Studies*. 2018. Vol. 44(3). P. 264–278. DOI: 10.1080/03055698.2017.1347498
9. Yuan W. The US-China Tension and Global Reallocation of Chinese STEM Talents // *Journal of Comparative Economics*. 2026. Vol. 54(2). P. 484–510. DOI: 10.1016/j.jce.2025.11.004 EDN: VMOXGQ
10. Institute of International Education. Leading Places of Origin of International Students // Open Doors Data. URL : <https://opendoorsdata.org/data/international-students/leading-places-of-origin> (date of application 07.05.2026).
11. Higher Education Statistics Agency (HESA). Where do students come from? URL : <https://www.hesa.ac.uk/data-and-analysis/students/where-from> (date of application 07.05.2026).

References:

1. Altbach P.G. The Internationalization of Higher Education: Motivations and Realities / P.G. Altbach, J. Knight // *Journal of Studies in International Education*. 2007. Vol. 11 (3–4). P. 290–305. DOI: 10.1177/1028315307303542 EDN: JNYVLB

2. Mazzarol T. Push-Pull Factors Influencing International Student Destination Choice / T. Mazzarol, G.N. Soutar // International Journal of Educational Management. 2002. Vol. 16(2). P. 82–90. DOI: 10.1108/09513540210418403 EDN: EAPHJH
3. The official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China. URL : http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202012/t20201224_507474.html (date of application 05/06/2026).
4. Bodycott P. Choosing a higher education study abroad destination: What mainland Chinese parents and students rate as important // Journal of Research in International Education. 2009. Vol. 8(3). P. 349–373. DOI: 10.1177/1475240909345818
5. Impact of COVID-19 Pandemic on International Higher Education and Student Mobility: Student Perspectives from Mainland China and Hong Kong / K.H. Mok [et al.] // International Journal of Educational Research. 2020. Vol. 105. URL : <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9188844> (date of application 28.04.2026).
6. Cheah I. Choosing Higher Education Institution and Study Abroad Destination: What Mainland Chinese Parents and Students Rate Important in the Post-pandemic World? / I. Cheah, A.S. Shimul // Innovation, Leadership and Governance in Higher Education. 2023. P. 101–117. DOI: 10.1007/978-981-19-7299-7_6
7. UNESCO Institute for Statistics. Outbound internationally mobile students by host region and origin. UNESCO Data Browser. URL : <https://databrowser.uis.unesco.org/view#indicatorPaths=UIS-EducationOPRI%3A0%3A26528> (date of application 28.04.2026).
8. Yang Y. Motivations and influences in Chinese international doctoral students' decision for STEM study abroad / Y. Yang, S. Volet, C. Mansfield // Educational Studies. 2018. Vol. 44(3). P. 264–278. DOI: 10.1080/03055698.2017.1347498
9. Yuan W. The US-China Tension and Global Reallocation of Chinese STEM Talents // Journal of Comparative Economics. 2026. Vol. 54(2). P. 484–510. DOI: 10.1016/j.jce.2025.11.004 EDN: VMOXGQ
10. Institute of International Education. Leading Places of Origin of International Students // Open Doors Data. URL : <https://opendoorsdata.org/data/international-students/leading-places-of-origin> (date of application 07.05.2026).
11. Higher Education Statistics Agency (HESA). Where do students come from? URL : <https://www.hesa.ac.uk/data-and-analysis/students/where-from> (date of application 07.05.2026).

Информация об авторе

Лилоян Константин Андреевич

ассистент
Высшей школы социальных и политических наук
Института социально-политических технологий
и коммуникаций,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
ORCID iD: 0009-0007-7733-5027
012934@togudv.ru

Konstantin A. Liloyan

Assistant of Higher School of Social
and Political Sciences
Institute of Socio-Political Technologies
and Communications,
Pacific National University, Khabarovsk
ORCID iD: 0009-0007-7733-5027
012934@togudv.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-11>

УДК 316

Attribution

cc by

ПРОЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА: ВОЗМОЖНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Новгородская А.С.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. За последние десятилетия научно-исследовательская деятельность университетов претерпела заметные организационные изменения. Распространение конкурсных механизмов финансирования, усиление требований к подотчётности и развитие систем оценки результативности исследований способствовали более широкому использованию проектных форм организации научной работы. В результате, исследовательская деятельность всё чаще строится вокруг проектов, имеющих определённые цели, сроки реализации, ресурсное обеспечение и измеримые результаты. Данная тенденция получила отражение в концепции проектизации (projectification), описывающей распространение проектной логики в различных сферах общественной жизни. Цель статьи состоит в анализе влияния проектной логики на организацию научно-исследовательской деятельности университета и выявлении возможностей и ограничений, связанных с проектными формами организации исследований. Методологическую основу работы составляет теоретико-аналитический обзор научной литературы, посвящённой проектизации, управлению исследованиями и трансформации высшего образования. Проведённый анализ показывает, что проектная организация исследований способствует концентрации ресурсов, развитию междисциплинарного взаимодействия и повышению прозрачности исследовательских процессов. Вместе с тем она может усиливать ориентацию на краткосрочные результаты, увеличивать административную нагрузку и повышать зависимость научной деятельности от внешних механизмов финансирования. Возникающие противоречия свидетельствуют о том, что проектизация представляет собой не только управленческую технологию, но и более широкий процесс трансформации организационной среды современной университетской науки.

Ключевые слова: проектизация, научно-исследовательская деятельность, университет, высшее образование, управление исследованиями, проектный подход, организация науки.

Финансирование: инициативная работа

Original article

PROJECT ORGANIZATION OF THE UNIVERSITY'S RESEARCH ACTIVITIES: OPPORTUNITIES, LIMITATIONS AND ORGANIZATIONAL CONSEQUENCES

Aleksandra S. Novgorodskaja

Pacific National University

Abstract. In recent decades, the research activities of universities have undergone significant organizational changes. The proliferation of competitive financing mechanisms, increased accountability requirements, and the development of research performance assessment systems have contributed to the increased use of project-based forms of scientific work. As a result, research activities are increasingly being built around projects with defined goals, deadlines, resources, and measurable results. This trend is reflected in the concept of projectification, which describes the spread of project logic in various spheres of public life. The purpose of the article is to analyze the impact of project logic on the organization of research activities at the university and identify the opportunities and limitations associated with project forms of research organization. The methodological basis of the work is a theoretical and analytical review of scientific literature devoted to the design, management of research and transformation of higher education. The analysis shows that the project organization of research contributes to the concentration of resources, the development of interdisciplinary interaction and increased transparency of research processes. At the same time, it can strengthen the focus on short-term results, increase the administrative burden

and increase the dependence of scientific activities on external financing mechanisms. The emerging contradictions indicate that design is not only a management technology, but also a broader process of transformation of the organizational environment of modern university science.

Keywords: design, research activity, university, higher education, research management, project approach, organization of science

Funding: independent work.

Введение.

Научно-исследовательская деятельность в современных университетах всё чаще организуется в форме проектов. Конкурсные гранты, целевые программы финансирования, междисциплинарные инициативы и системы оценки результативности исследований стали привычными элементами академической среды. Во многих случаях проекты уже не являются лишь одним из возможных способов организации научной работы. Они постепенно превращаются в основную форму, через которую планируются исследования, распределяются ресурсы, координируется взаимодействие участников и оцениваются полученные результаты [1; 2].

Подобные изменения связаны с более широкими процессами трансформации высшего образования и научной политики. От университетов всё чаще ожидают демонстрации конкретных результатов, привлечения внешнего финансирования и решения общественно значимых задач в относительно ограниченные сроки.

В свою очередь, государственные и негосударственные фонды всё активнее используют конкурсные механизмы распределения ресурсов. В таких условиях исследователи работают в рамках временных коллективов, фиксированных бюджетов, заранее определённых целей и регламентированных процедур отчётности [3; 4].

Интерес к данным процессам привёл к появлению концепции проектизации (projectification), которая используется для описания возрастающей роли проектов как доминирующей организационной формы в различных сферах деятельности [1].

В понимании М. Якобссон и Б. Ялохи проектизация представляет собой не просто распространение методов проектного управления, а более глубокое изменение организационных структур и практик, затрагивающее способы принятия решений, распределения ресурсов и координации деятельности [1].

В сфере высшего образования проектизация проявляется в расширении проектных принципов организации научной работы, усилении влияния механизмов финансирования на исследовательские приоритеты и распространении временных организационных форм внутри академической среды [2].

Как отмечают М. Фред и его коллеги, научно-исследовательская деятельность университетов

всё в большей степени осуществляется в рамках проектов, что одновременно создаёт новые возможности координации и порождает противоречия между академической автономией и управленческими требованиями [2].

На первый взгляд, распространение проектной логики обладает очевидными преимуществами. Проекты позволяют концентрировать ресурсы на решении конкретных задач, обеспечивают более прозрачное управление исследованиями и способствуют развитию сотрудничества между различными научными коллективами [4]. Однако научное познание далеко не всегда развивается по заранее определённому плану. Многие значимые результаты становятся следствием длительного поиска, который трудно вписать в жёсткие временные рамки и систему заранее установленных показателей [5].

Здесь возникает важный вопрос: Насколько проектная логика соответствует самой природе научного исследования? С одной стороны, она предоставляет университетам инструменты для организации всё более сложной исследовательской деятельности. С другой стороны, ориентация на сроки, показатели и отчётность может влиять на исследовательские приоритеты, профессиональные траектории учёных и сам процесс производства научного знания [6; 7].

В связи с этим, целью статьи является анализ влияния проектной логики на организацию научно-исследовательской деятельности университета. Особое внимание уделяется возможностям, которые создаёт проектизация, а также ограничениям и противоречиям, возникающим в условиях распространения проектных форм организации исследований.

Проектизация как трансформация организационных практик.

На протяжении последних десятилетий проекты стали одной из наиболее распространённых форм организации деятельности в самых разных сферах. Если первоначально проектный подход ассоциировался преимущественно со строительством, инженерией и технологическими разработками, то впоследствии он получил распространение в государственном управлении, здравоохранении, образовании и научной деятельности. Подобная тенденция привлекла внимание исследователей и способствовала формированию концепции проектизации, описывающей возрастающую роль проектов как доминирующей организационной формы современного общества [1].

Содержание данного понятия выходит за рамки простого использования инструментов проектного управления. В широком смысле, проектизация предполагает изменение организационных структур, механизмов координации и принципов принятия решений. Вместо опоры исключительно на устойчивые иерархические системы организации всё большее значение приобретают временные структуры, создаваемые для достижения конкретных целей в течение ограниченного периода времени [1]. Такие структуры обычно характеризуются чётко определёнными задачами, установленными сроками реализации, закреплённой ответственностью участников и ожидаемыми результатами.

Исследования проектизации заметно расширились за последние годы. В работе М. Якобссон и Б. Ялохи показано, что проектизацию нельзя рассматривать как единый и однозначный процесс [1]. Она проявляется в различных организационных контекстах и затрагивает разные стороны деятельности организаций. Речь идёт не только об изменении форм управления, но и о трансформации профессиональных ролей, организационной культуры и повседневных практик. В таком понимании проекты становятся не просто инструментом решения отдельных задач, а способом организации деятельности в целом.

Распространение проектной логики тесно связано с более широкими социальными и экономическими изменениями. Современные организации функционируют в условиях высокой неопределённости, усиливающейся конкуренции и постоянной необходимости адаптироваться к новым требованиям. В подобных обстоятельствах проектные формы оказываются востребованными благодаря своей гибкости. Они позволяют оперативно концентрировать ресурсы вокруг конкретных задач, формировать временные команды и перераспределять функции в зависимости от меняющихся условий [3].

Вместе с тем, проектизация не означает полного отказа от традиционных организационных структур. Постоянные подразделения продолжают выполнять важные функции, связанные с поддержанием устойчивости организации, накоплением опыта и долгосрочным планированием. Однако характер взаимодействия между постоянными и временными структурами постепенно меняется. Во многих организациях именно проекты начинают определять распределение ресурсов, постановку приоритетов и оценку результатов деятельности [1].

Особый интерес представляет распространение проектизации в сфере производства знаний. Исторически университеты и научно-исследовательские организации опирались на относительно стабильные академические сообщества, внутри которых научные направления развивались на протяжении длительного времени. Однако изменение механизмов финансирования и усиление требований к результативности исследований

создали условия для более активного внедрения проектной логики в научную сферу [2].

В результате, проекты стали играть всё более заметную роль не только в административном управлении университетами, но и непосредственно в организации исследовательской деятельности. Конкурсное финансирование, временные исследовательские коллективы и ориентация на достижение заранее определённых результатов постепенно становятся привычными элементами академической среды. Это позволяет рассматривать проектизацию как важный фактор трансформации современной университетской науки [2].

Такое понимание проектизации создаёт основу для дальнейшего анализа изменений, происходящих в научно-исследовательской деятельности университетов. В данном случае важно не столько описание отдельных инструментов проектного управления, сколько рассмотрение того, каким образом проектная логика влияет на организацию научной работы и условия производства научного знания.

Заключение.

Рост роли проектов в научно-исследовательской деятельности университетов отражает более широкие изменения в организации и управлении современной наукой. Распространение конкурсных механизмов финансирования, усиление требований к подотчётности и развитие систем оценки результативности исследований способствовали расширению проектных форм организации научной работы. В результате, проекты стали одним из основных инструментов планирования, координации и оценки исследовательской деятельности.

Проведённый анализ показывает, что проектная организация исследований обладает рядом значимых преимуществ. Она способствует концентрации ресурсов, создаёт условия для развития междисциплинарного взаимодействия, повышает прозрачность исследовательских процессов и позволяет университетам более гибко реагировать на изменения внешней среды. Именно эти характеристики во многом объясняют широкое распространение проектной логики в сфере высшего образования и науки.

Вместе с тем, проектизация сопровождается рядом ограничений. Усиление ориентации на измеримые результаты, фиксированные сроки реализации проектов и конкурентные механизмы распределения ресурсов может способствовать распространению краткосрочных исследовательских стратегий и увеличению административной нагрузки на научных работников. В отдельных случаях это создаёт противоречие между управленческими требованиями и особенностями научного поиска, который далеко не всегда развивается в соответствии с заранее установленным планом.

Исходя из этого, проектизацию целесообразно рассматривать не только как совокупность методов управления, но и как более широкий процесс организационной трансформации университетской науки. Её последствия нельзя оценивать исключительно положительно или отрицательно.

Скорее, речь идёт о формировании новых условий производства научного знания, которые одновременно открывают дополнительные возможности и создают новые ограничения для исследовательской деятельности.

Конфликт интересов

Не указан

Conflict of Interest

None declared

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Jacobsson M., Jaloča B. Four Images of Projectification: An Integrative Review // International Journal of Managing Projects in Business. 2021. Vol. 14. № 7. P. 1633–1658. DOI: 10.1108/ijmpb-12-2020-0381 EDN: UYJQXL
2. The Projectification of University Research: A Study of Resistance and Accommodation / M. Fred [et al.] // International Journal of Managing Projects in Business. 2015. Vol. 8. № 1. P. 9–32.
3. The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies / M. Gibbons [et al.]. London : Sage Publications, 1994. 192 p.
4. Santos J. A Framework for the Management of Research and Innovation Projects in Higher Education Institutions / J. Santos, C. Varela // Journal of Higher Education Policy and Management. 2022. Vol. 44. № 5. P. 521–538.
5. Nowotny H. Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty / H. Nowotny, P. Scott, M. Gibbons. Cambridge : Polity Press, 2001. 278 p.
6. Slaughter S. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education / S. Slaughter, G. Rhoades. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2004. 370 p.
7. Nästesjö J. Between Delivery and Luck: Projectification of Academic Careers // Minerva. 2025. Vol. 63. № 1. P. 1–20.
8. Clark B.R. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Oxford : Pergamon Press, 1998. 163 p.
9. Enders J. Regulatory Autonomy and Performance-Based Governance in Higher Education / J. Enders, de Boer H., E. Weyer // Higher Education Policy. 2013. Vol. 26. № 1. P. 5–22. DOI: 10.1007/s10734-012-9578-4 EDN: JNLCZK
10. Marginson S. The Global Research University in a Competitive World // Higher Education Quarterly. 2016. Vol. 70. № 2. P. 129–145.
11. Kwiek M. Changing European Academics: A Comparative Study of Social Stratification, Work Patterns and Research Productivity. London : Routledge, 2019. 304 p.
12. Алешин А.В. Управление проектами: фундаментальный курс / А.В. Алешин, В.М. Аньшин, К.А. Багратиони. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 620 с.
13. Луков В.А. Социальное проектирование. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2010. 240 с.
14. Зборовский Г.Е. От образовательной неуспешности – к социальной успешности / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 34–46. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-34-46 EDN: QAFOVU
15. Сенашенко В.С. Уровни сопряжения системы высшего образования и сферы труда // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 3. С. 38–47. EDN: YTMQNN

References:

1. Jacobsson M., Jaloča B. Four Images of Projectification: An Integrative Review // International Journal of Managing Projects in Business. 2021. Vol. 14. № 7. P. 1633–1658. DOI: 10.1108/ijmpb-12-2020-0381 EDN: UYJQXL
2. The Projectification of University Research: A Study of Resistance and Accommodation / M. Fred [et al.] // International Journal of Managing Projects in Business. 2015. Vol. 8. № 1. P. 9–32.
3. The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies / M. Gibbons [et al.]. London : Sage Publications, 1994. 192 p.
4. Santos J. A Framework for the Management of Research and Innovation Projects in Higher Education Institutions / J. Santos, C. Varela // Journal of Higher Education Policy and Management. 2022. Vol. 44. № 5. P. 521–538.

5. Nowotny H. Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty / H. Nowotny, P. Scott, M. Gibbons. Cambridge : Polity Press, 2001. 278 p.
6. Slaughter S. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education / S. Slaughter, G. Rhoades. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2004. 370 p.
7. Nästesjö J. Between Delivery and Luck: Projectification of Academic Careers // Minerva. 2025. Vol. 63. № 1. P. 1–20.
8. Clark B.R. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Oxford : Pergamon Press, 1998. 163 p.
9. Enders J. Regulatory Autonomy and Performance-Based Governance in Higher Education / J. Enders, de Boer H., E. Weyer // Higher Education Policy. 2013. Vol. 26. № 1. P. 5–22. DOI: 10.1007/s10734-012-9578-4 EDN: JNLCZK
10. Marginson S. The Global Research University in a Competitive World // Higher Education Quarterly. 2016. Vol. 70. № 2. P. 129–145.
11. Kwiek M. Changing European Academics: A Comparative Study of Social Stratification, Work Patterns and Research Productivity. London : Routledge, 2019. 304 p.
12. Aleshin A.V. Project management: a fundamental course / A.V. Aleshin, V.M. Anshin, K.A. Bagrationi. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. 620 p.
13. Lukov V.A. Social design. M. : Publishing House of the Moscow University of the Humanities, 2010. 240 p.
14. Zborovsky G.E. From educational failure to social success / G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova // Higher education in Russia. 2019. Vol. 28. № 11. P. 34–46. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-34-46 EDN: QAFOVU
15. Senashenko V.S. The levels of conjugation of the higher education system and the sphere of labor // Higher education in Russia. 2018. Vol. 27. № 3. P. 38–47. EDN: YTMQNN

Информация об авторе

Новгородская Александра Станиславовна
преподаватель
Высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса,
Тихоокеанский государственный университет
013340@togudv.ru

Aleksandra S. Novgorodskaya
Teacher Higher School of Media,
Communications and Service,
Pacific National University
013340@togudv.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-18>

УДК 316.45

Attribution

cc by

ВАРИАТИВНОСТЬ ТРУДОВЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Суркова И.Ю., Нечаев В.А.

*Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)*

Аннотация. Статья посвящена анализу трудовых установок современной студенческой молодёжи и их вариативности в условиях социальной неопределённости. Теоретической основой исследования выступают представления о трансформации отношения молодого поколения к труду в условиях рыночной экономики и изменения моделей профессиональной самореализации. Эмпирическую базу составили результаты анкетирования студентов вузов Саратовской области. Исследование включало оценку представлений респондентов об условиях и содержании труда, карьерных перспективах, профессиональном развитии, материальном вознаграждении, престиже профессии и общественной значимости трудовой деятельности. Установлено, что трудовые ориентации студенческой молодёжи сочетают прагматические и ценностно-смысловые установки. Делается вывод о гибридном характере трудовых установок молодёжи, объединяющем традиционные представления о стабильности и материальной обеспеченности с ориентацией на самореализацию, развитие и общественную значимость труда.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, трудовые установки, трудовая мотивация, рынок труда, профессиональная самореализация, карьера, профессиональные траектории, благополучие.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2026 г. по теме: «Трансформация модели трудового поведения в условиях становления традиционной ценностной парадигмы» (№ 1.5-2026-1).

Original article

THE VARIABILITY OF WORK ATTITUDES AMONG MODERN STUDENT YOUTH

Irina Yu. Surkova, Valerij A. Nechaev

*P.A. Stolypin Volga Institute of Management,
a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (RANEPA)*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the work related attitudes of modern student youth and their variability under conditions of social uncertainty. The theoretical basis of the study is the concept of the transformation of the younger generation's attitude towards work in a market economy and the changes in models of professional self realization. The empirical basis consists of the results of the research of university students in the Saratov region. The study included an assessment of the respondents' views on the conditions and content of work, career prospects, professional development, material remuneration, the prestige of the profession, and the social significance of work. It has been established that the work related attitudes of student youth combine pragmatic and value semantic orientations. The conclusion is drawn that young people's work attitudes are hybrid in nature, combining traditional ideas about stability and material security with a focus on self realization, personal development, and the social significance of work.

Keywords: students' youth, work attitudes, work motivation, labor market, professional self-realization, career, professional trajectories, well-being.

Funding: The article was prepared as part of the research work carried out under the state assignment of RANEPA for 2026 on the topic: «Transformation of the model of work behavior in the context of the formation of the traditional value paradigm» (№ 1.5-2026-1).

Введение.

Высокая социальная неопределенность, ускорение социальных ритмов, фрагментация жизненного цикла, размывание классических возрастных нормативов способствуют формированию у молодежи состояния «отложенной взрослости». Вследствие этого, труд перестает восприниматься как линейный путь к стабильности и экономической самостоятельности, превращаясь в инструмент конструирования ступенчатых профессиональных траекторий.

При этом новая реальность, опосредованная влиянием цифровой экономики и прекаризации занятости, заставляет молодых людей регулярно пересматривать свои карьерные установки и планы профессионального развития.

Аттитуды трудового поведения студентов уже выходят за рамки дилеммы «доход или интерес», становясь способом согласования личных предпочтений, профессиональных ожиданий с социальными требованиями.

Обсуждение.

Традиционно фокус исследований был направлен на структурные изменения экономики и межпоколенческие диспропорции на предприятиях, обусловившие острый дефицит кадров [1]. Данная тенденция усугубляется значительным преобладанием старшего поколения работников в возрастной группе от 35 до 65 лет – порядка 50 % – над молодым экономически активным населением [2], что маркирует потребность привлечения молодежи в производство. Однако в современной научной риторике все больше внимания уделяется различным аспектам темпорального сдвига, во время которого труд перестает рассматриваться молодыми людьми статично зафиксированной обязанностью, а становится пространством креативных изысканий, самореализации, социально-психологического комфорта, способом определения индивидуального жизненного стиля [3; 4].

Результаты он-лайн опроса, проведенного П.А. Бaeвым, подтверждают неоднородность, а зачастую – и противоречивость трудовых предпочтений молодежи [5]. Так, в структуре факторов профессионального роста доминируют «экономические притязания» (54 %) и «социальная успешность» (47 %), тогда как саморазвитие (39 %) и полезность обществу (35 %) явно уходят на второй план. При этом аутсайдером в наборе факторов, влияющих на профессиональный рост, становится «стабильность работы» (12 %), что может говорить о готовности респондентов к риску и изменениям.

Такой «гибридный» характер трудовой этики – сочетание прагматизма с постматериальными устремлениями – требует пристального изучения, поскольку именно молодежь задаёт векторы изменений на рынке труда будущего.

В своих исследованиях А. Поплавская [6] отмечает, что профессиональное самовосприятие молодежи, готовой к саморазвитию и решению нестандартных задач, формируется институциональной средой рыночной экономики, концепцией «агентов», которые через масс-медиа транслируют визуализацию успеха. Социальный диссонанс вызывает то, что СМИ демонстрируют исключительно позитивный результат, нивелируя усилия и трудности, которые сопровождают профессиональный рост, имманентные традиционному пониманию трудовой деятельности, о котором говорил еще Г. Зиммель.

В связи с этим, актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения не только того, что молодежь ценит в работе, но и как через эти ценности происходит определение профессиональных траекторий и моделей трудового поведения.

Изучение дифференциации трудовых ориентаций в зависимости от профиля подготовки и опыта работы позволяет выявить, какие темпоральные стратегии (ориентация на быстрый старт, долгосрочное накопление капитала или баланс работы и жизни) доминируют в различных сегментах студенчества.

Очевидно, что традиционные линейные модели профессионализации меняют темпоральный алгоритм на нелинейные, проектные, ситуативные треки, что позволяет использовать результаты данного исследования при запуске механизмов социальной адаптации и конструирования карьерных маршрутов молодежи.

Методология.

Исследование проводилось в 2026 году среди студентов основных профессиональных профилей / специальностей ключевых вузов Саратовской области методом анкетного опроса.

Выборочная совокупность составила 915 респондентов (инженерное дело, технологии, технические и математические науки – 14 %; здравоохранение и медицинские науки – 22,4 %; сельскохозяйственные науки – 16,8 %; науки об обществе и гуманитарные науки – 46,8 %).

Смещение выборки в сторону гуманитарного и социального профиля определяется явным преобладанием в регионе вузов соответствующих направлений подготовки.

В исследовании использовалась стратифицированная выборка с учетом гендерного соотношения респондентов (мужчин – 43 %; женщин – 57 %). На 1 июня 2026 г. в России проживают 44 % мужчин и 56 % женщин; таким образом, по гендерному основанию выборка соответствует пропорциям генеральной совокупности. Возрастной диапазон респондентов варьировался от 18 до 30 лет (медиана – 20 лет).

В качестве основного массива данных использовались суждения респондентов относительно трудовых предпочтений и ценностей профессиональной деятельности, выстроенные по 10-балльной шкале.

Подобный формат дает возможность оценить не столько сам факт согласия с суждением, сколько степень влияния той или иной ценности, что особенно важно для фиксации современного студенческого отношения к труду.

Далее ответы были объединены в 3 группы: 1–4 балла (высокие значения), 5–6 баллов (средние значения), 7–10 баллов (низкие значения). Обработка ответов осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics, что позволило провести дискриптивный и сравнительный анализ.

Результаты.

От финансового благополучия к альтруизму.

Результаты анкетирования студентов свидетельствуют о том, что отношение молодежи к труду формируется под влиянием сразу нескольких факторов. При этом трудовые установки респондентов нельзя свести только к материальной мотивации: наряду с заработной платой, значимыми оказываются содержание работы, возможности профессионального развития, справедливость вознаграждения и ощущение полезности труда, что имплицитно указывает на многокомпонентную структуру трудовых предпочтений и ценностей профессиональной деятельности молодежи (табл. 1).

Таблица 1

Оценка трудовых предпочтений и ценностей профессиональной деятельности

№	Начало шкалы	высокие значения, %	средние значения, %	низкие значения, %
1	Я предпочитаю дистанционную занятость	27,6	35,8	36,4
2	Для меня важно, чтобы содержание работы соответствовало моим интересам	69,2	18,4	12,5
3	Для меня важно, чтобы работа давала карьерные перспективы	78,0	14,4	7,4
4	Для меня важно, чтобы работа давала возможности для профессионального развития	79,9	11,4	8,7
5	Высокий уровень заработной платы для меня принципиален	84,8	9,1	6,0
6	Для меня важна справедливость распределения вознаграждений и поощрений	78,8	13,6	7,6
7	Мне важна независимость в принятии решений	42,9	32,8	24,4
8	Для меня важен престиж профессии или вида деятельности	51,3	29,4	19,3
9	Мне важно, чтобы результаты моего труда были востребованы и значимы для организации	72,7	17,0	10,3
10	Основным мотивом трудиться для меня является польза моим близким	36,8	29,7	33,7
11	Меня не пугает высокая конкуренция за интересующую вакансию	61,0	27,5	11,4
12	Мне важно осознавать, что моя работа приносит пользу обществу и окружающим	46,6	28,6	24,8
13	Меня привлекает работать по заранее установленному сценарию	45,8	33,7	20,5
14	Труд для меня средство достижения цели	71,1	18,6	10,4

Такая структура ответов показывает, что для студентов труд выступает не просто как обязанность, а как важная часть жизненного выбора, который образует пазл инструментальных и ценностно-смысловых компонентов. При этом наряду с высокой доходностью значимыми становятся и профессиональное развитие, и справедливость распределения мотивационных стимулов, и ощущение полезности выбранной профессиональной деятельности.

Интересно, что вопреки господствующему в публичном дискурсе мнению об активном распространении желаний молодежи иметь удаленный и гибридный формат занятости, среди молодежи преобладают нейтральное и безразличное отношение к такому трудоустройству.

Можно предположить, что для студентов интеграция в структуру профессионального сообщества является сложной стрессовой ситуацией, и облегчает этот процесс межличностное общение, работа с наставниками, возможность почувствовать влияние корпоративной культуры, что достаточно сложно реализовать в дистанционном формате.

Примечательно, что «удаленка» более привлекательна для парней, ориентированных на автономию и гибкий график работы, чем для девушек, предпочитающих стабильную организационную культуру и социальные контакты (на 7,3 %).

Высокий уровень заработной платы, ожидаемо, лидировал в иерархии трудовых ценностей ре-

спондентов; при этом справедливость вознаграждения становится важным критерием удовлетворенности работой.

Труд начинает восприниматься молодежью как форма социального договора, в котором приложенные усилия должны конвертироваться в их адекватную и объективную оценку со стороны руководства, коллег, потребителей услуг / клиентов и других акторов профессиональных отношений.

Прагматические установки респондентов проявляются и в оценке престижности профессии, поскольку для половины опрошенных именно это является значимым фактором выбора специальности и места работы. В данном случае может срабатывать формула «престиж = высокий доход». Опыт трудовой деятельности (частичной занятости), несколько снижает значимость внешних атрибутов профессии, т.к. работа в первое время может восприниматься только в качестве источника дохода, позволяющего сепарироваться от семьи (снять квартиру, иметь собственные средства на удовлетворение потребностей, развлечения).

Достаточно большой процент молодежи ориентируется на работу по заданному алгоритму, при четко установленных организационных правилах (45,8 %); при этом установка на творчество и новаторство выражена несколько слабее.

Примечательно, что более трети респондентов (34,9 %) попали в категорию «средних значений», что латентно указывает на стремление молодых людей иметь работу, на которой будет соблюдаться баланс между организационной предсказуемостью, регламентированностью процессов и возможностью принимать инициативные решения, т.е. гибкий формат работы.

Особого внимания заслуживает отношение студентов к ценности общественной значимости труда. Только 14,8 % респондентов, указавших важность труда для общества, готовы идти на непрестижную работу; даже если объединить их со второй группой (нейтральными), то такой процент составит лишь 38,2 %. В данном случае проявляется некая декларативность, с одной стороны, высокая оценка полезности социально-значимого труда, а с другой, практическое отсутствие готовности жертвовать для этого своим статусом или доходом.

Итак, анализ карты трудовых установок и ценностных ориентаций, заложенных в анкетном опросе, позволил выявить, что для молодежи в большей степени характерен «инструментально-прагматический» тип взаимоотношений в профессиональной среде, ориентированный на высокий доход, престижность, целедостижимость и возможность профессионального и личностного развития.

Карьерные траектории vs личностного развития.

В представленной выборке рельефно обозначена ориентация молодежи на содержательные аспекты труда: интерес и возможность развиваться в профессии (ценность осваивания новых компетенций, субъективное ощущение профессионального прогресса, соответствие работы собственным интересам). Эта ценностная установка напрямую связана с карьерными ожиданиями: студенты считают, что за профессиональным ростом всегда следует карьерный. Подобная линейная модель карьерной траектории могла бы свидетельствовать о завышенных ожиданиях, однако, ее излишний позитив компенсируется достаточно «приземленными» оценками сферы занятости: 62 % опрошенных признают важность конкуренции на рынке труда, и к ней готовы; при этом студенты с трудовым опытом на 7 % меньше боятся конкуренции за интересующую их вакансию.

Эти результаты могут говорить, с одной стороны, об уверенности респондентов в собственных силах при трудоустройстве, с другой, о низком спросе на желаемую вакансию и, соответственно, о заниженных притязаниях молодежи.

Анализ распределения ответов показал наличие гендерных различий в оценке карьерных перспектив: для девушек они важны в 82,2 % случаях, а для юношей в 73,8 %. Связь между полом респондентов и оценкой карьерных перспектив является статистически значимой: $\chi^2(2) = 8,12$, $p = 0,017$. Вместе с тем, значение V Крамера (0,10) свидетельствует о небольшой силе выявленной связи.

Полученный результат косвенно согласуется с выводами современных зарубежных исследований карьерных притязаний молодежи. Так, Al-Bahrani et al. на выборке из 2717 учащихся десятых и одиннадцатых классов установили, что девушки демонстрируют более высокие показатели по шкале карьерных притязаний, чем юноши. Авторы также показали, что карьерные притязания связаны с академической успеваемостью, образовательным уровнем родителей и выбранным направлением математической подготовки [7].

Близкую направленность гендерных различий обнаружили Wicht, Miyamoto и Lechner на репрезентативной выборке из 10743 немецких девятиклассников: девушки, в среднем, ориентируются на профессии с более высоким социально-экономическим статусом, чем юноши.

Авторы связывают это различие не только с общей выраженностью карьерных амбиций, но и со спецификой профессиональных интересов: девушки чаще выбирают социальные и творческие направления, требующие более высокого уровня квалификации [8].

Вместе с тем, прямое сопоставление числовых показателей исследований невозможно из-за различий в операционализации: в данном исследовании измерялась доля респондентов, считающих карьерные перспективы важными, тогда как в указанных исследованиях использовались шкала карьерных притязаний и социально-экономический статус желаемой профессии. Поэтому корректнее говорить о концептуальной согласованности выводов о гендерных разрывах карьерных ориентациях студенческой молодежи. При этом пол выступает лишь одним из многих предикторов карьерных установок, а его влияние опосредуется социально-экономическими, образовательными и ценностными факторами.

«Технари», «аграрии», «гуманитарии» и «медики»: оценочная вариативность трудовых установок.

Результаты анкетирования демонстрируют значимую дифференциацию трудовых установок в зависимости от направления подготовки, что позволяет говорить о формировании отчётливых социально-профессиональных профилей уже на этапе обучения. Так, ориентация на удаленную занятость в большей степени присуща студентам – «технарям» (52 %), тогда как в сельскохозяйственных науках и науках об обществе этот показатель составляет 21,4 % и 30 % соответственно, а в медицинских группах фиксируется минимальное значение (18 %).

Данные различия не сводятся к чисто технологической оснащённости профессий: они отражают глубинную структуру профессиональной деятельности, где технические специализации в большей степени допускают декомпозицию трудовых задач и их выполнение вне материально-предметной среды, тогда как медицинская и сельскохозяйственная практика онтологически привязана к непосредственному взаимодействию с пациентами, оборудованием или природными объектами.

Ценностный профиль будущих медиков демонстрирует наибольшую заинтересованность в престиже профессии (59 %) в сравнении с «гуманитариями», «аграриями» и «технарями» (49 %, 48 % и 41 % соответственно), а также ярко выраженную пользу обществу для будущих врачей важно, чтобы труд приносил пользу обществу и окружающим (68,5 % против 36,3 %, 50 %, 35 % соответственно), что отличает их от представителей других респондентов.

Вместе с тем, будущие медики, чаще всего, воспринимают труд инструментально, как средство достижения цели (59 %). На первый взгляд, сочетание альтруистической мотивации и инструментального отношения может показаться противоречивым, однако, в контексте профессиональной культуры медицины, это образует устойчивый компенсаторный комплекс: длительный период профессиональной подготовки, высокая психоэмоциональная нагрузка и ограниченные возможности раннего карьерного старта

формируют ожидание стабильности, материальной обеспеченности как закономерной компенсации за вложенные усилия.

Представители сельскохозяйственных наук на 18,9 % реже, чем в среднем по другим профессиональным группам, указывают на необходимость соответствия работы личным интересам, а также меньше ориентированы на использование карьерных трамплинов и профессиональное развитие (на 19 % и 21 % ниже средних значений).

Такие различия могут быть обусловлены спецификой сельскохозяйственной сферы, в которой профессиональная траектория нередко зависит не только от индивидуальных интересов и карьерных стремлений, но и от территориальной доступности рабочих мест, состояния регионального рынка труда, сезонности занятости и ограниченного числа вариантов вертикального карьерного продвижения.

Кроме того, выбор соответствующего направления подготовки, в отдельных случаях, может определяться семейными традициями, близостью образовательной организации или прагматическими соображениями, а не устойчивым личным интересом к будущей профессии.

Организация учебного процесса и тренд на высокий уровень профессионализации студентов во время обучения акцентирует внимание на вариативности моделей поведения студентов при совмещении работы и учебы. Так, наибольшая распространенность подработки была выявлена у студентов – гуманитариев (52,4 %) и «аграриев» (50 %), чуть ниже у «технарей» (43,7 %) и «медиков» (41,6 %). Вероятно, различия связаны с интенсивностью и организацией учебного процесса: высокая аудиторная и практическая нагрузка в медицинском и техническом образовании может ограничивать возможности регулярной занятости, тогда как студенты общественных наук чаще могут выбирать работу с гибким графиком. При этом распространённость подработки не означает её соответствия осваиваемой специальности.

Наиболее тесная связь работы с будущей профессией наблюдается у студентов медицинских направлений: 72,6 % указали на то, что подработка, так или иначе, связана со специальностью. Это может объясняться наличием доступных начальных позиций в медицинских организациях (младший медицинский персонал, сиделки), возможностью раннего включения в профессиональную среду и стремлением получить практический опыт ещё во время обучения.

Противоположная ситуация характерна для представителей наук об обществе: несмотря на наиболее высокую распространённость подработки, 77,6 % респондентов указали на то, что она не связана с осваиваемой специальностью. Среди студентов инженерно-технических и сельскохозяйственных направлений непрофильная

занятость также преобладает (59,7 % и 61,3 % соответственно).

Выявленное расхождение может свидетельствовать не столько о слабой профессиональной мотивации студентов, сколько о несоответствии между структурой доступных им вакансий и требованиями профильного рынка труда. Начальные позиции по специальности нередко предполагают наличие квалификации, практического опыта, профессиональных компетенций или возможность работать полный день, тогда как студентам преимущественно доступны рабочие места с гибким графиком, не требующие специальной подготовки.

Особенно показательно положение представителей наук об обществе: высокая вовлечённость в занятость при её слабой связи с направлением обучения может быть обусловлена широтой и размытостью профессионального поля, а также отсутствием чётко закреплённой траектории входа в профессию. В результате, подработка выполняет, прежде всего, материальную и адаптационную функции, но в меньшей степени способствует накоплению профильного опыта и профессиональной социализации, что в дальнейшем может осложнять переход выпускников от обучения к работе по специальности.

Таким образом, результаты исследования показывают, что трудовые ценности молодёжи представляют собой гибрид традиционных профессиональных этосов и инструментальных ценностей, сформированных рыночной средой и прекарными условиями раннего этапа карьеры.

Заключение.

Таким образом, наблюдаемые паттерны скорее свидетельствуют о стратегической переориента-

ции: молодые люди готовы инвестировать в профессию, но при условии её практической реализуемости и социального признания, а при невозможности такой инвестиции – рационально смещают активность в смежные сегменты рынка труда. Внешне «инструментальное» отношение к труду может быть не симптомом девальвации профессионализма, а следствием адаптации к структурной неопределённости и дефициту гарантированных карьерных траекторий.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что трудовые ориентации студенческой молодёжи не образуют единой и внутренне однородной системы. Наряду с общей значимостью материального вознаграждения, карьерных перспектив и профессионального развития выявлены различия, связанные с гендерной принадлежностью, профилем подготовки и наличием трудового опыта.

Следовательно, современное отношение молодёжи к труду позволяет рассматривать не как отказ от традиционных трудовых ценностей, а как их переосмысление и включение в более сложную систему индивидуальных и профессиональных ожиданий.

Практическая значимость полученных выводов состоит в необходимости учета выявленной дифференциации при организации профессиональной ориентации, студенческой занятости и перехода выпускников от обучения к трудовой деятельности. Особого внимания требует согласование доступных студентам форм занятости с профилем их подготовки, поскольку практический опыт способен выполнять не только материальную и адаптационную, но и профессионально-социализирующую функцию.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследования рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ. 2017. URL : <https://www.csr.ru/upload/iblock/861/86192da819e23b2d7ce2161f7718a32f.pdf> (дата обращения 14.07.2026).
2. Российский статистический ежегодник. 2025: статистический сборник / Росстат. М. : Росстат, 2025. 621 с.
3. Терешонок Т.А. Особенности трудового поведения современной российской молодёжи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. № 4. С. 421–426. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-421-426>. EDN: DMLDTS.
4. Диннер И.В. Трудовые ценности и их влияние на профессиональное самоопределение молодёжи: эмпирический анализ // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2025. Т. 23. № 2. С. 97–105. DOI: [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23\(2\).97-105](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23(2).97-105). EDN: PKBSAQ.
5. Баев П.А. Труд в ценностной палитре современной России / П.А. Баев, Е.В. Зимина // Социология. 2024. № 4. С. 83–89. EDN: TLQSUO

6. Поплавская А.А. Механизм формирования отношения молодежи к труду: сетевые связи и восприятие институтов // Социологическое обозрение. 2026. Т. 25. № 1. С. 85–111. URL : <https://sociologica.hse.ru/article/View/33396> (дата обращения 17.07.2026).
7. Career aspiration and related contextual variables / M.A. Al-Bahrani [et al.] // International Journal of Adolescence and Youth. 2020. Vol. 25. № 1. P. 703–711. DOI: <https://doi.org/10.1080/02673843.2020.1730201> (date of application 02.08.2026).
8. Wicht A. Are girls more ambitious than boys? Vocational interests partly explain gender differences in occupational aspirations / A. Wicht, A. Miyamoto, C.M. Lechner // Journal of Career Development. 2022. Vol. 49. № 3. P. 551–568. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894845321991665> (date of application 02.08.2026).

References:

1. Russian labor market: trends, institutions, structural changes: report of the Center for Labor Studies (CLS) and the Laboratory for Labor Market Research (LIMR) of the National Research University Higher School of Economics. 2017. URL : <https://www.csr.ru/upload/iblock/861/86192da819e23b2d7ce2161f7718a32f.pdf> (date of application 14.07.2026).
2. Russian Statistical Yearbook. 2025: Statistical Handbook. M. : Rosstat, 2025. 621 p.
3. Tereshonok T.A. Features of the work behavior of contemporary Russian youth. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2023. Vol. 23. № 4. P. 421–426. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-421-426>. EDN: DMLDTS.
4. Dinner I.V. Work values and their influence on young people's professional self-determination: An empirical analysis. Herald of Omsk University. Series: Economics. 2025. Vol. 23. № 2. P. 97–105. DOI: [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23\(2\).97-105](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23(2).97-105). EDN: PKBSAQ.
5. Baev P.A. Work in the value system of contemporary Russia. Sociology / P.A. Baev, E.V. Zimina. 2024. № 4. P. 83–89. EDN: TLQSUO.
6. Poplavskaya A.A. The mechanism shaping young people's attitudes toward work: Network ties and perceptions of institutions. Russian Sociological Review. 2026. Vol. 25. № 1. P. 85–111. URL : <https://sociologica.hse.ru/article/View/33396> (date of application July 17, 2026).
7. Career aspiration and related contextual variables / M.A. Al-Bahrani [et al.] // International Journal of Adolescence and Youth. 2020. Vol. 25. № 1. P. 703–711. DOI: <https://doi.org/10.1080/02673843.2020.1730201> (date of application 02.08.2026).
8. Wicht A. Are girls more ambitious than boys? Vocational interests partly explain gender differences in occupational aspirations / A. Wicht, A. Miyamoto, C.M. Lechner // Journal of Career Development. 2022. Vol. 49. № 3. P. 551–568. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894845321991665> (date of application 02.08.2026).

Информация об авторах

Суркова Ирина Юрьевна

доктор социологических наук,
профессор,
кафедра управления персоналом,
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Саратов
ORCID iD: 0000-0002-5483-0128
surkova-iy@ranepa.ru

Irina Yu. Surkova

Doctor of Sociology,
Professor,
Department of Human Resource Management,
P.A. Stolypin Volga Institute of Management, a branch
of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation (RANEPA), Saratov
ORCID iD: 0000-0002-5483-0128
surkova-iy@ranepa.ru

Нечаев Валерий Алексеевич

аналитик
Центра психолого-экономических исследований,
Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Саратов
valerij.nechaev.02@mail.ru

Valerij A. Nechaev

Analyst
at the Center for Psychological and Economic Research,
P.A. Stolypin Volga Institute of Management,
a branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation (RANEPA), Saratov
valerij.nechaev.02@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

© Суркова И.Ю., Нечаев В.А.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-14>

УДК 316

Attribution

cc by

ТРАДИЦИОННАЯ МАСКУЛИННОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (СТАТЬЯ 2)

Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Моспан К.А.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация. Статья представляет собой вторую часть исследования традиционной маскулинности в качестве мировоззренческого феномена российского общества. Здесь фактически представлено осмысление данных эмпирического исследования, проведенного среди студенческой молодежи с целью выявления векторов динамики, составляющей традиционной маскулинности в их сознании. Российское общество подвержено диффузному влиянию трендов мировой (западной) цивилизации, экзистенциально жестко антагонистичных любым традиционным феноменам, в том числе и традиционной маскулинности. Вызовы последней прослеживаются в контексте конкуренции форм традиционной и новой партнерской семьи, варианты которой распространяются в России. Ключевой вывод по результатам исследования следующий: говорить о полном вытеснении традиционной маскулинности альтернативными формами явно преждевременно, тем не менее очевидно наметилась тенденция девальвации ценностей и поведенческих нормативов традиционной маскулинности, что в большей степени отражается на поведении молодых мужчин. Парни в целом склонны поддерживать абстрактные нормы традиционной маскулинности, однако в контексте жизненных обстоятельств многие из них нацеливаются на прагматичный выбор моделей поведения, не исключая альтернативных традиционной маскулинности, если они содействуют эффективному приспособлению к действительности.

Ключевые слова: традиционная маскулинность, традиционная семья и партнерская семья, анкетный опрос, диффузное влияние западной цивилизации, «демобилизованное» общество.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TRADITIONAL MASCULINITY AS A PHENOMENON OF SOCIAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS: RESULTS OF THE STUDENT RESEARCH (ARTICLE 2)

Julian G. Tambiyants, Anna G. Luginina, Kirill K. Tokarev, Konstantin A. Mospan

Kuban State Agrarian University named After I.T. Trubilina

Abstract. This article represents the second part of a study examining traditional masculinity as an ideological phenomenon in Russian society. It presents a conceptual analysis of data from an empirical study conducted among university students, aimed at identifying the dynamic vectors of traditional masculinity in their consciousness. Russian society is subject to the diffuse influence of trends in global (Western) civilization, which are existentially and rigidly antagonistic to any traditional phenomena, including traditional masculinity. The challenges of the latter can be seen in the context of competition between traditional and new partner family forms, variations of which are spreading in Russia. The key conclusion of the study is the following: while it is clearly premature to talk about the complete displacement of traditional masculinity by alternative forms, there is a clear trend toward a devaluation of the values and behavioral norms of traditional masculinity, which is reflected largely in the behavior of young men. Men generally tend to support abstract norms of traditional masculinity, but in the context of life circumstances, many of them aim for a pragmatic choice of behavior models, not excluding alternatives to traditional masculinity if they contribute to effective adaptation to reality.

Keywords: traditional masculinity, traditional family and partner family, questionnaire survey, diffuse influence of Western civilization, «demobilized» society.

Funding: Independent work.

Введение.

В первой статье, посвященной феномену традиционной маскулинности, мы уделили должное внимание теоретико-методологическим вопросам, при этом предложив наше видение основного функционального назначения рассматриваемого явления прежде всего в стратегическом смысле. Во второй части нам предстоит заняться анализом фрагмента отечественной социальной действительности, который мы охватили через проведенное эмпирическое исследование. Однако прежде чем мы приступим к осмыслению полученных результатов необходимо сделать несколько важных методологических замечаний.

Традиционная маскулинность представляет собой совокупность нормативов, жестко навязывающих определенные поведенческие рамки прежде всего мужчинам. Подобные нормативы приписывали мужчинам обеспечить как наполнение собой тех сфер общественной жизни, которые были связаны с насилием и войной, так и возложение на себя инструментальной функции в рамках института семьи, что предполагало частую, а то и постоянную актуализацию способности противостоять жизненным обстоятельствам. В тесной связке с маскулинными нормами формируются женские социокультурные и поведенческие императивы (феминность), взаимодействие которых с мужскими характеризуется не столько иерархическими отношениями (как свойственно считать теоретикам и симпатизантам феминизма, использующих, в связи с этим, концепт гегемонной маскулинности), сколько взаимодополнением и асимметрией, участвующей психофизиологические различия мужчины и женщины (Н. Больц, Н. Чуркина и др.).

Подобный расклад обеспечивал фундамент гендерного порядка, задавая устойчивость институту семьи, который в социально-историческом контексте претерпевал определенные модификации и корректировку форм – патриархальная семья, нуклеарная семья.

В настоящее время до сего устойчивый гендерный порядок подвержен тенденциям деструктуризации, что характерно для стран передового цивилизационного развития. Подобные процессы обосновываются через проект политкоррект-

ности, предполагающий дальнейшую демократизацию и социальную (а по сути и культурную) эмансипацию. Итогом этого является распространение альтернативных форм семьи, среди которых наиболее распространенным является феномен партнерской семьи, основанный на максимальной либерализации принципов совместной жизни, а социальные роли носят спонтанный по сути характер – не важно кто главный добытчик, а кто хранитель домашнего очага и пр.

«Раньше мужчины и женщины жили вместе, соблюдая при этом разные правила – констатирует Н. Больц, – Сегодня для мужчин и женщин правила одинаковые, но живут они рядом друг с другом, как параллельные прямые, которые никогда не пересекутся» [1, с. 74].

Объективная картина получающихся результатов пока заставляет говорить о деформации, а не трансформации гендерных отношений, а также оказывающихся в глубоком кризисе семейных институтов в целом, на что указывают демографические проблемы, среди которых на первом плане – сродни катастрофическому, падение рождаемости (Г. Хайнсон, Э. Люттвак, П. Бьюкенен и др.).

Отечественный социум оказывается в числе стран, на которые диффузно распространяются подобные тренды, хотя, есть основание надеяться, что здесь гендерные деформации зашли не настолько далеко, как в странах Запада. Тем не менее, партнерская семья для российского общества фактически стала нормой. Имеет место «уменьшение количества регистрируемых браков в сочетании с ростом количества внебрачных сожительства, увеличение случаев внебрачных рождений, ...тенденции малодетности и однодетности» [2, с. 6].

В нулевые годы (с 2002 по 2010 гг.) количество гражданских браков выросло примерно на миллион, причем подобные союзы более характерны для молодых людей. Так, в 2004 г. около 50 % россиян в возрасте до 25 лет жили в браках без регистрации. Согласно выводу одного из исследований, «для современных молодых россиян регистрация брака утрачивает значение стартовой позиции. Распространение неформальных союзов в поколении родившихся после 1960 г. приобрело взрывной характер» [8, с. 4].

Таблица 1

Модели традиционной и современной семьи: сравнительные характеристики (по В.В. Рябовой)

	Традиционная семья	Современная семья
1	2	3
Количественные параметры	Многодетная полная семья	Малодетная неполная или внебрачная семья
Характер воспитания	Авторитарная родительская трудовая система воспитания, основанная на семейных традициях	Свободная либеральная система воспитания с вытеснением семейных традиций
Функциональное распределение	Четкое, строгое разделение семейных хозяйственно-бытовых обязанностей	Жесткое разделение внутрисемейных обязанностей отсутствует, семейные роли размыты, иногда противоположны традиционному распределению

Окончание таблицы 1

1	2	3
Досуговая рекреативная функция	Коллективные семейные праздники и релаксационные мероприятия, межсемейное общение	Личностно-изоляционистские способы релаксации, либо релаксация через безличностные способы вроде совместного шопинга
Эмоциональные связи	Бликие дружественные, комфортные отношения между членами семьи	Ослабление эмоциональных межличностных контактов, семейное равнодушие или конфликтность
Социально-экономические роли	Муж – защитник и кормилец, отвечающий за материальное благополучие семьи и безопасность. Жена – хозяйка дома, отвечающая за воспитание детей и хозяйственный быт	Экономическая независимость супругов
Иерархия	Патриархальная семейная власть – верховенство мужчины	Замена семейного патриархата неоматриархатом или семейным эгалитаризмом

Л. Ионин считает, что союзы партнерского рода не есть полноценная семья, но скорее эрзац семьи, где изначально подразумевается возможность развода. Последний в постсоветское время представляет собой уже не столько драму, сколько «банальное событие... юридическое оформление давно уже сложившихся реальностей» [5, с. 189, 190].

В связи с этим, нам представляется целесообразным поместить исследование социальных представлений о традиционной маскулинности в контекст семейных ценностей, чтобы поставить респондентов в ситуацию своеобразного выбора – нормативы традиционной маскулинности и оппонирующие им современные ценности.

В таблице 1 мы представили наглядно эти альтернативы, опираясь на работу В. Рябовой [9]. В то же время, при императивы традиционной маскулинности выходят все же за рамки сферы семейных отношений, в связи с чем необходимо уточнить восприятие ассоциируемых с маскулинностью феноменов, но лишь опосредованно касающихся семьи. Это – проблематика формирования индивидуальных ориентаций по поводу жизненных стратегий, участия в феноменах, связанных с насилием и конфликтом; наконец, отношение к социальным явлениям, подчеркнуто антагонистичным к нормативам традиционной маскулинности.

Методология, инструментарий, эмпирическая база исследования.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить векторы динамики нормативов традиционной маскулинности в молодежной среде. Из этого следуют ряд задач, предполагающих последовательную реализацию:

1. На основе опроса респондентов, уточнить характер доминирующих нормативов и предпочтений, определяющих функциональную структуру внутрисемейных отношений, а также формирование личностных стратегий.
2. Определить отношение опрашиваемых к имеющимся социальным установкам и практи-

кам, противоречащим нормативам традиционной маскулинности.

3. Выяснить предпочтения и оценки респондентов в отношении феноменов, связанных с конфликтами, насилием.

По ходу исследования в качестве базового понятия выступала категория «маскулинность», которая в данной работе фактически отождествляется с категорией «мужественность».

В нашей трактовке, маскулинность (мужественность) предполагает определенные параметры мужского облика и поведения, принятые и зафиксированные в обществе. При этом стандарты маскулинности проявляют изменчивость в пространстве и времени. Если первое, главным образом, связано с различными социальными группами, имеющими заметные социокультурные и иерархические различия, то второе предполагает исторические сдвиги в маскулинных стандартах.

Традиционная маскулинность интерпретируется как комплекс базовых императивных требований, устанавливающих определенный образец мужского поведения. Нормативы традиционной маскулинности весьма устойчивы поскольку детерминированы психофизиологическими, а также почвенническими (социокультурными) источниками. Семейные ценности трактуются как убеждения, образ жизни, передаваемый семьей человеку и определяющий его действия как в рамках семьи, так и по отношению к окружающему миру в целом.

Инструментарием исследования выступил анкетный опрос. Источником сбора эмпирического материала послужил город Краснодар. Дело в том, что Краснодар являет собой крупный город и краевой центр и, в то же время, может рассматриваться в качестве своеобразной микро-модели России, поскольку здесь наличествуют полиэтничность, поликонфессиональность, большая миграционная нагрузка.

В качестве выборочной совокупности мы сочли возможным сделать упор на молодежи, как возрастной социальной группе, наделенной специфическими характеристиками, позволяющими

глубже вникнуть в суть предмета исследования. С одной стороны, молодые люди обладают наиболее долгосрочным потенциалом участия в социальных процессах, связанных с динамикой института семьи и семейных ценностей. С другой стороны, молодежь более восприимчива (лабильна) к новым социокультурным трендам, затрагивающим традиционную маскулинность и национальные семейные ценности, в связи с чем происходящие в этих областях сдвиги целесообразно изучать именно на молодежном материале.

Было опрошено 176 юношей и 112 девушек – учащихся 1 и 2 курсов факультетов управления, механизации сельского хозяйства, а также факультета экономической безопасности КубГАУ им И.Т. Трубилина. Причем, в прошлом году первым автором проводилось исследование на схожую (не тождественную) тематику также применительно к студенческой аудитории. Ряд вопросов прошлого и нынешнего исследования совпадают, характер ответов на которые имеет смысл сопоставить.

Таким образом, наше исследование в некотором роде носит повторный характер с использованием псевдопанели [4, с. 45].

Смысловой характер настоящего исследования естественно предполагал учет как женской, так и мужской точек зрения относительно семейных ценностей и нормативов традиционной маскулинности как важной составляющей первых. В силу этого, формировались анкеты, специально предназначенные для мужской и женской аудитории.

Состав анкеты предполагал несколько структурных блоков.

Самый крупный блок вопросов анкеты касался выявления позиций нормативов традиционной маскулинности в контексте семейных отношений. Другой блок вопросов затрагивал аспекты мужского этоса, тесно связанного с традиционной маскулинностью, фактически представляющего вариации ее нормативов.

Результаты исследования.

Для, своего рода «разогрева», респондентам было предложено определиться с индивидуальными субъективными трактовками маскулинности. И это был, по сути, единственный вопрос, сформулированный отдельно для юношей и девушек. Если последним предлагалось подумать и определить, каким им хочется видеть собственного мужчину, тогда как представителям сильного пола мы задали вопрос: Что лично для Вас означает мужественность? В данном случае, «мужественность» и «маскулинность» выступили как синонимы, так как для многих молодых людей термин маскулинность будет менее определенным по смыслу, чем термин мужественность. Сразу следует отметить, что опрашиваемые были сориентированы не только отметить предпочитаемые ими черты, но и расположить их в иерархическом порядке (в-первую очередь, во вторую очередь...). Отсюда результаты зафиксированы в таблицах 2 и 3 следующим образом – сначала стоит общее число упоминаний, а затем в скобках указываются разделенные косой чертой количество упоминаний «в первую очередь», «во вторую очередь», а у юношей еще «в третью очередь». Некоторые респонденты (пусть и явное меньшинство) просто отмечали конкретные черты, не располагая их по степени значимости, потому количество в таблице общих упоминаний, всегда больше указанных в скобках суммы чисел.

Таблица 2

Каким бы Вы хотели видеть своего мужчину? (в %)

Варианты	Девушки
Самодостаточным, независимым от других	51 (28 / 18)
Физически сильным, «накачанным»	32 (6 / 26)
Уверенным в себе, психически устойчивым; целеустремленным	88 (50 / 34)
Состоятельным в материальном плане	38 (12 / 24)
Добрый и любящий	72 (54 / 14)
Другое	4

Как следует из таблицы 2, девушки больше всего ценят в парнях уверенность, психическую устойчивость. Вторую позицию по общему числу упоминаний довольно твердо занимает качество, указывающее на приоритет эмоциональной составляющей в женской натуре – наличие доброты и любви у своего мужчины. Причем, данная черта, чаще всего, упоминалась как самая приоритетная («в первую очередь»). Довольно далеко отстоит третья позиция, где расположилась такая черта, как самодостаточность. Наконец, в числе своеобразных аутсайдеров оказались материальная состоятельность – ее отметило чуть более трети респонденток и физическая сила (чуть менее трети), воплощенная через внешний облик («накачанная» фигура).

Тем самым, можно заключить, что девушки ценят те задаваемые традиционной маскулинностью параметры, которые воплощены прежде всего в социальном поведении. А вот чисто внешняя форма – «накачанная» фигура, ближе всего соответствующая категории брутальности, ценится ими меньше всего. Вполне возможно, из этого следует гипотеза об успешном усвоении прагматичных установок, позволяющих быстро понять реальную сущность человека, в данном случае молодого мужчины. В то же время, можно предположить, что со временем, столкнувшись с вызовами жизненных обстоятельств, девушки будут выше ценить факт материального обеспечения.

В таблице 3 представлены в обобщенном виде результаты опроса парней. Как видно фактически первое-второе места по числу упоминаний разделили такие качества как умение себя защи-

тить физически и способность держать слово и признавать ошибки, что по сути свидетельствует о высокой коммуникабельности.

Таблица 3

Что лично для Вас означает мужественность (в %)

Варианты	Юноши
Умение защитить, постоять за себя	70 (35/20/8)
Решительно достигать поставленные цели	56 (21/15/15)
Не ломаться перед обстоятельствами	55 (20/10/18)
Быть «накачанным»	8
Иметь хорошую машину, красивую женщину	9
Отстаивать собственное мнение	25 (7/5/7)
Умение держать слово, признавать ошибки	71 (24/25/14)
Другое	3

Показательно, что способность к самозащите поставили на первое место больше всех опрошенных парней в сравнении с другими качествами, что согласуется с рассуждениями И. Костериной, о чем писалось в первой.

Третье-четвертое места делят решительность в достижении целей и устойчивость перед обстоятельствами – в пользу каждого из названных качеств высказалось немного более половины респондентов.

Четверть опрошенных отметили такую черту, как твердость в собственном мнении и менее 10 % посчитали нужным связать с мужественностью «накачанную» (брутальную) фигуру и видимость некой «крутости» – хорошая машина, красивая женщина.

Таким образом, в целом парни, да и девушки в приоритет ставят именно поведенческие аспекты, вписывающиеся в нормативы традиционной маскулинности, но при этом связанные скорее с наличием своего рода внутреннего психологического стержня, нежели с нарочитой маскулинностью (мачизмом) или с так называемым агрессивным потреблением, феноменами, описанными в статье С. Ушакина [11].

Как отмечалось в начале статьи, одной из составляющих кризиса семьи выступают ее альтернативные формы, самой распространенной из которых является так называемый гражданский брак. Отношение к данному явлению молодых людей в контексте их собственных стратегических замыслов по поводу семейной жизни отражено в таблице 4.

Таблица 4

Какой планируете будущую семейную жизнь? (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Планирую полноценную семью	70	92
Не исключаю вариант гражданского брака	9	2
Не уверен(на), буду ли вообще заводить семью	5,5	4
Не знаю, не задумывался(лась)	14	2

Результаты опроса продемонстрировали в очередной раз более строгий настрой в этом отношении представительниц «прекрасного пола». Если из юношей около двух третей твердо нацелены на формирование обычной полноценной семьи, а около трети обнаружили весьма неопределенные расплывчатые установки, то среди девушек на серьезные официальные отношения настроены более 90 %. Собственно, это подтверждает расхожий тезис о том, что девушки для брака психологически «созревают» раньше парней. При том, что факт наличия гражданских

браков предполагает одинаковое здесь участие представителей обоих полов, все же, как можно судить по настрою девушек, они, в конечном итоге, ориентированы на то, чтобы иметь полноценную (традиционную) семью, а не куда менее определенные отношения через форму гражданского брака.

Весьма наглядно различия в установках парней и девушек проявились в отношении феномена альфонсизма (табл. 5), который, по сути, сводится к паразитизму мужчины за счет женщин.

Таблица 5

Отношение к явлению «альфонсизма» (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Это позор, прежде всего мужчине	42	78
Если людей устраивает, то почему и нет	48	14
Не знаю, не задумывался(лась)	9	7

Из полученных данных следует, что молодые женщины настроены куда как нетерпимее своих мужских сверстников – толерантное отношение к альфонсизму обозначила по сути половина опрошенных юношей, а вот согласных с ними девушек в 3,5 раза меньше. Зато более трех четвертей респондентов склонны оценивать альфонсизм как позор мужчине, а среди парней таких – менее половины.

Получается, что, в данном случае, женская аудитория намного более склонна выступать в поддержку нормативов традиционной маскулинности, чем мужская. Мы полагаем, что подобная картина не в последнюю очередь – результат объективных социальных практик, которые широко распространены на Западе (что проанализировано в монографии Ф. Зимбардо, Н. Коломбе «Мужчина в отрыве») и, к сожалению, не обходят Россию [3; 13].

Заметно большая терпимость мужчин к данному феномену опосредованно указывает на девальвирующую тенденцию в отношении традиционных маскулинных нормативов. Судя по всему, в стратегических раскладах некоторых парней альфонсизм как вариант устроиться в жизни вполне допустим.

Важное место занимали вопросы, касающиеся конкретного распределения ролей мужчины и

женщины в семье, причем, как с точки зрения субъективного понимания, так и с позиции объективно складывающегося положения дел. Сначала было предложено отдать предпочтение одному из двух утверждений, первое из которых есть фактически перефраз одного из ключевых тезисов традиционной маскулинности, тогда как второе – его расплывчатая альтернатива, ставящая под сомнение первое утверждение (табл. 6).

Как следует из приведенных в таблице данных, заметно большее количество респондентов поддерживает второй тезис, считая, что в каждой семье заводится собственный порядок, который может основываться на противоположных нормативам традиционной маскулинности принципах, а в роли основного финансового добытчика вполне может выступить и женщина. Показательно, что в прошлогоднем исследовании похожая проблематика получала несколько иное отражение в социальном сознании молодых людей. Так, расхожий стандарт традиционной маскулинности о том, что именно мужчина должен содержать семью, поддерживали более двух третей опрошенных (71 %).

Отсюда, результаты опроса этого года заставляют считать, что позиции данной точки зрения заметно ослабли.

Таблица 6

Какое из утверждений Вы поддерживаете? (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Основная задача женщины – домашние дела, воспитание детей. Ей работать необязательно	39	43
В каждой семье заводится свой порядок. Не столь важно, кто именно основной финансовый добытчик.	61	57

Следующий вопрос касался уже реального положения дел, а именно – какой из внутрисемейных функциональных раскладов россиянами все же предпочитается – воплощающий принцип традиционной маскулинности или альтернативный.

Как следует из таблицы 7, чуть менее половины как юношей, так и девушек отмечают, что в окружении их знакомых доминируют внутрисемейные расклады, основанные на нормативах традиционной маскулинности – мужчина главный, он добытчик и именно он принимает судьбоносные для семьи решения.

Таблица 7

В Вашем круге общения какая из представленных форм поведения больше предпочитается? (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
В семейной жизни главный мужчина – он добытчик и принимает ключевые решения	48	46
В семейной жизни главная женщина – она берет на себя принятие решений, обеспечивает внутренний комфорт и довольство	–	–
Бывает по-разному – в одних случаях главная женщина, а в других – мужчина	52	54

Чуть больше половины отмечает у своих знакомых различные варианты внутрисемейных отношений, в некоторых из которых первую скрипку может играть и женщина. В то же время, предложенный крайний вариант – в семейной жизни главенствует женщина, не отметил ни один респондент. Не исключено, что опрашиваемые склонны замечать те определяющие внутрисемейные структуры феномены, которые от-

ражают их собственные оценки к подобным явлениям.

Отсюда общие картины ответов на вопросы – как должно быть и как есть в целом, совпадают.

Завершал «семейный» блок вопрос о том, каким образом должны решаться главные проблемы в семье?

Естественно, что нормативы традиционной маскулинности задают ориентировки на бесспорный приоритет в этом мужчины. В то же время, в рамках традиционной маскулинности есть некое пространство маневра в плане того насколько стоит допускать жену до обсуждения. Отсюда

вытекают более или менее жесткие вариации традиционной маскулинности.

Как следует из таблицы 8, жесткий вариант, когда с женщиной не советуется вообще, является фактически неприемлемым даже для мужчин — его поддержали считанные единицы.

Таблица 8

По какому принципу должны решаться ключевые проблемы в семье? (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Мужчина полностью решает сам, с женой может не советоваться	2	—
Нечто вроде «конституционной монархии» — обсуждают вместе, но окончательное решение — за мужчиной	35	34
Супруги — равноправные партнеры, не столь важно, кто принимает окончательное решение	63	66

Интересно, что показатели поддержки более мягкого варианта — обсуждают вместе, но окончательное решение за мужчиной — среди парней и девушек оказались практически одинаковыми. В обеих группах данный вариант поддержали около одной трети, тогда как около двух третей мужчин и женщин склонны поддерживать полное равенство супругов в ходе принятия ключевого для семьи решения.

По сути, этот последний вариант отражает нормативы не традиционной маскулинности, но партнерского брака.

Ряд вопросов затрагивал больше индивидуальные мужские стратегии, воплощающиеся не только в семье, но и за ее пределами, и непосредственно связанные с принятием или неприятием норм традиционной маскулинности.

Так, опрашиваемым предлагалось сделать выбор между утверждением об исключительно са-

мостоятельном продвижении в общественном пространстве и утверждением, где в подобном продвижении допускается участие (и не исключено, что решающее) родственников. Здесь были получены весьма интересные результаты (табл. 9). Разумеется, что первый тезис куда больше отражает принципы традиционной маскулинности, и он часто формально берется на вооружение молодыми людьми, которые затем, столкнувшись с жизненными реалиями, становятся куда более лояльными к получению поддержки родных. То есть по-другому, первый тезис зачастую воспринимается идеалистически, в рамках некоего юношеского максимализма, а затем на практике подвергается корректировкам, а то и превращается в противоположность.

Наши респонденты явно находятся в начале пути (студенты 1–2 курса), а, следовательно, им некоторая идеализация первого утверждения где-то свойственна.

Таблица 9

Какое утверждение Вам принципиально ближе? (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Молодым людям следует прежде всего самим пробиваться и утверждать себя в обществе	62	79
Родственникам необходимо всячески помогать молодым людям устроиться в жизни	38	21

Тем не менее, мы видим, что девушки заметно более требовательны к характеру такого рода стратегий. Если среди парней более трети считают, что родственники обязаны оказывать всяческую помощь, то считающих так же девушек — лишь пятая часть. Нам представляется, что обозначившаяся разница объясняется как требовательностью девушек к парням, поскольку расчет только на свои усилия куда более позволяет выявить «настоящего мужчину», так и склонностью многих парней искать более комфортные варианты устроиться в жизни.

Здесь можно предположить, с одной стороны, влияние объективной реальности, где помощь родственников в социальном продвижении давно стала нормой, а с другой стороны — ослабление

маскулинных нормативов, сопровождающейся большей неуверенностью молодых мужчин в собственной индивидуальной состоятельности. Между тем, в исследовании годичной давности «самостоятельный путь» поддержали 81 % опрошенных.

Примыкал к обсуждению стратегии социального продвижения вопрос о самовоспитании представителей сильного пола: Следует ли пытаться сформировать у себя дух целеустремленности, решительности, лидерства? Ясно, что подобный настрой четко вписывается в нормативы традиционной маскулинности. При том, что подавляющее большинство респондентов отметили утвердительный ответ, мы вновь столкнулись с большей требовательностью «прекрасного по-

ла». Альтернативный вариант – если человек по натуре подчиненный, то не стоит вступать в конфликт с самим собой и пытаться сформировать у себя фактически чуждые собственной натуре качества, выбрала почти пятая часть респондентов и только 5 % респондентов (табл. 10).

Из подобного распределения ответов можно заключить, что значительная часть современных парней в принципе готова следовать образу «новых мужчин» – феномена, весьма распространенного в Европе.

Таблица 10

Должен ли мужчина всячески воспитывать в себе дух лидерства, целеустремленности? (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Да, полностью согласен (на)	80	95
Не обязательно, если человек по натуре склонен подчиняться, то ему это не нужно	18	5
Другое	2	–

В то же время, для российских девушек доминирующим остается образ решительного парня, умеющего ставить цели и достигать их.

Вопрос, касающийся отношения мужчины к собственным эмоциям, во многом напрямую затрагивал проблематику так называемой «токсичной маскулинности» – одной из распространенных категорий феминистского дискурса, на которой фактически базируется идея, что мужчины, якобы, сами страдают от выстроенного ими же сексистского патриархатного порядка.

Надо признать, что полученные ответы оказались весьма любопытны (табл. 11). В отличие от

двух предыдущих вопросов, здесь девушки проявили заметно большую покладистость. Чуть менее половины респондентов считают допустимым проявления эмоции на людях – мужчина тоже человек. А вот ответивших подобным образом парней оказалось более чем в 2,5 раза меньше. Треть респондентов считает, что эмоции следует держать при себе всегда, тогда как девушек согласных с этим в три раза меньше.

Представляется, что подобный расклад ответов объясняется не столько ценностными предпочтениями девушек, которые формируются, во многом, на рациональной основе, сколько их более эмоциональной природой.

Таблица 11

Каким образом мужчине следует относиться к собственным эмоциям? (в %)

Варианты:	Юноши	Девушки
Мужчина в любой ситуации должен держать при себе собственные эмоции	34	11
«На людях» эмоции проявлять не следует	49	43
Мужчина тоже человек, имеет право поплакать, если хочется	17	46

Содержательно щекотливый вопрос задавался по поводу поведения мужчины, оказавшегося вовлеченным в межличностный конфликт. Здесь традиционная маскулинность предполагает по возможности максимальную дистанцию от правоохранительных органов, функция которых и есть разрешение этих конфликтов. Пожалуй, что ключевая проблема здесь заключается в применении или угрозе применения насилия, тогда как исторически государство стремится установить монополию на это.

Упомянутая щекотливость заключается в дилемме, чтобы самому выступить субъектом насилия или прибегнуть к помощи или посредничеству правоохранительных органов, уполномоченных для этого.

Как зафиксировано в таблице 12, только 7 % парней и несколько больше – 12 % девушек выбрали вариант ответа целиком и полностью соответствующий принципам традиционной маскулинности, делающим акцент на мужской субъектности безо всякого апеллирования к функциям полиции. Возможно, этим респонденты по внутреннему складу ближе к пассионарному пси-

хотипу. Подавляющее большинство респондентов (73–80 %) выбрали ответ, допускающий обращение к правоохранителям в отдельных случаях, что вполне соотносимо с долей гармоничных личностей и их поведенческими склонностями. Тем не менее, выбравшая прямо противоположный традиционной маскулинности ответ добрая пятая часть парней (и только 8 % девушек), вызывает некоторую озадаченность. Получается, что в молодежных кругах бытуют весьма расплывчатые представления о традиционной маскулинности, которые в тех или иных ситуациях могут модифицироваться и даже трансформироваться.

Вопрос, фиксирующий отношение респондентов к однополым бракам по сути выявлял степень отторжения-толерантности к феномену, который фактически занимает антагонистические позиции к традиционной маскулинности. Хотя в России однополые браки не легализованы, тем не менее, в Европе в рамках проекта политкорректности подобный феномен получил все возможные правовые санкции. Кроме того, в западных странах, отживающиеся на заключение брака гомосексуалисты получают всю возможную по-

литическую и правовую опеку в рамках глобального тренда поддержания «социальных меньшинств». Нетрадиционную ориентацию как анти-тезу мужественности отмечает в своих работах Н. Больц. «Гомосексуалисты свободны от необ-

ходимости жить по схеме «статус-пол-борьба» и избавлены от того, чтобы в своих желаниях идти на компромисс с женскими ожиданиями. Современное общество уже давно сделало это нормой» [1, с. 77].

Таблица 12

Следует ли обращаться за помощью в правоохранительные органы
в случае жестких мужских конфликтов (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Нет, мужчине следует решать такие вопросы самому	7	12
В отдельных случаях такое обращение необходимо	73	80
Да, правоохранительные органы для этого и существуют	20	8

Как следует из таблицы 13, толерантное отношение к однополым бракам продемонстрировали более одной пятой (22 %) респондентов – юношей и 14 % девушек. Подавляющее большинство респондентов (три четверти и выше) склонны решительно отвергать данное явление.

Отсюда мы полагаем, что на основную часть исследуемой аудитории оказывают воздействие нормативные рамки – официальные и неформальные. Россия, к счастью, пока воздерживается от копирования западного опыта, как правовая легализация однополых семей.

Таблица 13

Отношение к однополым бракам (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Решительно отвергаю, это полный бред!	75	78
В принципе это сугубо личное дело.	22	14
Не знаю, трудно сказать	3	8

Война по-своему также выступает своеобразным триггером, вызывающим психологическую реакцию, фиксирующую то или иное отношение к принципам традиционной маскулинности. Интерпретацию войны, органично вытекающую из подобных нормативов, выразил герой романа А. Переса Реверте «На линии огня» Селиман аль Баруди: «Мужчина должен сражаться, когда должен. Женщины остаются дома с детьми и стариками, а мужчины воюют» [7, с. 537]. В близком ключе рассматривал войну фронтовик Первой мировой писатель и философ Эрнст Юнгер [12]. В то же время, никак нельзя отрицать, что социальное сознание современного россиянина

формируется в условиях идущей пятый год локальной войны, официально названной Специальной военной операцией (СВО), а также сложившегося в России по определению политтехнолога Р. Пухова «демобилизованного общества» [6], в целом не настроенного воевать. Ничий аналог отечественному «демобилизованному обществу» представляет феномен западного постгероического общества (Г. Мюнклер, Э. Люттвак и др.).

Руководствуясь данными таблицы 14, мы можем сделать вывод о том, что в целом феномен войны вызывает отторжение подавляющим большинством респондентов.

Таблица 14

Ваше отношение к феномену войны (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Война – это всегда плохо. Она антигуманна	69	76
Война есть способ для мужчины проверить себя, самореализоваться	6	2
Затрудняюсь с ответом	25	22

В проведенном год назад исследовании с ходу отвергали войну 59 % опрошенных, тогда как сейчас число россиян с подобными установками выросло. Поддержку вышеприведенной позиции Селимана аль Баруди высказало лишь 6 % парней (по всей видимости, пассионарного склада) и буквально несколько респонденток. В то же время, показательно, что около четверти, опрошенных затрудняются с ответом; в прошлогоднем исследовании таковых была почти треть – 32 %.

По всей видимости, для многих размышления о войне и ее назначении могут вызвать, своего рода, внутренний диссонанс. Ведь здесь традиционной маскулинности противостоят идеологические нормы гуманизма, которые последовательно усиливались по ходу цивилизационной динамики. Как нам представляется, в сочетании с трендами демобилизованного общества, в отдельных случаях антивоенные установки могут приобретать форму гуманизма Павла Мечика (герой романа А. Фадеева «Разгром»).

Наконец, вопрос, имеющий во многом стратегическое значение, касался определения приоритета качеств, которые вырабатываются в современных российских семьях. Здесь обоим опрашиваемым группам предлагалось из перечня наиболее распространенных характеристик выбрать те, что являются целями воспитания в первую, вторую, третью очереди. Отсюда, необходимый комментарий к таблице 15. В скобках даются количества упоминаний данной черты в первую, вторую, третью очередь, разделенных косыми чертами, тогда как за скобкой – общее количество упоминаний этого конкретного качества, которое могло отмечаться и без отметки о степени важности.

Мы можем анализировать приведенные в таблице 15 цифры через призму учета особенностей мужского и женского мышления, делая скидку на возраст. Бросается в глаза, что у респондентов и

респонденток мнения весьма различные. Если парни самой распространенной воспитательной задачей отечественных семей считают формирование решительности, твердости, способности добиваться собственных целей – это качество среди ответов юношей занимает уверенное первое место как по числу упоминаний, так и по количеству отметок «в первую очередь». А вот у девушек несколько неожиданно заняла первое место способность постоять за себя физически. Указанное качество собрало больше всего упоминаний, но лишь 16 % (четвертый результат) респонденток считают, что оно воспитывается в российских семьях «в первую очередь». На первое место больше всего девушек, а именно треть, поставили прагматичные цели воспитания – навыки приспособления к реальной жизни. Между тем, у респондентов данное качество уверенно занимает второе место – его упомянуло две трети.

Таблица 15

Качества, воспитываемые у мальчиков в современных российских семьях (в %)

Варианты	Юноши	Девушки
Умение добиваться поставленных целей, преодолевая препятствия	80 (37/21/9)	58 (22 / 24 / 8)
Навыки приспособления к реальной жизни	69 (20/25/12)	62 (32 /14 /14)
Способность постоять за себя физически	44 (11 /9/ 19)	72 (16 / 32/ 18)
Быть хорошим человеком для окружающих	53 /14/ 9/ 17)	64 (22 /14 /22)
Стремление быть первым	24 (8 /4/ 8)	32 (6 /10 /14)
Другое	2	4

Интересно, что по числу упоминаний респонденток на втором месте такое качество как «быть хорошим человеком для окружающих». Рискнем предположить, что здесь, в некотором роде, проявляется эмоционально-идеалистическая черта, являющаяся заметной составляющей многих женских натур. Наконец, несколько неожиданно на последнем месте, причем, у обеих групп, опрошенных оказалась такая черта. как стремление быть первым, что отражает один из центральных нормативов традиционной маскулинности. Как видно из данных таблицы, его упомянуло около трети парней и почти треть девушек. Отсюда, если попытаться дать общий вывод по результатам полученных ответов о воспитательных приоритетах, то современная

русская семья нацелена на формирование из детей мужского пола решительных и успешных прагматиков. Моральная составляющая, судя по всему, не забывается, но пребывает на вторых ролях.

В некоторой степени, обобщающий вопрос о причинах кризиса современного института семьи позволил получить весьма интересное распределение ответов. При выборе ответов предлагалось указать на две позиции, без какого-либо их иерархического распределения.

Как можно судить из таблицы 16, каждая из групп респондентов склонна по-своему осмысливать роль в кризисе семьи представителей собственного пола.

Таблица 16

Каковы Вам кажутся причины кризиса современной семьи? (в %)

Варианты	юноши	девушки
Деграция мужчин, они утрачивают мужские качества	29	80
Женщины становятся более прагматичными и меркантильными.	37	12
Зачастую людям приходится выживать, объективно не хватает времени на семью, детей	55	62
Многих просто устраивает одиночество	41	30
Нетрадиционная сексуальная ориентация некоторых людей	4	12
Другое	3	—

Наиболее радикальное различие оказалось по отношению к такому фактору, как деграция мужчин и девальвация мужских качеств, читай, традиционной маскулинности. Причем, особенно наблюдательны в этом именно девушки – среди них эту причину упомянули четыре пятых, тогда

как парни здесь не особенно склонны к самокритике – меньше трети упоминаний.

Нам представляется, что точка зрения женского пола как стороннего наблюдателя здесь более объективна, да и факт мужской деграции

налицо в России и не только в ней [10]. В то же время, более трети парней склонны обвинять в кризисе семьи женщин, и подчеркнем, что таких на 8 % больше, чем тех, кто соглашается с мужской деградацией.

Более половины из обеих групп склонны приписывать кризису семьи источник социальной действительности – работа, стремление выжить забирает так много времени и сил, что на устройство личной жизни уже мало что остается.

Возможно, сформировавшаяся таким путем категория людей не так уж количественно мала, так как на причину привыкания к одиночеству указали 30–41 % опрошенных. Нетрадиционная сексуальность, в качестве причины кризиса семей, набрала меньшего всего упоминаний, что в общем то закономерно, поскольку в России не легализованы однополые браки. Все же, эту причину отметили 12 % девушек.

Подводя общие итоги исследования (по обоим статьям), считаем возможным выдвинуть следующие заключения, на основании в том числе и полученных эмпирических данных.

Российское общество испытывает на себе диффузное влияние трендов мировой (западной) цивилизации, которые, по своей сути, изначально жестко антагонистичны любым традиционным проявлениям. С другой стороны, материальные аспекты этой динамичной мировой цивилизации нацелены на сокращение тех социальных производственных, военных и прочих феноменов, которые предполагают физическо-силовое и психологически-волевое участие, тем самым снижая востребованность в качествах, тесно связанных с мужественностью (маскулинностью).

Культура потребительства, инициируемая постмодернистским рынком, настраивает вовсе не на преодоления трудностей, что всегда органично вписывалось в нормы традиционной маскулинности, но подталкивает к поискам наиболее простых путей, следованию наименьшему со-

противлению, тем самым формируя пассивное отношение к личностным вызовам, неизбежно возникающих в связи с возрастными этапами и социальными обстоятельствами.

Нормативы традиционной маскулинности, предписывающие жесткие стандарты поведения мужчинам, как стороне, обладающей наибольшим субъектным потенциалом, выступают одной из фундаментальных скреп исторически сложившегося гендерного порядка, обеспечивая здесь социокультурное воспроизводство, в том числе через устойчивость семейных институтов.

Как показывают данные наших исследований, парни в целом склонны поддерживать абстрактные нормы традиционной маскулинности, однако, судя по их ответам, складывается впечатление, что, в контексте жизненных обстоятельств, они нацелены на прагматичный выбор поведенческих форм, не исключая и альтернативные традиционной маскулинности варианты (альфонсизм, гражданский брак и пр.), если они будут содействовать наиболее эффективному приспособлению к окружающей действительности.

Что касается социальных представлений девушек, то здесь следует констатировать некое противоречие. С одной стороны, их ожидания, касающиеся присущих их мужчинам качеств, очевидно вписываются в формируемые традиционной маскулинностью образы. С другой стороны, они настроены на более высокий статус в рамках внутрисемейных раскладов, повышения личной субъектности в принятии ключевых решений.

Общий предлагаемый нами вывод, следующий. Хотя говорить о полном вытеснении традиционной маскулинности альтернативными формами явно преждевременно, тем не менее, можно утверждать о наметившейся тенденции девальвации ценностей и поведенческих нормативов традиционной маскулинности. На это указывают как сдвиги в сознании молодых мужчин, так и оценки их поведения «со стороны», то есть с позиции женского сегмента.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 270 с. ISBN: 978-5-7598-1005-6 EDN: TCMBVT
2. Бурина Е.А. Особенности современной российской семьи в условиях социально-исторических изменений института родительства / Е.А. Бурина, А.Е. Кудинова // Вестник Минского университета. 2020. Т. 8. № 1. 6 с. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-1-6 EDN: VRZIML

© Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Мосьпан К.А.

3. Гончарова Н.В. Игра для мальчиков (Гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 83–90. EDN: OOMWXT
4. Добренков В.И. Методы социологического исследования / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. М. : ИНФРА-М, 2004. 768 с. ISBN: 5-16-002113-2 EDN: QODHJZ
5. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с. ISBN: 978-5-7598-0762-9 EDN: VVQMIB
6. Новая «Нормальность» войны. Директор ЦАСТ Руслан Пухов на Грушинской конференции. URL : <https://bmpd.livejournal.com/4815781.html> (дата обращения 12.10.2024).
7. Перес-Реверте А. На линии огня. М. : Иностранка, 2022. 608 с.
8. Рачипа А.В. «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодежной среде / А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, А.В. Верещагина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 1–10. EDN: WMIHQJ
9. Рябова В.В. Трансформация функций семьи в современном российском обществе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 3(17). С. 106–112. EDN: TBVCRT
10. Тамбиянц Ю.Г. Идеология маскулинности в контексте социальной динамики: российский опыт (статья 2) / Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 7. С. 85–96. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-7-16 EDN: WZHTPO
11. Ушакин С. Видимость мужественности / Сост. С. Ушакин // О мужественности: Сборник статей. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 479–503.
12. Юнгер Э. Борьба как внутреннее переживание URL : <http://www.fatuma.net/text/yunger-borba-kak-vnutrennee-perezhivanie.pdf> (дата обращения 18.04.2026).
13. Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни // В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2002. С. 172–196.

References:

1. Bolts N. Reflections on inequality. Anti-Rousseau. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 270 p. ISBN: 978-5-7598-1005-6 EDN: TCMBVT
2. Burina E.A. Features of the modern Russian family in the context of socio-historical changes in the institution of parenthood / E.A. Burina, A.E. Kudinova // Bulletin of the Minsk University. 2020. Vol. 8. № 1. 6 p. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-1-6 EDN: VRZIML
3. Goncharova N.V. The game for boys (Gender aspects of the realization of career aspirations) // Sociological research. 2003. № 1. P. 83–90. EDN: OOMWXT
4. Dobrenkov V.I. Methods of sociological research / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko. M. : INFRA-M, 2004. 768 p. ISBN: 5-16-002113-2 EDN: QODHJZ
5. Ionin L.G. Update of conservatism. M. : Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. 304 p. ISBN: 978-5-7598-0762-9 EDN: VVQMIB
6. The new «Normality» of war. Ruslan Pukhov, Director of the TSA, at the Grushinsky Conference. URL : <https://bmpd.livejournal.com/4815781.html> (date of application 12.10.2024).
7. Perez-Reverte A. On the firing line. M. : Inostroika, 2022. 608 p.
8. Rachipa A.V. «Civil marriage» in Russia: causes and consequences of its spread among young people / A.V. Rachipa, S.I. Samygin, A.V. Vereshchagina // Humanities, socio-economic and Social Sciences. 2016. № 8–9. P. 1–10. EDN: WMIHQJ
9. Ryabova V.V. Transformation of family functions in modern Russian society // Problems of socio-economic development of Siberia. 2014. № 3(17). P. 106–112. EDN: TBVCRT
10. Tambiyants Yu.G. Ideology of masculinity in the context of social dynamics: Russian experience (article 2) / Yu.G. Tambiyants, G.A. Dulunts, M.M. Khalakoev // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 7. P. 85–96. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-7-16 EDN: WZHTPO
11. Ushakin S. The appearance of masculinity / About masculinity: Collection of articles. Comp. S. Ushakin. M. : New Literary Review, 2002. P. 479–503.
12. Junger E. Struggle as an inner experience. URL : <http://www.fatuma.net/text/yunger-borba-kak-vnutrennee-perezhivanie.pdf> (date of application 18.04.2026).
13. Yaroshenko S. The crisis of family and sexuality: poverty without love in families in need in the northern village // In search of sexuality: Collection of articles. SPb. : Dmitry Bulanin, 2002. P. 172–196.

Информация об авторах

Тамбиянц Юлиан Григорьевич
доктор философских наук,
профессор,
доцент,
кафедра социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
09081969jylian@rambler.ru

Julian G. Tambiyants
Doctor of Philosophy,
Professor,
Associate Professor,
Department of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilina
09081969jylian@rambler.ru

Лугинина Анна Григорьевна

кандидат философских наук,
доцент,
кафедра социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
luginina.anna8@mail.ru

Токарев Кирилл Константинович

аспирант,
кафедра социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
ktokarev1998@yandex.ru

Моспан Константин Анатольевич

аспирант,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
mosjpan_konstantin@mail.ru

Anna G. Luginina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Department of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilina
luginina.anna8@mail.ru

Kirill K. Tokarev

Graduate Student,
Department of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilina
ktokarev1998@yandex.ru

Konstantin A. Mospan

Graduate Student,
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilina
mosjpan_konstantin@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.05.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.06.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-15>

УДК 316

Attribution

cc by

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: СИНТЕЗ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Филимонцев А.Ю.

Сбербанк страхование жизни

Аннотация. Алгоритмическое управление, охватывающее корпоративный и государственный секторы, создает качественно новый вызов для классических моделей легитимности. На основе синтеза подходов дискурс-анализа (М. Фуко, Ю. Хабермас, Н. Фэркло, Т. ван Дейк, Э. Лакло и Ш. Муфф), а также количественного контент-анализа и текст-майнинга, в статье предлагается аналитическая рамка для исследования дискурсивных стратегий легитимации алгоритмического управления. Эмпирической базой выступает корпус публичных текстов технологических корпораций и государственных органов за период 2015–2026 гг. Выделены пять стратегий: технократическая, рыночная, эгалитарная, процедурная, делиберативная. Проведен сравнительный анализ западного и российского контекстов, показывающий, что доминирующей в обоих является технократическая стратегия, однако, ее артикуляция различается: в России она связана с риторикой безопасности и государственного контроля, в западном дискурсе – с рыночной свободой. Реконструированы нормативные основания каждой стратегии и оценена их связь с политико-философскими традициями. Обсуждается влияние политического режима на дискурсивные практики легитимации и возможность имманентной критики алгоритмической власти.

Ключевые слова: алгоритмическое управление, легитимация, дискурсивные стратегии, дискурс-анализ, Фуко, Хабермас, Лакло и Муфф.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MODERN DISCURSIVE STRATEGIES FOR LEGITIMIZING ALGORITHMIC MANAGEMENT: SYNTHESIS AND COMPARATIVE ANALYSIS

Artem Yu. Filimontsev

Sberbank Life Insurance

Abstract. Algorithmic management, encompassing the corporate and public sectors, creates a qualitatively new challenge for classical models of legitimacy. Based on the synthesis of discourse analysis approaches (M. Foucault, J. Habermas, N. Fairclough, T. van Dijk, E. Laclaus and S. Mouff), as well as quantitative content analysis and text mining, the article offers an analytical framework for the study of discursive strategies for legitimizing algorithmic management. The empirical base is the corpus of public texts of technology corporations and government agencies for the period 2015–2026. Five strategies are identified: technocratic, market-based, egalitarian, procedural, and deliberative. A comparative analysis of the Western and Russian contexts has been carried out, showing that the technocratic strategy is dominant in both, but its articulation differs: in Russia it is associated with the rhetoric of security and state control, in Western discourse it is associated with market freedom. The normative foundations of each strategy are reconstructed and their connection with political and philosophical traditions is assessed. The influence of the political regime on the discursive practices of legitimization and the possibility of an immanent criticism of algorithmic power are discussed.

Keywords: algorithmic management, legitimization, discursive strategies, discourse analysis, Foucault, Habermas, Laclaus and Mouffe.

Funding: Independent work.

Введение.

Последнее десятилетие стало периодом стремительного развития алгоритмического управления. Первоначально оно ассоциировалось с деятельностью цифровых платформ – агрегаторами такси (Uber, Яндекс.Такси), маркетплейсами (Ozon, Wildberries), сервисами доставки и социальными сетями. Однако сегодня алгоритмические системы выходят далеко за пределы частного сектора, становясь инструментом государственного управления: они используются для прогнозирования преступности (COMPAS), распределения социальных пособий, проверки налоговых деклараций и поддержки судебных решений и т.д.

Распространение алгоритмического управления сопровождается острыми общественными дискуссиями, в ходе которых обсуждаются:

- трансформация трудовых отношений и размывание гарантий [1; 2];
- дискриминация и предвзятость алгоритмов [3];
- непрозрачность «черного ящика» [4];
- риски размывания демократического контроля [5; 6].

Однако в научной литературе остается недостаточно проработанным один важный аспект: Как именно алгоритмическое управление становится легитимным в глазах ключевых акторов и общества? Какие ценностные обоснования, риторические приемы и аргументативные паттерны используются для того, чтобы представить алгоритмическую власть как приемлемую, справедливую или даже необходимую?

Технологические корпорации и государства не навязывают алгоритмические системы силой, они апеллируют к разделяемым ценностям – эффективности, объективности, справедливости, свободе выбора, инновационности. Именно эти апелляции обозначают дискурсивное поле, в котором алгоритмическое управление приобретает нормативную привлекательность. Данная статья предлагает аналитическую рамку для систематического исследования дискурсивных стратегий легитимации алгоритмического управления и представляет результаты сравнительного анализа западного и российского контекстов.

Определение ключевых понятий. Алгоритмическое управление понимается как система принятия решений, координации и контроля, в которой распределение ресурсов, оценка эффективности и дисциплинирование субъектов передаются автоматизированным алгоритмам, часто основанным на методах машинного обучения и больших данных [7].

Операциональными признаками алгоритмического управления выступают:

1. Непрозрачность («черный ящик») – решения принимаются без возможности их полного объяснения для затронутых сторон.
2. Масштабируемость – одни и те же алгоритмические правила применяются к миллионам случаев без пропорционального увеличения управленческого аппарата.
3. Опосредованность данными – управление строится на непрерывном сборе, обработке и анализе поведенческих данных.
4. Ассиметрия власти – платформы и государственные органы обладают возможностью одностороннего изменения правил, тогда как пользователи и работники лишены такого влияния [8].

Легитимация трактуется как процесс дискурсивного конструирования нормативных оснований, посредством которого власть или социальные порядки обосновываются как приемлемые, справедливые или необходимые [9]. В контексте алгоритмического управления, легитимация представляет собой публичную аргументацию, в рамках которой корпорации и государственные органы апеллируют к разделяемым ценностям (эффективность, объективность, справедливость, свобода выбора, прозрачность и т.д.) с целью «завоевать» доверие и согласие со стороны управляемых.

Операционно легитимация фиксируется через анализ:

1. Притязаний на значимость (истинность, правильность, искренность) в высказываниях акторов.
2. Режимов истины – того, что в дискурсе считается объективным и научным.
3. Субъективных позиций – конструирования образов, управляющих и управляемых. Дискурсивная стратегия определяется как устойчивый способ аргументации риторических приемов и апелляции к ценностям, используемый социальными группами для обоснования легитимности алгоритмического управления. Операциональными признаками дискурсивной стратегии являются:
1. Узловые точки – привилегированные знаки, вокруг которых организуется дискурс (например, «эффективность», «справедливость», «безопасность»).
2. Артикуляция – соединение узловых точек с другими элементами в цепочки эквивалентности (например, «эффективность = скорость = инновация = общее благо»).
3. Логика различия – противопоставление альтернативным дискурсам и маргинализация контр-аргументов.
4. Антагонизм – вступление в противостояние с другими стратегиями в борьбе за гегемонию [10].

Методология исследования.

Исследование опирается на корпус из 96 публичных текстов (2015–2026 гг.), включающий выступления топ-менеджеров, корпоративные блоги, годовые отчеты, позиции по регулированию, заявления государственных органов и международных организаций, материалы судебных споров. Географически выборка разделена на западный (США, ЕС) и российский контексты.

В качестве дополнительных методов использованы количественный контент-анализ и текст-майнинг (Python: NLTK, sklearn, NetworkX) для построения облаков слов, сетей ассоциаций и частотных распределений.

Процедура дискурс-анализа включала выявление антагонизмов между социальными группами (корпорации vs работники, корпорации vs регуляторы, Запад vs Россия), определение узловых точек, анализ артикуляции и логик эквивалентности/дифференциации, а также определение гегемонной артикуляции. Результаты количественного анализа не заменили качественный, но позволили верифицировать выделенные узловые точки, выявить устойчивые артикуляции и различия между подкорпусами.

Концептуальные основания легитимности: от Вебера к современным типологиям.

Классическая теория легитимности М. Вебера выделяет три «чистых типа» легитимного господства: традиционное, харизматическое и рационально-легальное [11]. Для алгоритмического управления наиболее релевантен третий тип: он формально опирается на правила (код, алгоритм) и апеллирует к рациональности и эффективности. Однако алгоритмическое управление трансформирует саму структуру легитимности: от веры в известные стабильные правила – к вере в эффективность алгоритмов и ритуальному принятию процедур без реального контроля. Рационально-легальная легитимность предполагает знание правил, тогда как алгоритмы непрозрачны, динамичны и часто неинтерпретируемы [12].

Кроме того, отсутствие реальных механизмов апелляции (коммерческая тайна, необъяснимость решений) делает невозможной проверку правильности применения правил.

Юрген Хабермас переносит акцент с веры на рациональное обоснование. Легитимность возникает, когда притязания на значимость (истинность, правильность, искренность) могут быть признаны рационально мотивированными участниками коммуникации. Хабермас вводит различие между коммуникативным действием (достижение взаимопонимания) и стратегическим действием (успех, часто с манипуляцией). Это позволяет анализировать, являются ли заявления о «прозрачности» или «справедливости» искренним приглашением к диалогу или ритуальными фразами. При этом платформы, как показывают

критики, фрагментируют публичную сферу, создавая «фильтрующие пузыри» и «эхо-камеры» [13; 14].

Современные подходы выделяют три типа легитимации:

- результативную (output) – через эффективность;
- процедурную (input) – через прозрачность и участие;
- дискурсивную (throughput) – через качество обсуждения [15; 16]. Алгоритмическое управление создает качественно новый вызов для этих моделей, поскольку его правила непрозрачны и динамичны. Поэтому возникает вопрос о формировании нового типа легитимности, обоснованного эффективностью и удобством [17].

Дискурс-анализ как метод исследования: синтез подходов.

Для изучения дискурсивных стратегий легитимации предлагается синтез пяти подходов дискурс-анализа, который позволяет одновременно фиксировать производство власти через дискурс, качество аргументации и политическую динамику гегемонии.

Теория дискурса М. Фуко. Фуко вводит понятие «правительственность» – управление, основанное на знании, нормализации и рационализации [18]. Алгоритмическое управление является новейшей формой правительственности: оно опирается на сбор данных, создает нормативные стандарты (рейтинги, метрики) и направляет поведение через «мягкие» стимулы. Ключевые категории – дискурс (конституирование объектов и субъектов), режим истины (процедуры производства истины), субъективация (конструирование субъектов), технологии власти (инструменты управления).

Теория легитимации Ю. Хабермаса. Он вводит нормативные критерии через притязания на значимость: истинность (когнитивные утверждения), правильность (нормативные обоснования) и искренность (экспрессивная составляющая) [19]. Различение коммуникативного и стратегического действия позволяет оценить качество легитимации.

Критический дискурс-анализ Н. Фэркло. Трехмерная модель: текст (лексика, грамматика), дискурсивная практика (производство и распространение) и социальная практика (идеологический контекст) [20]. Интердискурсивность выявляет комбинацию различных дискурсов (технического, менеджериального, этического).

Когнитивный подход Т. ван Дейка. Идеологический квадрат (позитивная самопрезентация «своей» группы и негативная – «чужой») и ментальные модели (субъективные репрезентации ситуаций) [21].

Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. Ключевые понятия: узловые точки (привилегированные знаки), артикуляция (соединение элементов), гегемония (фиксация значений), логика эквивалентности/различия.

Эта теории и подходы позволяют увидеть борьбу за гегемонию между различными акторами.

Логика объединения и эвристический потенциал.

Каждый из описанных подходов дает уникальную оптику, однако, их совместное использование требует прояснения как различий, так и способов согласования.

Сильные стороны и ограничения подходов.

Фуко позволяет выявить властные эффекты дискурса, режимы истины и способы конструирования субъектов, но не предлагает нормативных критериев оценки легитимности.

Хабермас, напротив, дает такой критерий (притязания на значимость), однако рискует игнорировать асимметрию власти и конфликтный характер социальных отношений.

Фэркло обеспечивает многоуровневый анализ дискурса (от текста до социальной практики), но его модель часто остается слишком абстрактной для операционализации.

Ван Дейк дополняет анализ когнитивными механизмами (ментальные модели, идеологический квадрат), однако может редуцировать социальное к ментальному.

Лакло и Муфф дают мощный аппарат для анализа борьбы за гегемонию, но их теория уводит от конкретного текстового анализа, сосредотачиваясь на политических артикуляциях.

Эпистемологические расхождения.

Между подходами существуют фундаментальные расхождения:

Фуко рассматривает дискурс как практику производства власти/знания, где легитимация является эффектом режимов истины, а не рациональным обоснованием.

Хабермас же настаивает на возможности рационального консенсуса в публичном дискурсе, свободном от принуждения и манипуляции.

Лакло и Муфф прямо полемизируют с хабермасианской моделью делиберативной демократии, утверждая, что фиксация значений всегда является результатом гегемонной артикуляции, а не рационального согласия, и что антагонизм не устраним.

Прагматическая комбинация.

Признавая эти расхождения, настоящее исследование предлагает не онтологический синтез

(который был бы невозможен), а многоуровневую аналитическую рамку, в которой каждый подход применяется на разных этапах исследования для решения различных задач. Это позволяет сохранить эмпирическую глубину (благодаря Фэркло и ван Дейку), теоретическую рефлексивность (благодаря Фуко и Хабермасу) и политическую остроту (благодаря Лакло и Муфф).

Операционализация: семиэтапная аналитическая процедура.

Предлагается следующая логика движения: от текстов к стратегиям, от стратегий к нормативным основаниям, от оснований к оценке их легитимирующей силы и гегемонного потенциала.

1. Сбор и первичное кодирование текстов. Текстовый уровень анализа (Фэркло) и микроаналитический инструментарий ван Дейка (лексика, речевые акты, локальное значение). Вклад в исследование – определение эмпирических паттернов, ключевых слов и метафор.

2. Выявление дискурсивных стратегий. Фукодианские категории (режимы истины, субъективация, технологии власти) и интердискурсивность Фэркло. Вклад в исследование – проявление того, как конструируются объекты и субъекты легитимации.

3. Анализ притязаний на значимость. Хабермасианская оптика: истинность, правильность, искренность. Вклад в исследование – обозначение различий коммуникативного и стратегического действия, оценка качества согласованности аргументов.

4. Идеологическая критика. Когнитивный подход ван Дейка (идеологический квадрат, ментальные модели) в сочетании с фукодианским анализом властных эффектов. Вклад в исследование – выявление скрытых предпосылок и стратегий самопрезентации.

5. Гегемонный анализ. Теория дискурса Лакло и Муфф: узловые точки, артикуляция, логики эквивалентности/различия. Вклад в исследование – понимание борьбы значений и закрепления нормативных принципов.

6. Типологизация стратегий. Вклад в исследование – построение классификации по характеру аргументации, адресату и ценностям.

7. Реконструкция нормативных оснований. Объединяет нормативную оценку (Хабермас), анализ режимов истины (Фуко) и гегемонный анализ (Лакло/Муфф). Вклад в исследование – вывод о связи выявленных принципов с политико-философскими традициями.

Типология дискурсивных стратегий легитимации.

В результате дискурс-анализа выделены пять стратегий, каждая из которых представляет со-

бой устойчивый способ артикуляции узловых точек («эффективность», «справедливость», «свобода», «прозрачность», «безопасность»), отстаиваемый определенной социальной группой и вступающий в антагонизм с альтернативными артикуляциями.

1. Технократическая стратегия. Доминирует в обоих контекстах. Апеллирует к объективности, научности, эффективности и оптимизации.

Алгоритмическое управление представляется через метонимию: «данные», «математика», «оптимизация», «скорость», «точность».

В западной версии цепочка эквивалентности: эффективность = скорость = снижение издержек = инновация = экономический рост = общее благо.

В российской добавляются «импортозамещение» и «цифровой суверенитет»: эффективность = управляемость = безопасность = выполнение государственных задач.

Антагонист – дискурс профсоюзов и левых аналитических центров. Примеры:

Запад – «Машинное обучение позволяет нам принимать решения на основе данных, а не интуиции» [22];

Россия – «Искусственный интеллект снимает ограничения человеческого мозга и позволяет принимать решения на основе полных данных» [23].

Акторы контр-дискурса артикулируют эффективность не как «оптимизацию» и «прогресс», а как «интенсификацию труда», «выгорание» и «усиление неравенства».

Эмпирические исследования показывают, что алгоритмическое управление на платформах ведет к росту производственного травматизма и психологических расстройств среди курьеров и водителей, что подрывает риторику «безопасной оптимизации» [24; 25].

В России критика технократической стратегии практически отсутствует в публичном поле, что указывает на подавленность альтернативных дискурсов.

2. Рыночная стратегия. Акцентирует внимание на свободе выбора, конкуренции и инновации.

Характерна для платформ гиг-экономики (Uber, Яндекс.Такси, DoorDash). Узловая точка – «свобода» (негативная свобода выбора). Цепочка: свобода = гибкость = независимость = предпринимательство = возможность заработать.

В российской версии добавляется «самозанятость» и патерналистский элемент: платформа защитит водителя.

Антагонист – профсоюзы и активисты.

Примеры:

Запад – «Наши алгоритмы дают водителям свободу быть самим себе начальниками» [26];

Россия – «Наши водители – это партнеры, а не сотрудники. У них есть свобода выходить на линию в любое время» [27].

Контр-дискурс к рыночной стратегии наиболее ярко проявился в решении Верховного суда Великобритании, признавшего водителей Uber работниками, а не независимыми предпринимателями [28].

Профсоюзы разрывают цепочку эквивалентности, артикулируя «свободу» как «нестабильность», «отсутствие социальных гарантий» и «зависимость от алгоритмического рейтинга».

В России аналогичные иски единичны и, как правило, не удовлетворяются.

3. Эгалитарная стратегия. Обосновывает алгоритмическое управление через справедливость, равенство доступа и борьбу с человеческой предвзятостью.

Узловая точка – «справедливость» (сужаемая до «недискриминации» и «статистического паритета»). Цепочка: справедливость = объективность данных = отсутствие предрассудков = равный доступ.

В России добавляется «доступность госуслуг» и «социальная справедливость» без конкретных механизмов.

Антагонист – критики, настаивающие на учете исторических неравенств и распределительной справедливости.

Примеры:

Запад – «Мы стремимся к тому, чтобы наши алгоритмы не допускали несправедливой дискриминации» [29];

Россия – «Технологии ИИ должны быть направлены на обеспечение равного доступа к государственным услугам» [30].

Контр-дискурс к эгалитарной стратегии представлен исследованиями предвзятости алгоритмов, демонстрирующими, что системы машинного обучения воспроизводят и усиливают социальное неравенство, несмотря на риторику «недискриминации».

В России эгалитарный контр-дискурс практически отсутствует, так как общество технологически не организовано для оспаривания алгоритмических решений.

4. Процедурная стратегия. Фокусируется на прозрачности, подотчетности, возможности обжалования и аудита алгоритмов.

Узловая точка – «прозрачность» (иногда «объяснимость»).

В западном дискурсе цепочка: прозрачность = право на объяснение = аудит = подотчетность = доверие.

В российском добавляется «суверенитет данных» и «контроль государства».

Антагонизм – сопротивление корпораций.

Примеры:

Запад – «Ответственный подход к ИИ требует, чтобы системы были подотчетными, а люди могли оспаривать важные решения» [31];

Россия – Федеральный закон № 258-ФЗ [32] требует уведомления регулятора, но механизмы апелляции не работают.

В ЕС Европейская комиссия в проекте AI Act артикулирует «прозрачность» через требование объяснимости для систем высокого риска и создание регуляторных «песочниц» для инноваций [33].

Корпорации (Microsoft, Google), в свою очередь, сопротивляются, артикулируя прозрачность как «публикацию общих принципов» (но не кода), что сохраняет коммерческую тайну.

Данный антагонизм институционализирован в противостоянии между предложениями ЕС (обязательная оценка соответствия) и лоббистскими позициями технологических гигантов.

В России же аналогичный антагонизм практически отсутствует: упомянутый ранее Федеральный закон требует уведомления регулятора и оценки рисков, но не раскрытия алгоритмов и не предоставляет гражданам реальные механизмы апелляции. Судебная практика встает на сторону платформ, ссылаясь на коммерческую тайну [34].

Сравнение этих кейсов подтверждает, что процедурная стратегия в российском контексте не просто слабее, а имеет принципиально другую артикуляцию: она обращена не к гражданам, а к государству как к контролеру.

5. Делиберативная стратегия. Наименее распространена. Акцентирует участие, общественное обсуждение, многостороннее согласование норм. Узловые точки – «участие» и «публичный диалог». Цепочка: участие = инклюзивность = согласие = коллективное принятие решений = демократическая легитимность.

Антагонизм – корпорации и большинство государств (особенно Россия) артикулируют ее как «неэффективное замедление».

Примеры:

Запад – Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ [35] требует «многостороннего и многозаинтересованного участия»;

В России же экспертные советы при Госдуме носят сугубо консультативный характер, а контр-дискурс практически отсутствует, ввиду несформированности традиции независимого участия в технологической политике.

Сравнительный анализ западного и российского контекстов.

Доминирующей в обоих контекстах является технократическая стратегия, однако ее артикуляция различается. В западном дискурсе она сочетается с рыночной свободой и процедурной подотчетностью; в российском – тесно связана с риторикой безопасности, государственного контроля и суверенитета.

Российский дискурс значительно чаще апеллирует к эффективности и безопасности, реже – к свободе и прозрачности.

Западный дискурс более сбалансирован.

Сравнение корпоративных и регуляторных текстов (в западном подкорпусе) показывает: регуляторные тексты в 3,2 раза чаще используют «прозрачность» и в 2,7 раза – «подотчетность», чем корпоративные. Корпоративные тексты в 4,1 раза чаще используют «инновация» и в 2,5 раза – «скорость», что отражает антагонизм между процедурной и технократической стратегиями.

Нормативные основания и связь с политико-философскими традициями.

Каждая стратегия укоренена в определенной традиции:

– технократическая – в утилитаризме (И. Бентам, Дж. Ст. Милль) и технократизме (Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт);

– рыночная – в классическом либерализме (Дж. Локк, А. Смит) и неолиберализме (Ф. Хайек, М. Фридман);

– эгалитарная и процедурная – в либеральной теории справедливости (Дж. Ролз) и правовой традиции (Л. Фуллер); делиберативная – в республиканизме и хабермасианской демократии.

Однако в реальном дискурсе либеральные ценности редуцируются до технических метрик или ритуальных процедур: свобода превращается в возможность выбора из алгоритмически заданных опций, справедливость – в статистический паритет, прозрачность – в публикацию документации. Это создает возможность для имманентной критики: показывать, что практика алгоритмического управления не соответствует провозглашаемому либеральным идеалам, и требовать не отмены алгоритмов, а перестройки систем в соответствии с подлинной автономией, процедурной справедливостью и подотчетностью.

Обсуждение. Результаты.

Исследование подтвердило, что ключевые акторы цифрового капитализма и государственного управления используют пять основных дискур-

сивных стратегий легитимации, в которых нормативные основания алгоритмической власти конструируются через апелляцию к эффективности, свободе, справедливости, прозрачности и участию. Доминирующие стратегии (технократическая и рыночная) трансформируют либеральные ценности, лишая их содержательной глубины.

В странах ЕС и США борьба за гегемонию осуществляется в условиях плюралистической институциональной среды, где корпорации, профсоюзы, регуляторы и гражданские акторы обладают сравнимыми ресурсами для артикуляции своих позиций.

В российской институциональной среде, напротив, наблюдается более высокая степень централизации дискурсивных практик, что отражается в меньшей представленности контр-дискурсов в публичном поле.

Заключение.

Полученная типология и выводы могут быть использованы при разработке политики регулирования алгоритмических систем (требования к обоснованию решений, прозрачности, механизмам апелляции).

Предложенная аналитическая рамка применима для мониторинга дискурсивных практик технологических корпораций и оценки их соответствия заявленным нормативным принципам.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение корпуса за счет внутренних документов компаний, сравнительный анализ стратегий легитимации в разных отраслях и политических режимах, а также на изучение восприятия и оспаривания стратегий адресатами легитимации (работниками, пользователями, гражданскими активистами).

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Rosenblat A. *Uberland: How Algorithms Are Rewriting the Rules of Work*. Oakland : University of California Press, 2018. 288 p. DOI: 10.1525/9780520970632
2. Good Gig, Bad Gig: Autonomy and Algorithmic Control in the Global Gig Economy / A.J. Wood [et al.] // *Work, Employment and Society*. 2019. Vol. 33. № 1. P. 56–75. DOI: 10.1177/0950017018785616
3. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks / J. Angwin [et al.] // *ProPublica*. 2016.
4. Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2015. 320 p. DOI: 10.4159/harvard.9780674736061
5. Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation // *Philosophy & Technology*. 2016. Vol. 29. № 3. P. 245–268. DOI: 10.1007/s13347-015-0211-1 EDN: SSAYVR
6. Eubanks V. *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. New-York : St. Martin's Press, 2018. 272 p.
7. Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A. Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control // *Academy of Management Annals*. 2020. Vol. 14. № 1. P. 366–410. DOI: 10.5465/annals.2018.0174 EDN: MUVVCQ
8. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New-York : PublicAffairs, 2019. 704 p.
9. Habermas J. *Вовлечение другого: Очерки политической теории*. СПб. : Наука, 2000. 417 с.
10. Laclau E. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. 2nd ed. / E. Laclau, C. Mouffe. London : Verso, 2001. 198 p.
11. Weber M. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М. : РОССПЭН, 2011. 656 с.
12. Wachter S. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation / S. Wachter, B. Mittelstadt, L. Floridi // *International Data Privacy Law*. 2017. Vol. 7. № 2. P. 76–99. DOI: 10.1093/idpl/ix005
13. Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New-York : Penguin Press, 2011. 294 p.
14. Sunstein C.R. *Republic.com 2.0*. Princeton : Princeton University Press, 2007. 251 p.
15. Scharpf F.W. *Governing in Europe: Effective and Democratic?* Oxford : Oxford University Press, 1999. 214 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198295457.001.0001
16. Schmidt V.A. Democracy and Legitimacy in the European Union Revisited: Input, Output and «Throughput» // *Political Studies*. 2013. Vol. 61. № 1. P. 2–24. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2012.00962.x
17. Кузнецов Г. Цифровая легитимность // *Государство*. 2025. № 1. С. 17–19.
18. Foucault M. *История безумия в классическую эпоху*. СПб. : Университетская книга, 1996. 576 с.

19. Habermas J. Теория коммуникативного действия. М. : Весь мир, 2005. Vol. 1. 384 p.
20. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. 2nd ed. London : Routledge, 2013. 591 p. DOI: 10.4324/9781315834368
21. van Dijk T.A. Politics, Ideology, and Discourse / van Dijk T.A.; Ed. by K. Brown // Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford : Elsevier, 2004. P. 185–192.
22. Google. The Value of Machine Learning for Users. Google Blog. 2018.
23. Греф Г. Выступление на конференции AI Journey. Сбер, 2021.
24. ILO. World Employment and Social Outlook: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work. Geneva : International Labour Office, 2021. 176 p.
25. Tassinari A. Riders on the Storm: Workplace Solidarity among Gig Economy Couriers in Italy and the UK / A. Tassinari, V. Maccarrone // Work, Employment and Society. 2020. Vol. 34. № 1. P. 35–54. DOI: 10.1177/0950017019862954
26. Khosrowshahi D. Keynote Speech at Uber Elevate Summit. 2017.
27. Шулейко Д. Интервью РБК. 2023.
28. Uber BV and others v Aslam and others, UKSC 5. 2021.
29. Google AI. Responsible AI Practices. 2020.
30. Минцифры РФ. Концепция развития регулирования технологий искусственного интеллекта. М., 2025.
31. Microsoft. Responsible AI Principles. 2018.
32. Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020.
33. European Commission. Proposal for a Regulation Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). Brussels, 2021. 108 p.
34. Решение Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-175036/2023. 2023.
35. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris : UNESCO, 2021. 55 p.

References:

1. Rosenblat A. Uberland: How Algorithms Are Rewriting the Rules of Work. Oakland : University of California Press, 2018. 288 p. DOI: 10.1525/9780520970632
2. Good Gig, Bad Gig: Autonomy and Algorithmic Control in the Global Gig Economy / A.J. Wood [et al.] // Work, Employment and Society. 2019. Vol. 33. № 1. P. 56–75. DOI: 10.1177/0950017018785616
3. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks / J. Angwin [et al.] // ProPublica. 2016.
4. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2015. 320 p. DOI: 10.4159/harvard.9780674736061
5. Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation // Philosophy & Technology. 2016. Vol. 29. № 3. P. 245–268. DOI: 10.1007/s13347-015-0211-1 EDN: SSAYVR
6. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. New-York : St. Martin's Press, 2018. 272 p.
7. Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A. Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control // Academy of Management Annals. 2020. Vol. 14. № 1. P. 366–410. DOI: 10.5465/annals.2018.0174 EDN: MUVVCQ
8. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New-York : PublicAffairs, 2019. 704 p.
9. Habermas J. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб. : Наука, 2000. 417 с.
10. Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. / E. Laclau, C. Mouffe. London : Verso, 2001. 198 p.
11. Weber M. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М. : РОССПЭН, 2011. 656 с.
12. Wachter S. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation / S. Wachter, B. Mittelstadt, L. Floridi // International Data Privacy Law. 2017. Vol. 7. № 2. P. 76–99. DOI: 10.1093/idpl/idx005
13. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New-York : Penguin Press, 2011. 294 p.
14. Sunstein C.R. Republic.com 2.0. Princeton : Princeton University Press, 2007. 251 p.
15. Scharpf F.W. Governing in Europe: Effective and Democratic? Oxford : Oxford University Press, 1999. 214 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198295457.001.0001
16. Schmidt V.A. Democracy and Legitimacy in the European Union Revisited: Input, Output and «Throughput» // Political Studies. 2013. Vol. 61. № 1. P. 2–24. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2012.00962.x
17. Кузнецов Г. Цифровая легитимность // Государство. 2025. № 1. С. 17–19.
18. Foucault M. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Университетская книга, 1996. 576 с.
19. Habermas J. Теория коммуникативного действия. М. : Весь мир, 2005. Vol. 1. 384 p.
20. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. 2nd ed. London : Routledge, 2013. 591 p. DOI: 10.4324/9781315834368
21. van Dijk T.A. Politics, Ideology, and Discourse / van Dijk T.A.; Ed. by K. Brown // Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford : Elsevier, 2004. P. 185–192.
22. Google. The Value of Machine Learning for Users. Google Blog. 2018.
23. Greg G. A proposal to create an AI journey. Sber, 2021.
24. The ILO. Prospects for employment and social development in the world: the role of digital labor platforms in transforming the world of work. Geneva : International Labour Office, 2021. 176 p.

25. Tassinari A. Riders during the Storm: Solidarity in the workplace among economic couriers in Italy and the UK / A. Tassinari, V. Maccarrone // Labor, Employment and Society. 2020. Vol. 34. № 1. P. 35–54. DOI: 10.1177/0950017019862954
26. Khosrowshahi D. Keynote address at the Uber Elevate Summit. 2017.
27. Shuleyko D. Interview with RBC. 2023.
28. Uber BV and others vs. Aslam and others, UKSC 5. 2021.
29. Google's artificial intelligence. Responsible practice in the field of artificial intelligence. 2020.
30. Ministry of Finance of the Russian Federation. The concept of regulation of artificial intelligence technologies. М., 2025.
31. Microsoft. Principles of Responsible AI. 2018.
32. Federal Law № 258-FZ «On Experimental Legal Regimes in the Field of digital and Technological Innovations in the Russian Federation» dated 07/31/2020.
33. The European Commission. A proposal for a Regulation establishing harmonized rules in the field of artificial intelligence (the Artificial Intelligence Act). Brussels, 2021. 108 p.
34. Statement of the Arbitration Court of the Moscow District in case no.A40-175036/2023. 2023.
35. UNESCO. Recommendation on the ethics of artificial intelligence. Paris : UNESCO, 2021. 55 p.

Информация об авторе

Филимонцев Артём Юрьевич
Сбербанк страхование жизни
ORCID iD: 0009-0008-7770-3739
f_tema@bk.ru

Artem Yu. Filimontsev
Sberbank Life Insurance
ORCID iD: 0009-0008-7770-3739
f_tema@bk.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-16>

УДК 316.48

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА АРХИТЕКТУРЫ «PALANTIR» И ЕГО УЧЕТ В ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ ПОЛИЦИИ РОССИИ

Чимаров С.Ю., Яремчук В.П.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Актуальность: инновационный характер достижений современного технологического уклада в полной мере проявляется в процессе формирования нового облика социального управления, в основу которого определяются возможности платформ искусственного интеллекта и их разновидность в виде архитектуры «Palantir», нередко именуемой в качестве одноименной системы. Применительно к действующей парадигме информационной среды и в контексте понимания социальных последствий на общество и личность, включая личность сотрудника российской полиции, представляется необходимым обратить внимание на онтологический подход к осмыслению многогранной деятельности по обработке массива циркулирующей информации и приданию контенту информационных потоков направления, корреспондирующего замыслам социальных манипуляторов. В указанном случае речь идет об учете онтологической системы «знания-деятельность» и прежде всего двух его ключевых компонентов: в виде онтологии артефакта и антологии процессов, анализ которых позволяет выявить деструктивный аспект целенаправленного искажения профессионального мировоззрения полицейских как защитников Отечества. С учетом ведения против России широкомасштабной гибридной войны, нейтрализация враждебных устремлений наших противников (в лице недружественных стран) по трансформации мировоззренческих основ личности полицейского представляется актуальной задачей при организации политико-воспитательной работы в системе МВД России, центральным элементом которого выступает такая правоохранительная институция, как полиция. Цель исследования: выявить концептуальные позиции социальных последствий задеиствования архитектуры «Palantir» в системе манипулятивного влияния на общество и личность, и их учет в деятельности субъектов политико-воспитательной работы с личным составом полиции России. Методы: в основу проведенного исследования положен ряд общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также применен специальный метод контент-анализа и познавательные методы (эвристика, аксиология). Результаты: в публикации представлено авторское видение онтологии архитектуры «Palantir» и наиболее значимых аспектов ее воздействия на когнитивную инфраструктуру. Раскрывая функционал триады цифровых платформ данной архитектуры («Gotham», «Foundry», «Apollo»), авторы онстатируют ее большие возможности по воздействию на переформатирование сознания общества и личности посредством целенаправленной интерпретации массивом данных, что несомненно должно находиться в поле зрения правоохранителей. Выводы и заключения: материалы представленной публикации свидетельствуют об актуальности политико-воспитательной работы с личным составом полиции России по разъяснению личному составу подлинной опасности «Palantir» и демонстрации каждым сотрудником должного уровня цифровой бдительности.

Ключевые слова: социология, общество, личность, манипуляция, архитектура «Palantir», политико-воспитательная работа, полиция.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL CONTEXT OF THE MANIPULATIVE POTENTIAL OF THE «PALANTIR» ARCHITECTURE AND ITS INTEGRATION IN POLITICAL AND EDUCATIONAL WORK WITH POLICE PERSONNEL IN RUSSIA

Sergey Yu. Chimarov, Victoria P. Yaremchuk

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Relevance: The innovative nature of the achievements of the modern technological paradigm is fully evident in the formation of a new paradigm for social governance, which is based on

the capabilities of artificial intelligence platforms and their variant in the form of the «Palantir» architecture, often referred to as the system of the same name. Given the current paradigm of the information environment and the understanding of the social consequences for society and the individual, including the individual Russian police officer, it seems necessary to consider an ontological approach to understanding the multifaceted activity of processing massive amounts of circulating information and directing the content of information flows in accordance with the intentions of social manipulators. In this case, we are talking about considering the ontological system of «knowledge-activity» and, above all, its two key components: the ontology of artifacts and the anthology of processes, the analysis of which reveals the destructive aspect of the deliberate distortion of the professional worldview of police officers as defenders of the Fatherland. Given the large-scale hybrid war waged against Russia, neutralizing the hostile aspirations of our adversaries (represented by unfriendly countries) to transform the ideological foundations of police officers is a pressing task when organizing political education work within the Russian Ministry of Internal Affairs, a system of which the police are a central element. Objective: To identify conceptual positions on the social consequences of using the «Palantir» architecture in a system of manipulative influence on society and individuals, and to take these into account in the activities of political education workers working with Russian police personnel. Methods: The study is based on a number of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, and deduction), as well as a specialized method of content analysis and cognitive methods (heuristics and axiology). Results: The publication presents the author's vision of the «Palantir» architecture ontology and the most significant aspects of its impact on the cognitive infrastructure. By revealing the functionality of the triad of digital platforms within this architecture («Gotham», «Foundry», and «Apollo»), the authors note its significant potential for influencing the reshaping of public and individual consciousness through the targeted interpretation of massive data, which should undoubtedly be a priority for law enforcement. Conclusions: The materials presented in this publication demonstrate the relevance of political and educational work with Russian police personnel to explain the true dangers of «Palantir» and to ensure that each officer demonstrates the appropriate level of digital vigilance.

Keywords: sociology, society, personality, manipulation, «Palantir» architecture, political and educational work, police.

Funding: Independent work.

Введение.

Эффективность функционирования системы социального управления на рубеже первой четверти-середины XXI в., основанной на инновационных моделях современного технологического уклада и обращенной к проблеме мобилизации общества к условиям проводимой гибридной войны между различными акторами противостояния двух цивилизаций – российской и западной, в значительной степени предопределяется степенью освоения ими достижений информационного общества, драйвером развития которого являются технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ). При этом негативный аспект применения этих технологий способствует искажению канонических представлений о конфиденциальности, этике и надлежащем контроле над данными со стороны государств и IT-корпораций.

В этой связи, важное значение имеет анализ современных форм представления знаний, свойственных инновационным системам обработки массива поступающей информации, существенным образом влияющих на процессы интеллектуальной поддержки принятия решений и интерпретации контента информации заданным образом [1].

В действительности это означает задействование в вычислительных средах системы онтологий представления знаний, объединяющей язык, формы представления знаний и соответствующие схемы процессов, т.е. онтологию артефакта

(описание средства и итогов деятельности, позволяющее выявить логику ее алгоритма) и онтологию процессов (формализованное описание жизненного цикла деятельности средства).

По оценке отечественных ученых, онтология процессов выполняет роль «навигационной карты» для субъектов деятельности, позволяя им ориентироваться в сложных организационных структурах [2, с. 185].

Обсуждение.

Выявляя онтологический смысл стратегии «Palantir» в области ИИ и ее значение в системе социального управления, зарубежные специалисты исходят из того обстоятельства, что первым столпом данной стратегии и сердцем всего технологического пакета «Palantir» выступает следующая констатация: онтология – это цифровой двойник операционной системы и «мозг» любой организации/ведомства, использующих в своей деятельности ИИ во всей цепи сложных сетевых взаимосвязей и на этой основе достигающих конкурентного преимущества при обработке массива данных. Наряду с отмеченным, именно онтология позволяет большой языковой модели (англ. «Large Language Model», LLM) архитектуры «Palantir» достигать эффекта высокоэффективного оперативного средства для решения поставленных задач, на основе обращения к унифицированной форме машинного языка [3].

Таким образом, онтология «Palantir» выступает в

роли центральной нервной системы платформы данной архитектуры на основе ИИ (англ. «Artificial Intelligence Platform», AIP) [4].

Базовые положения идеологии функционирования архитектуры «Palantir» изложены в трактате «Технологическая республика: жесткая сила, мягкая вера и будущее Запада» [5], авторами которого являются соучредитель и генеральный директор компании «Palantir Technologies Inc.» (Пало-Альто, США, 2003 г.) А.К. Карп и член совета директоров Фонда «Palantir» по оборонной политике и международным отношениям Н.В. Замиска.

Как нам представляется, квинтэссенцию теста указанного трактата составили презентованные общественности в апреле 2026 г. 22 пункта манифеста, имеющего значение свода базовых принципов суть «Credo» (лат. «credo» – «верю»). Данный документ содержит обоснование парадигмального сдвига развития социума от устоев традиционной демократии к новой эпохе технократического диктата в форме «Технологической республики», основу которого составляет торжество ИИ, выступающего не только в качестве смены атомной эпохи и ядерного оружия как гаранта безопасности для обладающего этим оружием стран, но и как средство по обеспечению полного превосходства над иными аналогами именно американского государства и общества, являющихся олицетворением «творящей чудеса» национальной культуры по отношению к менее развитым культурам, относящихся к «дисфункциональным» и «регрессивным».

Более того, по мысли идеологов отмеченного манифеста, экспоненциальный характер перевооружения как США, так и стран Запада на современные достижения ИТ-индустрии (рои дронов, квантовые вычисления и др.), позволят компенсировать «неоправданное» послевоенное (1945 г.) разоружение Германии и Японии и соответствующие данному феномену:

- во-первых, «обеззубливание» германского общества;
- во-вторых, допуск японского пацифизма.

Отмеченные положения указанного «Credo» американских специалистов, которые, по оценке зарубежных СМИ, определены на роль придворных действующей администрации США, помещены в очевидно фашиствующий абрис, контуры которого очерчивают явно реваншистское устремление к новому переделу мира, сложившемуся ко времени учреждения ООН в октябре 1945 г. При этом в фокус своего внимания А.К. Карп и Н.В. Замиска определяют необходимость форсированной работы всего государственного механизма к достижению победы над врагом, которая должна стать «мгновением паузы» при отказе от апеллирования к нравственным переживаниям человеческой души, разделяющей постулаты «благонамеренных пропагандистских учений прогрессивной морали» [6].

Исходя из контекста указанных положений манифеста, реализация интересов США и их сателлитов в лице западных стран, должна быть обеспечена за счет ущемления национальных интересов России и Китая [7].

Приведенные нарративные устремления идейных посылов американских «Palantir»-манифестантов А.К. Карпа и Н.В. Замиски корреспондируют милитаристской концепции европейского «Альянса сторонников противоракетной обороны» (англ. «Missile Defense Advocacy Alliance», MDAA), центральным пунктом миссии которого выступает политическая линия, представленная в виде «Инициативы сдерживания с восточного фланга» (англ. «Eastern Flank Deterrence Initiative», EFDI), следуя которой западные страны опираются на возможности сетей с поддержкой ИИ с целью деструктивного влияния в формате региональных планов НАТО на сохранность «силы масс» России как вероятного противника [8]. В указанном случае речь идет о разрушающем давлении на «силу масс» в соответствии с философией истощения российских людских ресурсов и мировоззренческих начал сопротивления граждан нашей страны к вооруженному сопротивлению странам указанного «Альянса».

В контексте новых требований МВД России к организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, каждый сотрудник которых должен быть политически, идейно, морально и профессионально готовым к защите своего Отечества, актуальность учета в организации политикопрофилактической работы с личным составом российской полиции манипулятивного потенциала архитектуры «Palantir» является вполне очевидной и заслуживает специального рассмотрения, с целью:

- 1) противодействия распространению деструктивной идеологии;
- 2) формирования у сотрудников полиции устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию;
- 3) развития у каждого полицейского критического мышления и культуры работы с информацией (п. 21.6) [9].

Отмечая манипулятивный аспект мощных алгоритмов интеллектуального анализа данных архитектуры «Palantir», следует указать на явно выраженный характер алгоритмической предвзятости и гипервозможности ее инструментария, позволяющего с высокой точностью выявлять локацию объектов наблюдения, включая политических деятелей и представителей различных видов государственной службы, а также производить исследование персональных данных и активности пользователей социальных сетей, являющихся для заинтересованных лиц законными целями информационно-психологического воздействия.

Приведенные нами тезисы подтверждаются отдельными положениями исследования возможностей технологий «Palantir» в части глобального роста применения ИИ и опасности алгоритмической предвзятости этих технологий, автором которого является философ Д.С. Юван (Массачусетский технологический институт, США). По мнению данного ученого, по стилю своего функционирования компания «Palantir Technologies Inc.» соответствует деятельности разведывательного агентства, что подтверждается разоблачительными данными международной НКО «WikiLeaks» [10, р. 13], деятельность которой получила широкую известность в связи с делом ее учредителя (2006 год) австралийского программиста, хакера и интернет-журналиста Дж.П. Ассанжа.

Необходимо отметить, что архитектура «Palantir» интегрирована в процесс реализации планов работы специальных служб (ЦРУ и ФБР) и иных разведывательных структур США по осуществлению комплекса мер, в виде:

- 1) кибершпионажа и кибератак на цифровую инфраструктуру государственных органов и аккаунты отдельных пользователей;
- 2) вброса в сетевое пространство фейков и иных ложных нарративов;
- 3) деанонимизации личности и отслеживания ее метаданных;
- 4) виртуального преследования представит лей целевой аудитории, организации их шантажа и дальнейшей дискредитации, с целью повышения уровня уязвимости к манипулятивному воздействию и снижению «запаса прочности» / мобилизационного потенциала личности к решению задач государственной важности.

Опасность тотализации цифрового контроля за личностью: в контексте очевидного нарушения прав и свобод человека посредством использования возможностей архитектуры «Palantir», вызывает беспокойство среди представителей экспертного сообщества ряда стран, а выступающая за защиту гражданских прав и свобод германская НКО «Общество за свободу и права» обратилось по этому вопросу с соответствующей жалобой в Конституционный суд ФРГ относительно присущей для «Palantir» тактики системного сыска, основанной на «майнинге данных» [11].

На примере противостояния в 2011 г. между «Palantir Technologies Inc.» и НКО «WikiLeaks», получившей по версии «Palantir» статус недружественной ей организации (далее – НО), выясняется ряд тактических действий «Palantir», имеющих явно выраженный манипулятивный контекст и содержащих такие опции, как:

- 1) порождение и нагнетание внутренних конфликтов, с целью формирования обстановки

хаоса и взаимного недоверия среди участников и сторонников НО;

- 2) распространение дезинформации: предоставление в адрес НО фальшивых документов, с последующим скандальным и публичным разоблачением ее псевдоошибочных действий;

- 3) подрыв доверия к инфраструктуре НО: распространение сомнительных историй, ставящих под сомнение безопасность системы ее информационной защиты;

- 4) запуск кибератак: раскрытие источников и лиц, предоставляющих документы;

- 5) дискредитация НО: запуск кампаний по представлению платформы как «радикальной и безрассудной» с целью подрыва к ней общественного доверия;

- 6) дискредитация сотрудников НО: создание ложных профилей в социальных сетях [12].

Резюмируя отмеченное выше, мы считаем необходимым указать на высокую роль архитектуры «Palantir» при решении актуальных задач современной гибридной войны, сущностной признак которой наделен маркером континуума военного принуждения, информационного воздействия и уязвимости инфраструктуры любого государства к гибридным атакам со стороны недружественных ему зарубежных стран.

В контексте проводимого нами исследования, особого внимания заслуживает эпистемический характер инфраструктуры, связанной с процессами формирования, продвижения и «потребления» информации, сообщающей конкретные знания об окружающем человеке мире и ее верификации. При этом краеугольным камнем отмеченной эпистемической инфраструктуры является архитектура «Palantir», этимология смысла которой восходит к семи «Всевидающим камням» суть «Палантирам», являющимися мифологическими артефактами одноименного легендарного Дж.Р.Р. Толкина и совокупно предназначенными для наблюдения/шпионажа и организации связи/общения.

Обладая уникальным программным обеспечением, детище компании «Palantir Technologies Inc.» решает комплекс социально значимых задач, условия вводных которых находятся на стыке собственно военного дела, разведки и препарирования информационных потоков в интересах обеспечения военного, разведывательного и когнитивного превосходства над странами и народами, обладающими по мысли идеологов и разработчиков архитектуры «Palantir» более примитивным по уровню своего проявления культурным кодом.

Отмеченная идея П. Тиля и А.К. Карпа – авторов-разработчиков указанной архитектуры шпионажа и манипулирования сознанием масс и/или отдельных лиц, в значительной степени базиру-

ется на миметической теории французского ученого-антрополога и социолога Р. Жирара, свидетельствующего о наличии миметической конкуренции, сопровождаемой кризисом различных идеологических концептов и выступающей в качестве неизменного атрибута социума.

В этой связи, на определенном этапе эволюции социума наблюдается столкновение идеологий и соответствующей им политики различных стран, изначально приводящее к эскалации международной обстановки, а в дальнейшем к насильственному способу разрешения возникающих на межгосударственном уровне противоречий.

С учетом отмеченного, П. Тиль и А.К. Карп выход из сложившегося положения видят в технологических возможностях архитектуры «Palantir», вычислительные мощности которой в состоянии минимизировать существующие идеологические и межкультурные противоречия, переводя их из разряда антагонистических в состояние разрешимых, но при условии достижения очевидной победы более совершенного общественного строя и политического режима над менее развитыми их вариациями.

По логике суждения данных специалистов, отмеченный технократический прагматизм может стать панацеей от нарождающегося мирового хаоса, поскольку именно «Palantir» наделен потенциалом упреждающего обнаружения опасности возникновения миметического конфликта между странами и народами, а, следовательно, в состоянии обеспечить превентивный ход социального управления.

Анализ операционных возможностей архитектуры «Palantir» позволяет выделить три основных ее платформы, функционал которых обеспечивает должный уровень эпистемологического проявления:

1) «Gotham» – изначально разработанная в интересах ЦРУ и задействованная в эпицентре гибридных конфликтов, отмеченная платформа предназначена для интегрирования аналитических данных и данных радиоперехватов, данных космической и иных видов разведки (включая БПЛА-разведку), цифровых следов и цифровой тени, а также для выявления обширного свода скрытых закономерностей, аномалий и корреляций – недостижимых для восприятия операторами-аналитиками, обеспечения прогностического моделирования и формирования предложений в виде эвентуальных сценариев действия;

2) «Foundry» – ключевая миссия данной платформы акцентирована на конструировании цифровых двойников различных элементов критически важной инфраструктуры государства, включая государственное управление, построенное на алгоритмических началах;

3) «Apollo» – платформа, основное назначение которой заключается в адаптации всей архитектуры «Palantir» к устойчивому функционированию

в любых условиях мирного и военного времени, включая ее способность к работе при высоком уровне кинетического и/или кибервоздействия.

Отмечая статус каждого отдельного бойца, интегрированного в деятельность архитектуры «Palantir» и являющегося важным звеном в ее когнитивной сети, следует обратить внимание на способность указанной архитектуры к предметному анализу социальных сетей и массива информационных потоков как в целях вброса дезинформации в сознание масс противника, так и в интересах ведения контрпропагандистских кампаний среди своего населения, а также личного состава национальных армий и правоохранительных органов.

По оценке зарубежных специалистов, данный потенциал системы «Palantir», свидетельствуя о ее эффективности с точки зрения воздействия на когнитивную инфраструктуру, демонстрирует современные формы:

– во-первых: некинетического сдерживания противника с использованием ИИ;

– во-вторых, предсказательного суверенитета, при котором способность предвидеть становится неотличимой от способности управлять [13].

Заключение.

Проведенное исследование позволяет заключить следующее:

1. Фактор целенаправленного воздействия недружественных России стран на сознание российского общества и каждого отдельного гражданина нашего государства имеет устойчивое сопряжение со стремлением враждебных сил к злонамеренным попыткам насаждения хаоса и утраты веры к победе над противником, на политико-дипломатическом уровне, именуемом в качестве коллективного Запада.

Используя высокий уровень технического оснащения на основе искусственного интеллекта своих Вооруженных Сил, правоохранительных органов и иных специальных служб, страны западного мира во главе со своим патроном в лице США, предоставившим своим спутникам возможность задействования архитектуры «Palantir», предпринимают титанические усилия по дестабилизации в России общественного порядка и созданию новых угроз для национальной безопасности нашего государства.

2. Отмеченные действия нашего противника в ходе проводимой гибридной войны определяют повышенные требования личного состава полиции России к более эффективному несению им своей службы, совершенствованию профессионализма и приверженности особому режиму бдительности, что корреспондирует социальному смыслу отмеченного ведомства.

3. Основопологающим условием качественного решения возложенной на полицию миссии является действительный характер проводимой с ее сотрудниками политико-воспитательной работы, центральным направлением которой выступает

укрепление сущностных компонентов профессионального мировоззрения полицейского России, в основе которого лежит верность своему Отечеству, проявление бдительности и постоянное стремление к самосовершенствованию.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. An analysis of knowledge representation methods in intelligent decision-making support systems / O. Gaman [et al.] // Technology audit and production reserves. 2023. Vol. 5(2(73)). P. 22–26. DOI: 10.15587/2706-5448.2023.289747 EDN: IWWHLU
2. Максимов Н.В. Онтологическая система «знания-деятельность» / Н.В. Максимов, А.А. Лебедев // Онтология проектирования. 2021. Т.11. № 2(40). С. 185–211. DOI: 10.18287/2223-9537-2021-11-2-185-211 EDN: TBOVYF
3. Kitishian D. Palantir's AI Strategy: Path to AI Dominance From Defense to Enterprise. URL : <https://www.klover.ai/palantir-ai-strategy-path-to-ai-dominance-from-defense-to-enterprise> (date of application 05.07.2026).
4. Palantir Ontology: The Architecture That Turns AI Agents Into Decision-Making Systems. URL : [https:// glitchwire.com/news/palantir-ontology-the-architecture-that-turns-ai-agents-into-decision-making-sys](https://glitchwire.com/news/palantir-ontology-the-architecture-that-turns-ai-agents-into-decision-making-sys) (date of application 07.07. 2026).
5. Karp A.C. The Technological Republic: Hard Power, Soft Belief, and the Future of the West / A.C. Karp, N.W. Zamiska. New-York : Crown Currency, 2025. 320 p.
6. New-York Times Bestseller. URL : <https://techrepublicbook.com> (date of application 06.07.2026).
7. «Манифест» Palantir: Откровения 22 пунктов. URL : <https://mosregdata.ru/article/palantir-manifesto-22-point-revelations> (дата обращения 05.07.2026).
8. MDAA Alert: Eastern Flank Deterrence Initiative. URL : <https://www.missiledefenseadvocacy.org/alerts/mdaa-alert-eastern-flank-deterrence-initiative> (date of application 03.07.2026).
9. Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27 августа 2024 года № 500 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Youvan D.C. The Power Behind the Algorithm: Palantir Technologies and the Global Rise of AI Surveillance and Warfare. May 14, 2025. P. 1–26. DOI: 10.13140/RG.2.2.10601.61281
11. Фюрстенау М. Программа слежки компании Palantir: насколько она опасна? 31 июля 2025. URL : <https://www.dw.com/ru/programma-slezki-kompanii-palantir-naskolko-ona-opasna/a-73481984> (дата обращения 08.07.2026).
12. Blinova E. Palantir's Secret War: Inside the Plot to Cripple WikiLeaks. July 11, 2025. URL : <https://www.defenddemocracy.press/palantirs-secret-war-inside-the-plot-to-cripple-wikileaks> (date of application 10.07.2026).
13. Spagnuolo G. Palantir and the Alchemy of Hybrid Power. URL : <https://www.natofoundation.org/food/palantir-and-the-alchemy-of-hybrid-power> (date of application 12.07.2026).

References:

1. An analysis of knowledge representation methods in intelligent decision-making support systems / O. Gaman [et al.] // Technology audit and production reserves. 2023. Vol. 5(2(73)). P. 22–26. DOI: 10.15587/2706-5448.2023.289747 EDN: IWWHLU
2. Maksimov N.V. The ontological system «Knowledge- reality» / N.V. Maksimov, A.A. Lebedev // Ontology of forecasting. 2021. Vol. 11. № 2(40). P. 185–211. DOI: 10.18287/2223-9537-2021-11-2-185-211 EDN: TBOVYF
3. Kitishian D. Palantir's AI Strategy: Path to AI Dominance From Defense to Enterprise. URL : <https://www.klover.ai/palantir-ai-strategy-path-to-ai-dominance-from-defense-to-enterprise> (date of application 05.07.2026).
4. Palantir Ontology: The Architecture That Turns AI Agents Into Decision-Making Systems. URL : [https:// glitchwire.com/news/palantir-ontology-the-architecture-that-turns-ai-agents-into-decision-making-sys](https://glitchwire.com/news/palantir-ontology-the-architecture-that-turns-ai-agents-into-decision-making-sys) (date of application 07.07. 2026).
5. Karp A.C. The Technological Republic: Hard Power, Soft Belief, and the Future of the West / A.C. Karp, N.W. Zamiska. New-York : Crown Currency, 2025. 320 p.
6. New-York Times Bestseller. URL : <https://techrepublicbook.com> (date of application 06.07.2026).

7. Palantir «Manichaeus»: 22 items in total. URL : <https://mosregdata.ru/article/palantir-manifesto-22-point-revelations> (date of application 07/05/2026).
8. MDAA Alert: Eastern Flank Deterrence Initiative. URL : <https://www.missiledefenseadvocacy.org/alerts/mdaa-alert-eastern-flank-deterrence-initiative> (date of application 03.07.2026).
9. On approval of the Regulations on the organization of moral and psychological support for the activities of the internal Affairs bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 27, 2024 № 500 // SPS «ConsultantPlus».
10. Youvan D.C. The Power Behind the Algorithm: Palantir Technologies and the Global Rise of AI Surveillance and Warfare. May 14, 2025. P. 1–26. DOI: 10.13140/RG.2.2.10601.61281
11. Erstenau M. Palantir assembly program: how understandable is it? July 31, 2025. URL : <https://www.dw.com/ru/programma-slezki-kompanii-palantir-naskolko-ona-opasna/a-73481984> (date of application 07/08/2026).
12. Blinova E. Palantir's Secret War: Inside the Plot to Cripple WikiLeaks. July 11, 2025. URL : <https://www.defenddemocracy.press/palantirs-secret-war-inside-the-plot-to-cripple-wikileaks> (date of application 10.07.2026).
13. Spagnuolo G. Palantir and the Alchemy of Hybrid Power. URL : <https://www.natofoundation.org/food/palantir-and-the-alchemy-of-hybrid-power> (date of application 12.07.2026).

Информация об авторах

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
ORCID ID: 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ORCID ID: 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Яремчук Виктория Павловна

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
ORCID ID: 0009-0003-6063-5331
vicktoria.yaremchukkk@yandex.ru

Yaremchuk V. Pavlovna

Candidate of Legal Sciences,
Teacher of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ORCID ID: 0009-0003-6063-5331
vicktoria.yaremchukkk@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.07.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.08.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-23>

УДК 340

Attribution

cc by

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВОМ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Белкин С.Я.

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева.

Северо-Кавказский филиал

Аннотация. В условиях трансформации правового регулирования актуально исследование зарубежных подходов к гражданской правосубъектности государства. Двойственная природа государства (носитель власти и участник частноправовых отношений) требует сравнительно-правового анализа. Цель – выявить основные модели участия публично-правовых образований в гражданском обороте в Германии, Франции, Испании, США и Великобритании, определить их общие и отличительные черты. Задачи: характеристика деликтной модели (Германия, англо-американское право); анализ объективной модели (Испания); изучение международно-правовых аспектов в условиях цифровизации; выявление тенденций гармонизации. Методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, системный анализ, обобщение судебной практики и доктрины. Результаты: в зарубежных правовых системах сложились две модели – деликтная (применение общих норм гражданского права) и объективная (имущественная гарантия пострадавшему, без учёта вины). Англо-американская модель базируется на доктрине «иммунитета суверена», но допускает исключения по разрешающим статутам. В условиях цифровой экономики традиционные модели сталкиваются с новыми вызовами. Выводы: перспективно формирование единого подхода к ответственности государства за действия его агентов, сочетающего публично-правовую природу государства и защиту прав частных лиц.

Ключевые слова: гражданская правосубъектность государства, деликтная ответственность, объективная ответственность, иммунитет суверена, публично-правовые образования, зарубежные правовые модели.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FOREIGN LEGAL MODELS OF IMPLEMENTATION OF CIVIL LEGAL PERSONALITY BY THE STATE

Simeon Ya. Belkin

V.M. Lebedev Russian State University of Justice. North Caucasus branch

Abstract. In the context of ongoing legal transformation, the study of foreign approaches to the civil legal personality of the state is of particular relevance. The dual nature of the state – acting both as a public authority and a participant in private law relations – necessitates a comparative legal analysis. The aim is to identify the main models of participation of public legal entities in civil circulation in Germany, France, Spain, the USA, and the UK, and to determine their common and distinctive features. The objectives include: characterising the tort liability model (Germany and Anglo-American law); analysing the objective liability model (Spain); examining international legal aspects in the context of digitalisation; and identifying trends towards harmonisation. The methodology is based on comparative legal and formal legal methods, system analysis, and generalisation of judicial practice and doctrinal sources. The findings reveal that two primary models have emerged in foreign legal systems: the tort model (application of general civil law rules) and the objective model (property guarantee to the injured party, irrespective of fault). The Anglo-American model is historically grounded in the doctrine of sovereign immunity, though it provides for exceptions under permissive statutes. In the digital economy, traditional models face new challenges. The conclusions suggest that a promising direction is the development of a unified approach to state liability for the acts of its agents, balancing the public-law nature of the state with the protection of private parties' rights.

© Белкин С.Я.

Keywords: civil legal personality of the state, tort liability, objective liability, sovereign immunity, public legal entities, foreign legal models.

Funding: Independent work.

Введение

Проблема реализации государством гражданской правосубъектности представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных тем в современной юридической науке. Двойственная природа государства, выступающего одновременно в качестве суверена, обладающего властными полномочиями, и участника гражданских правоотношений, создает значительные теоретические и практические сложности при определении правового статуса публично-правовых образований в частноправовой сфере.

Как справедливо отмечает И.С. Богданова, двойственность правового статуса публично-правовых образований исторически признается за государством, однако в современной доктрине предлагаются различные интерпретации этого феномена в контексте установления отраслевого статуса публичного суверена [3, с. 1806]. В связи с этим представляется актуальным исследование зарубежных правовых моделей реализации государством гражданской правосубъектности, что позволит выявить основные подходы к решению данной проблемы в различных правовых порядках.

Гражданская правосубъектность, как указывает Л.А. Чеговадзе, представляет собой особое свойство субъектов, символизирующее связь лица и государства, а с юридической стороны – форму тех возможностей, которыми государство наделяет своих граждан и создаваемые ими организации [9, с. 9]. Применительно к государству, его правосубъектность приобретает специфические черты, обусловленные сочетанием публично-властных и частноправовых начал. В российской доктрине, как отмечает В.Ф. Попондопуло, ряд проблем правосубъектности все еще остаются дискуссионными, включая вопросы соотношения правосубъектности с понятием компетенции, что особенно актуально при анализе участия государства в гражданском обороте [8, с. 67]. Зарубежные правовые системы предлагают различные модели решения этих проблем, представляющие значительный интерес для сравнительно-правового анализа.

Результаты

В германской правовой системе реализация гражданской правосубъектности государства основывается на четком разграничении публично-правовой и частноправовой сфер деятельности. Как подчеркивает И.С. Богданова, в соответствии со статьей 34 Основного закона ФРГ и параграфом 839 Германского гражданского уложения, ответственность государства за вред, причиненный частным субъектам его агентами, наступает только за неправомерные действия

последних при отсутствии оснований для ограничения ответственности [3, с. 1807].

Особенностью германского подхода выступает наличие института приватизации публичных функций, т.е. осуществление государственными органами своих задач через частноправовой орган. Государство же остается независимым субъектом данной деятельности [3, с. 1811]. Вне зависимости от формы организации управления государством оно несет ответственность за частных лиц, чьи публичные интересы реализуются данным управлением. Вместо обязанности прямого исполнения возлагается обязанность обеспечения правильного осуществления данных обязанностей [3, с. 1812].

В.П. Емельянцев отмечает, что в германском законодательстве активно обсуждается вопрос о необходимости разработки соответствующего цифрового кодекса, а также совершенствования законодательства о контроле за слияниями компаний [6, с. 43]. Это свидетельствует о стремлении германского законодателя адаптировать традиционную модель реализации государственной правосубъектности к современным условиям цифровой экономики.

Французская правовая система традиционно характеризуется высокой степенью централизации государственной власти, что находит отражение и в модели реализации государственной правосубъектности. Основопологающим принципом здесь выступает концепция публичной службы, которая определяет основания и пределы участия государства в гражданских правоотношениях.

В отличие от германского подхода, во французском праве более четко разграничиваются административные и судебные юрисдикции, при этом споры с участием государства по вопросам реализации его правосубъектности в публичной сфере рассматриваются административными судами. Это отражает фундаментальное различие в понимании природы государственной правосубъектности: во Франции она рассматривается преимущественно через призму публичного права, тогда как в Германии акцент делается на частноправовом регулировании [9, с. 9]. Применительно к государству, во французской модели эта способность реализуется через специально уполномоченные органы и должностные лица, действующие в строго определенных законом пределах.

Испанская модель, которая строится на принципе объективной ответственности государства, привлекает особое внимание. Как отмечает И.С. Богданова, в испанском праве особую актуальность приобретает принцип невозможности

применения норм гражданского законодательства к вопросу об ответственности государства за ущерб, причиненный имуществу или правам граждан, нанесенными действиями государственных и муниципальных органов [3, с. 1809]. Таким образом, это отражает особую особенность отношения к ответственности государства в Испании. Особое место в этой модели занимает категория вреда – без него не возникает права на компенсацию. Под вредом понимается противоправное повреждение, совершаемое любым способом (даже легальным), ведь собственник имущества либо прав ни при каких обстоятельствах должен терпеть убытки. Такая ответственность основана на принципе обеспечения имущественной компенсации потерпевшему и не зависит от вины [3, с. 1809]. Если в модели ответственности акцентировано внимание на определении легитимности деятельности госорганов (должностных лиц), то в испанской модели – на причинённом вреде.

Долгое время в англосаксонской юрисдикции действовала доктрина «иммунитет суверена», согласно которой было невозможно предъявить иск государству без получения от него согласия на это. Такая практика приводила к тому, что государства практически не привлекались к гражданско-правовой ответственности по мотивам действий своих служащих.

Как подчеркивает И.С. Богданова, современное английское право предусматривает ответственность государства в деликтном порядке за проступки, совершенные его служащими и должностными лицами при исполнении ими своих функций [3, с. 1808]. Иная картина складывается в правовой системе США: здесь подача исковых заявлений к Соединенным Штатам либо к их структурным подразделениям о взыскании денежных сумм в счет возмещения ущерба в общем порядке блокируется доктриной суверенного иммунитета. Исключения представляют случаи, специально предусмотренные законами – Закон о деликтах в федеральных судах 1946 года; закон Такера от 1855 года – по которым такие заявления являются возможными.

Отдельный режим установлен для требований о компенсации вреда, причиненного в результате нарушения органами штатов федерального законодательства. В силу одиннадцатой поправки к Конституции США на штаты распространяется иммунитет от исков, предъявляемых к ним в федеральных судах, за исключением требований о понуждении к реализации прав, закрепленных Федеральной конституцией.

Заслуживает внимания и тот факт, что американская правовая модель допускает предъявление исков к должностным лицам административных ведомств в связи с совершением ими недобросовестных противоправных деяний. По таким искам с указанных лиц может быть взыскана денежная компенсация за счет их личных

средств. При этом, в подобных обстоятельствах публично-правовое образование ответственно за действия своих должностных лиц не несет [3, с. 1808].

Развитие цифровых технологий и формирование глобального киберпространства приносят новые аспекты в понимание правосубъектности государства на международной арене. Как обращает внимание Г.В. Алексеев, в условиях киберпространства пересечение государственной юрисдикции и виртуальной компетенции неправительственных структур происходит на цифровых платформах, функционирующих в соответствии с правилами, которые устанавливаются разработчиками в программных документах [1, с. 149].

Процессы глобализации способствовали тому, что как общие, так и специальные принципы международного права стали выполнять роль самостоятельного регулятора транснациональных отношений. Особую роль в реализации государством своей правосубъектности на международной арене играет концепция цифрового суверенитета. В.П. Емельянцев отмечает, что в условиях цифровизации экономики возникает проблема идентификации субъекта правоотношений, а с развитием цифровых технологий многие коммуникативные возможности человека могут повторяться с помощью аппаратных средств [6, с. 39]. Это создает новые вызовы для правового регулирования участия государства в гражданских правоотношениях, особенно в трансграничном контексте.

П.Н. Астапенко, проводя сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта, показывает, что во всех рассматриваемых юрисдикциях ИИ не наделяется статусом самостоятельного юридического лица, а законодатели исходят из того, что ИИ не может нести обязанности или быть носителем прав. Субъектами ответственности остаются люди и организации, создающие и применяющие ИИ [2, с. 49]. Это подтверждает общую тенденцию, согласно которой государство сохраняет контроль над ключевыми аспектами реализации своей правосубъектности даже в условиях технологической трансформации.

Обсуждение

Проведенный сравнительный анализ зарубежных правовых моделей реализации государством гражданской правосубъектности позволяет выявить несколько ключевых тенденций и закономерностей.

Во-первых, несмотря на существенные различия в подходах, все рассмотренные правовые порядки исходят из признания за государством особого правового статуса, отличного от статуса частных лиц. Как отмечает Е.А. Останина, субъект – это свободная воля, и этот тезис исторически по-

влиял на создание категории правосубъектности, однако применительно к государству свобода воли ограничена его публично-правовой природой [7, с. 60]. Свобода воли имеет юридическое значение для всех составляющих правосубъектности, включая и государственную.

Во-вторых, во всех рассмотренных моделях присутствует механизм ограничения ответственности государства, который может выражаться в различных формах: от доктрины иммунитета суверена в англо-американском праве до института приватизации публичных функций в германском праве. Это отражает объективную необходимость балансирования между защитой прав частных лиц и обеспечением эффективного функционирования государственного аппарата.

В-третьих, наблюдается тенденция к расширению круга лиц, действующих от имени государства и реализующих его правосубъектность. В германской модели, как было показано, это достигается через широкое толкование понятия должностного лица, включающего как государственных служащих, так и частных лиц, которым делегированы определенные государственные функции. В испанской модели аналогичный эффект достигается через категорию «нормального функционирования публичных служб». Государство не наделяет частных лиц правосубъектностью, а признает ее за ними с известными ограничениями, установленными законом, в целях обеспечения правопорядка [8, с. 75].

Анализ международно-правовых аспектов показывает, что в условиях глобализации и цифровизации традиционная парадигма государственной правосубъектности претерпевает существенные изменения. Г.В. Алексеев отмечает, что притязания государств на цифровой суверенитет и универсальную юрисдикцию в киберпространстве создают угрозы целостности Сети и порождают эмерджентные технические правозащитные инициативы гражданского общества [1, с. 151]. Это требует переосмысления традиционных подходов к реализации государством своей правосубъектности в цифровой среде.

Особого внимания заслуживает проблема ответственности государства за действия его агентов в цифровой среде. В.П. Емельянцев подчеркивает, что активное внедрение цифровых платформ проходит в различных сферах экономической деятельности, включая транспорт, сельское хозяйство и промышленность, что создает новые вызовы для правового регулирования [6, с. 46]. Зарубежные модели предлагают различные подходы к решению этой проблемы, от распространения деликтной ответственности на действия частных лиц, выполняющих государственные функции (Германия), до объективной ответственности государства независимо от вины его агентов (Испания).

А.С. Глухова, Э.Р. Мосина и С.В. Старцева, анализируя понятие субъектов гражданского права, отмечают, что в настоящее время происходит усложнение системы субъектов гражданского права в связи с формированием новой категории лиц – обладателей правосубъектности [4, с. 90]. Применительно к государству это проявляется в появлении новых форм его участия в гражданском обороте.

Как отмечает К.Д. Грезева, в международном праве до настоящего времени не сформировалось единообразного подхода к определению правового статуса физических лиц. Отечественная доктрина склонна трактовать индивида преимущественно в качестве пользователя, тогда как полноправным субъектом международного права он в российской науке, как правило, не признается. Данное утверждение значительно отличается от того, что принято понимать под европейской правовой доктриной о личности [5, с. 58]. Аналогичный плюрализм подходов наблюдается и в отношении правосубъектности государства: различные правовые системы предлагают различные модели его участия в частноправовых отношениях.

Заключение

Проведенный анализ зарубежных правовых моделей реализации государством гражданской правосубъектности позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Все рассмотренные правовые порядки признают необходимость специального правового регулирования участия государства в гражданских правоотношениях, что обусловлено двойственной природой государства как публично-властного образования, одновременно выступающего субъектом частного права. Основная проблема заключается в поиске оптимального баланса между обеспечением эффективного функционирования государства и защитой прав частных лиц, вступающих с ним в правоотношения. Можно говорить о следующих моделях реализации гражданской правосубъектности государством – это модель деликтной ответственности (Германия, Англо-Американская система) и модель объективной ответственности (Испания). У каждой модели есть преимущества и недостатки, какой моделью пользоваться зависит от истории страны, ее правового порядка, политико-правовой культуры. Сегодня наблюдается тенденция к гармонизации подходов к регулированию государственной правосубъектности в рамках международного права, особенно в сферах защиты прав человека и цифровой экономики. Это проявляется в расширении круга лиц, действующих от имени государства, усилении контроля за его деятельностью в частноправовой сфере и развитии механизмов ответственности государства за вред, причиненный его агентами.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.
Литература:	
1. Алексеев Г.В. Международно-правовые принципы и форматы взаимодействия государств и неправительственных организаций в киберпространстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. № 3. С. 147–167. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-3-9 EDN: SSIHPG 2. Астапенко П.Н. Сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта в России, Китае, США и Европейском союзе // Закон и право. 2025. № 6. С. 47–54. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-6-47-54 EDN: CKLDFC 3. Богданова И.С. Правовая модель возмещения (компенсации) вреда, причиненного государством: российский и зарубежный опыт // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 12. С. 1805–1818. DOI: 10.17516/1997-1370-0954 EDN: PTJCEQ 4. Глухова А.С. Понятие и виды субъектов гражданского права / А.С. Глухова, Э.Р. Мосина, С.В. Старцева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 1–2(112). С. 87–92. DOI: 10.24412/2500-1000-2026-1-2-87-92 EDN: ADYZSL 5. Грезева К.Д. Проблематика определения правосубъектности физических лиц в международном праве // Наука сегодня: актуальные вопросы теории и практики. 2025. С. 56–63. EDN: RTOLQO 6. Емельянцева В.П. Цифровизация экономики и ее влияние на реновацию институтов гражданского права // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 36–53. DOI: 10.12737/jrl.2021.134 EDN: NYUBBH 7. Останина Е.А. Волевая теория гражданской правосубъектности физического лица // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. № 2. С. 59–80. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.2.59.80 EDN: YSLKSS 8. Попондопуло В.Ф. Правосубъектность как общая предпосылка правообладания: дискуссионные вопросы // Журнал российского права. 2025. № 29(3). С. 67–78. DOI: 10.61205/jrp.2025.3.1 EDN: TGUAXW 9. Чеговадзе Л.А. Реализация гражданской правосубъектности в действиях, признаваемых сделками // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 6 (199). С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.009-021 EDN: JPNXHV 10. Harun S. Policy implementation and regulatory challenges in managing civil service resources in the era of digital governance // Golden Ratio of Social Science and Education. 2026. Vol. 6. № 1. P. 01–17. DOI: 10.52970/grsse.v6i1.1893 EDN: OOLDRC	

References:

1. Alekseev G.V. International legal principles and formats of interaction between states and non-governmental organizations in cyberspace // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 11. Right. 2025. № 3. P. 147–167. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-3-9 EDN: SSIHPG
2. Astapenko P.N. Comparative analysis of the legal regulation of artificial intelligence in Russia, China, the USA and the European Union // Law and Law. 2025. № 6. P. 47–54. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-6-47-54 EDN: CKLDFC
3. Bogdanova I.S. Legal Model for Compensation (Indemnification) of Harm Caused by the State: Russian and Foreign Experience // Journal of Siberian Federal University. Humanities. 2022. Vol. 15. № 12. P. 1805–1818. DOI: 10.17516/1997-1370-0954 EDN: PTJCEQ
4. Glukhova A.S. The concept and types of subjects of civil law / A.S. Glukhova, E.R. Mosina, S.V. Startseva // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2026. № 1–2(112). P. 87–92. DOI: 10.24412/2500-1000-2026-1-2-87-92 EDN: ADYZSL
5. Grezeva K.D. The Problem of Determining the Legal Personality of Individuals in International Law // Science Today: Current Issues of Theory and Practice. 2025. P. 56–63. EDN: RTOLQO
6. Emelyantsev V.P. Digitalization of the economy and its impact on the renewal of civil law institutions // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. № 11. P. 36–53. DOI: 10.12737/jrl.2021.134 EDN: NYUBBH
7. Ostina E.A. The will theory of an individual's civil legal personality // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2026. № 2. P. 59–80. DOI: 10.17323/2072-8166.2026.2.59.80 EDN: YSLKSS
8. Popondopulo V.F. Legal personality as a general prerequisite for the exercise of rights: debatable issues // Journal of Russian Law. 2025. № 29(3). P. 67–78. DOI: 10.61205/jrp.2025.3.1 EDN: TGUAXW
9. Chehavadze L.A. The realization of civil personality in actions recognized by transactions // Lex Russica. 2023. Vol. 76. № 6(199). P. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.009-021 EDN: JPNXHV
10. Harun S. Policy implementation and regulatory challenges in managing civil service resources in the era of digital governance // Golden Ratio of Social Science and Education. 2026. Vol. 6. № 1. P. 01–17. DOI: 10.52970/grsse.v6i1.1893 EDN: OOLDRC

Информация об авторе

Белкин Семён Яковлевич

аспирант,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева.
Северо-Кавказский филиал
Belkin-semon@yandex.ru

Simeon Ya. Belkin

Graduate Student,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice.
North Caucasus branch
Belkin-semon@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-2>

УДК 347.1

Attribution

cc by

ОХРАНА ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА ПРИ СОЗДАНИИ КОНТЕНТА НЕЙРОСЕТЬЮ

Булыгина Ю.Я.

Югорский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается проблема охраны личных изображений граждан, правомерно используемых при создании контента нейросетью. На основе анализа пользовательских соглашений наиболее популярных платформ, автор формулируются выводы о правовой природе большей части соглашений, соотношении переговорных возможностей и соблюдении баланса интересов сторон при их заключении. В работе обосновывается тезис о том, что право на изображение гражданина, в силу его тесной связи с личностью, невозможности передачи и отчуждения, отсутствия выраженной товарно-стоимостной оценки, является особым объектом правовой охраны. Автор заключает, что процесс использования изображения пользователя при работе с нейросетями требует специального правового регулирования.

Ключевые слова: право на изображение гражданина, личное неимущественное право, нейросети, искусственный интеллект, пользовательское соглашение, контент, право на отзыв согласия на использование изображения.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROTECTING A CITIZEN'S IMAGE WHEN CREATING CONTENT USING A NEURAL NETWORK

Yulia Ja. Bulygina

Ugra State University

Abstract. The article discusses the problem of protecting personal images of citizens that are legitimately used in the creation of content by a neural network. Based on an analysis of user agreements on the most popular platforms, the author draws conclusions about the legal nature of most agreements, the balance of negotiating power, and the balance of interests between the parties when concluding them. The paper substantiates the thesis that the right to an image of a citizen, due to its close connection with the individual, the impossibility of transfer and alienation, and the lack of a distinct commodity-value assessment, is a special object of legal protection. The author concludes that the use of a user's image when working with neural networks requires special legal regulation.

Keywords: the right to a citizen's image, personal non-property rights, neural networks, artificial intelligence, user agreement, content, the right to recall consent to use the image.

Funding: independent work.

Введение.

Стремительное развитие цифровых технологий привело к возможности создания неограниченного количества изображений с использованием нейросетей. Пользователи имеют возможность как сгенерировать абсолютно новый контент, так и создать продукт с помощью исходной картинки (фотографии).

При генерации контента часто в качестве исходного материала выступает фотография конкретного человека. Например, повсеместное распространение в последнее время получает практика

по «оживлению» фото близкого родственника или умершего предка, редактирование с использованием систем искусственного интеллекта, создание аудио и видео материалов на основе статичного изображения человека.

Оставляя за рамками настоящей статьи вопрос об ответственности за использование изображений граждан без их ведома в целях создания дипфейков, отметим, что даже правовые последствия правомерного использования своего личного изображения или изображений других лиц при работе с нейросетями представляются в настоящее время недостаточно изученными.

© Булыгина Ю.Я.

Ежедневно пользователи добровольно загружают на платформы огромное количество личных изображений, являющихся объектами правовой охраны. По данным исследования, проведенного компанией «Everypixel Group» среди генеративных сетей, за полтора года, с начала 2022 года до середины 2023 года, различные популярные ИИ-системы (Midjourney, Stable Diffusion, DALLÉ-2 и Adobe Firefly) создали по запросам пользователей свыше 15 млрд изображений. Примерно 34 миллионов изображений создается искусственным интеллектом ежедневно [1]. Изображения, добровольно предоставленные пользователями для создания контента, могут быть использованы данными сервисами для генерации новых картинок, улучшения своих алгоритмов распознавания лиц, рекламных, маркетинговых и других целей. Вопрос о возможностях правовой охраны права гражданина на собственное изображение при работе с различными платформами в условиях стремительной цифровизации и развития нейросетей представляется как никогда актуальным.

Обсуждение.

В цивилистической доктрине, в трудах И.А. Покровского [2], Е.А. Флейшиц [3], М.Н. Малеиной [4], Л.О. Красавчиковой [5], А.Х. Ульбашева [6] право на изображение гражданина традиционно относят к личным неимущественным правам, для которых характерна тесная связь с самой личностью, невозможность передачи и отчуждения, отсутствие выраженной товарно-стоимостной оценки [7].

Согласно классификации, предложенной профессором Л.О. Красавчиковой, право на изображение является личным неимущественным правом, обеспечивающим социальное существование гражданина [8, с. 214–246].

Если обратиться к истории законодательного регулирования права на изображение гражданина, следует отметить следующее.

Дореволюционное российское законодательство не содержало упоминание о праве гражданина на собственное изображение.

В Гражданском кодексе РСФСР 1964 года, право на изображение упоминалось в некотором «усеченном» виде в статье 514, в контексте запрета использования произведения изобразительного искусства, в котором изображено другое лицо, без его согласия, а после его смерти – без согласия детей и пережившего супруга. Закреплялись также случаи, когда необходимость в таком согласии отсутствует.

В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее по тексту – «ГК РФ») законодатель упоминает право на изображение в статье 152.1 среди норм по защите нематериальных благ. Указанная норма запрещает обнародование и использование изображения гражданина, будь то фотография, видеозапись или

произведение изобразительного искусства без его согласия, содержит указание круга лиц, дающих такое согласие после смерти изображенного лица, перечень случаев, когда такое согласие не требуется, а также способы защиты нарушенного права на изображение. Среди последних законодатель упоминает, в том числе удаление этого изображения, а также пресечение или запрещение дальнейшего его распространения в сети «Интернет».

Согласно пункту 43 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 года № 45, по общему правилу, обнародование изображения гражданина, в том числе размещение его самим гражданином в сети Интернет, и общедоступность такого изображения сами по себе не дают иным лицам права на свободное использование такого изображения без получения согласия изображенного лица. Однако обстоятельства размещения гражданином своего изображения в сети «Интернет» могут свидетельствовать о выражении таким лицом согласия на дальнейшее использование данного изображения, например, если это предусмотрено условиями пользования сайтом, на котором гражданином размещено такое изображение.

Данная правовая позиция требует более внимательного осмысления применительно к случаям добровольного размещения гражданином своего изображения при работе на платформах искусственного интеллекта. В частности, возникают вопросы:

Какова правовая природа действий лица, чье изображение было использовано нейросетью?

Можно ли квалифицировать данные действия как одностороннюю сделку (согласие на использование), или следует рассматривать размещение гражданином своего изображения в нейросети как акцепт некоего договора?

Если имеет место договор, то какова его юридическая природа?

В настоящее время возможности дальнейшего использования и защиты личных изображений после генерирования контента, в большинстве случаев, регулируются правилами конкретной платформы искусственного интеллекта и могут в значительной степени различаться. Представляется интересным приведенный далее небольшой обзор соглашений о пользовании популярными ИИ-платформами, обладающих функциями создания картинок и видео на основе загруженных пользователями изображений.

Так, например, пользовательское соглашение об использовании сервиса «GigaChat» (далее по тексту – «сервис»), закрепляет понятие «контент пользователя», размещение и передача которого с использованием API в сервис предоставляет владельцу право его использования на условиях неисключительной и безвозмездной лицензии, действующей в течение всего срока действия

исключительного права пользователя, на территории всего мира любыми способами, включая, в том числе воспроизведение, переработку, доведение до всеобщего сведения, распространение, импорт, прокат, сообщение по кабелю и другими способами [9; пункт 5.3]. При этом само начало использования сервиса расценивается как полное и безоговорочное согласие лица заключить пользовательское соглашение в редакции, предложенной владельцем «GigaChat» [9; пункт 2.4].

Таким образом, размещение в интерфейсе сервиса любого исходного для генерирования контента материала, включая изображения пользователя, расценивается как конклюдентное действие по заключению пользовательского соглашения, по своей правовой природе близкого к договору присоединения (пункт 3 статьи 428 ГК РФ).

Согласно условиям пользовательского соглашения сервиса «Шедеврум», размещение на сервисе фотографии или картинки для создания контента (Фильтрума), также, как и в первом примере, свидетельствует, по сути, о заключении лицензионного соглашения с компанией «Яндекс» как владельцем сервиса и предоставлении последней безвозмездной и безотзывной неисключительной лицензии на использование указанной фотографии и/или картинки любыми законными способами на территории всего мира [10; пункт 3.2]. Более того, любой другой пользователь «Шедеврума» получает право использования принадлежащей лицу исходной фотографии на безвозмездных условиях для создания своего продукта в пределах сервиса [10; пункт 3.2].

Стоит отметить, что «Яндекс» прямо запрещает пользователю загружать в интерфейс системы материалы, содержащие изображения и/или персональные данные третьих лиц, используемые без согласия таких лиц [10; пункт 2.5.9], а также заручается согласием пользователя на автоматическую публикацию как сгенерированного контента (Фильтрума), так и оригинала загруженной фотографии и картинки, послужившей исходным материалом [10; пункт 2.3.1]. И, по аналогии с «GigaChat», соглашение по использованию «Шедеврум», содержащее все вышеперечисленные условия и согласия в редакции владельца сервиса, заключается посредством совершаемых пользователем конклюдентных действий [10; пункт 1.3].

Пользовательское соглашение известной сети «Кандинский» также сконструировано по модели договора присоединения. Первые действия в интерфейсе сервиса квалифицируются как полное и безоговорочное согласие лица со всеми условиями договора в редакции ПАО «Сбербанк». Пользователь, становится обладателем исключительного права на сгенерированный контент, однако принимает на себя все риски его содержания и использования. Владелец сервиса

получает простую, безвозмездную и безотзывную лицензию на его использование в течение срока действия исключительного права на территории всего мира перечисленными в соглашении способами, в том числе путем воспроизведения, хранения, переработки, распространения на портале владельца сервиса, доведение до всеобщего сведения, использование в рекламных, маркетинговых, информационных материалах владельца сервиса [11].

Русскоязычная документация нейросети «Midjourney» возлагает на пользователя платформы все риски, связанные с предоставляемыми услугами [12; раздел 1]. По умолчанию, все загружаемые изображения являются общедоступными для просмотра и переработки другими пользователями, однако за дополнительную плату возможны настройки приватности личного профиля [12; раздел 4]. Работая с сервисом, лицо становится правообладателем созданного контента, однако одновременно предоставляет владельцам нейросети «Midjourney» (и ее правопреемников) бессрчную, всемирную, неисключительную, безвозмездную, безотзывную лицензию на воспроизведение, публичный показ, переработку, сублицензирование и распространение текстовых и графических промтов или конечных продуктов, созданных нейросетью по указанию пользователя. Данная лицензия остается в силе даже после прекращения действия пользовательского соглашения с «Midjourney» [12; раздел 4].

Согласно условиям работы на англоязычной ИИ-платформе «DALLE 2», пользователи должны:

- во-первых, получить согласие перед загрузкой чьей-либо фотографии или изображения;
- во-вторых, обладать правом собственности на загружаемое изображение, о чем интерфейс системы напоминает во время загрузки.

Компания – владелец нейросети разработала и внедрила технические средства защиты на уровне модели, которые гарантируют, что «DALLE 2 Preview» не сможет напрямую генерировать точные копии изображений из обучающих данных. Однако модели все еще комбинируют элементы реальных изображений и идентифицируемые детали, такие как одежда и фон.

Результаты.

Приведенный выше краткий обзор позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Большая часть пользовательских соглашений сконструированы по модели договора присоединения: условия пользования нейросетью, правовые последствия размещения материала и информации для создания контента, согласия пользователя сформулированы в одностороннем порядке владельцами ИИ-платформ. Заключение соглашений производится пользователем путем совершения конклюдентных дей-

ствий, свидетельствующих о согласии с указанными условиями, в связи с чем нельзя говорить о равенстве возможностей сторон в определении договорных условий. Существующее в настоящее время фактическое соотношение переговорных возможностей складывается не в пользу гражданина-пользователя.

2. В рассмотренных примерах именно на пользователя возлагается вся полнота ответственности за соответствие загружаемых в интерфейс нейросети исходных материалов требованиям закона, а также за наличие согласий на размещение в качестве таковых своих изображений и изображений третьих лиц.

Таким образом, согласие лица на использование своего изображения для создания нового продукта нейросетью, как правило, предполагается, оно, по сути, имплементировано в соглашение с сервисом в качестве одного из условий.

3. Пользовательские соглашения, упоминая о праве нейросети на исходный контент пользователя, практически всегда оперируют понятием «лицензия», что применительно к изображениям пользователя представляется корректным только если последний одновременно является и правообладателем соответствующего фотографического или аудиовизуального произведения. В том случае, если исключительные права на фотографическое или аудиовизуальное произведение, в котором использовано изображение гражданина, принадлежат другому лицу (например, используемая нейросетью художественная фотография пользователя создана творческим трудом профессионального фотографа), правильнее было бы упоминать не только о «лицензии», полученной от правообладателя, но и о согласии гражданина на использование своего изображения. При этом по логике рассмотренных пользовательских соглашений, в последнем случае, лицо, использующее свое изображение для работы с ИИ-платформой, несет ответственность, в том числе и за наличие соответствующего разрешения правообладателя фотографического или аудиовизуального произведения.

4. Как правило, размещаемые пользователем в интерфейсе нейросетей исходные изображения, также, как и сгенерированный контент становятся по умолчанию общедоступными для других лиц. По дополнительным тарифам (подпискам) владельцы некоторых сервисов предоставляют право скрывать свой профиль от всех третьих лиц.

Данная практика применительно к личным изображениям пользователей приводит к следующему:

Естественно присущее, неоспоримое для отечественной доктрины право на приватность своего изображения большинством платформ сегодня рассматривается как привилегия, как дополнительная опция, которую необходимо оплатить.

Опубликование изображения (фотографии, видео) пользователя при его загрузке в нейросеть становится общим правилом, действующим по умолчанию, тогда как хранение изображения гражданина, используемого в качестве исходного материала, а также сгенерированного на его основе контента в закрытом для неограниченного круга лиц хранилище становится возможным только на возмездной основе.

Иными словами, изначально имея техническую возможность скрывать исходные личные изображения (фотографии, видео), загружаемые пользователями при работе с нейросетями, владельцы ИИ-платформ формулируют условия пользовательских соглашений в одностороннем порядке таким образом, чтобы получать дополнительный доход.

5. Содержание рассмотренных пользовательских соглашений не дает прямого ответа еще на один важный вопрос – об отзыве гражданином своего согласия на использование изображения. Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении Пленума № 25 от 23.06.2015 года, ранее данное согласие гражданина на использование его изображения может быть отозвано в любое время, при этом лицо, которое обладало правом на использование данного изображения, может потребовать возмещения, причиненных ему таким отзывом убытков. Вместе с тем, практическая реализация данного права нам представляется затруднительной, если изображение гражданина или отдельные его элементы на момент отзыва уже были использованы в качестве обучающих данных и теоретически могли воспроизводиться при генерации новых объектов неограниченное число раз.

«17» июля 2026 года Советом Федерации был одобрен проект первого федерального закона об искусственном интеллекте № 1271570-8 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (принят Государственной Думой «08» июля 2026 года), закрепивший рамочные принципы правового регулирования в данной сфере, к числу которых законодателем были отнесены:

- обеспечение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина (п. 3 пункта 1 статьи 4);
- уважение автономии и свободы воли человека (пп.4 пункта 1 статьи 4);
- учет и уважение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение применения моделей искусственного интеллекта на основе таких ценностей, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, взаимопомощь и взаимное уважение (пп.6 пункта 1 статьи 4).

Предполагается, что большая часть норм указанного закона должна вступить в силу с «01» сентября 2026 года, а более детальное правовое

регулирование в целях развития основных положений федерального закона будет осуществляться подзаконными актами Правительства Российской Федерации.

Следуя проектируемым в законопроекте № 1271570-8 рамочным принципам, важно отметить необходимость дифференцированного подхода к правовому регулированию процесса использования изображений граждан при работе с ИИ-платформами.

Заключение.

Право гражданина на свое изображение является особым объектом правовой охраны в силу неразрывной связи с личностью, своей нематериальной природы, неотчуждаемости и непередаваемости. Изображение – один из главных атрибутов личности, раскрывающий уникальные характеристики человека и отличающий его от остальных лиц [13].

В свете только формирующейся нормативной базы в области искусственного интеллекта, нам представляется целесообразным обозначить некоторые направления совершенствования правового регулирования деятельности ИИ-платформ в части охраны изображений пользователей.

Контент, сгенерированный на основе личных изображений пользователей, подпадает под

особый правовой режим, что предполагает более активное участие гражданина и предоставление ему большей свободы в определении условий пользовательского соглашения.

Работая с функционалом ИИ-платформы, пользователь должен иметь возможность самостоятельно и по своему усмотрению определять способы использования личного изображения, на которые он дает согласие, в том числе запрещать использовать свой образ и сгенерированный на его основе контент для обучения нейросетей. Необходимо также закрепить в качестве обязанности владельца сервиса обеспечение технической возможности удаления изображения пользователя из открытых или закрытых репозиториях в случае отзыва последним согласия на использование своего образа.

При создании нейросетями производных продуктов (картинок, фотографий, голограмм, видео и др.) на основе личных изображений пользователей по умолчанию должен действовать режим приватности, в то время, как право размещения в общем доступе исходных материалов и сгенерированного на их основе личного контента, следует оставить за пользователем.

Обозначенные идеи могли бы, в частности, найти свое развитие в Типовых условиях пользовательского соглашения с ИИ-платформами, если таковые будут приняты на уровне подзаконного акта.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. С помощью ИИ уже создали свыше 15 млрд изображений // «Коммерсантъ». URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6184044> (дата обращения 19.07.2026).
2. Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1913.
3. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2015. Т. 1.
4. Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М. : Знание, 1991. EDN: TGCYYR
5. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург : УрГЮА, 1994.
6. Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. М. : Статут, 2019.
7. Аксенов Д.И. Соотношение нематериальных благ и персональных данных // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 4. DOI: 10.34076/22196838_2024_4_51 EDN: GKYBIP
8. Красавчикова Л.О. Личные неимущественные права граждан // Гражданское право : учебник : в 2 т. / Л.О. Красавчикова; Под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Статут, 2017. Т. 1. Гл. 9.
9. Пользовательское соглашение об использовании сервиса «GigaChat». URL : <https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat/agreement> (дата обращения 22.07.2026).
10. Условия использования сервиса «Шедеврум». URL : https://yandex.ru/legal/shedevrum_termsofuse/ru/ (дата обращения 22.07.2026).

11. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса «Kandinsky». URL : <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/promo/kandinskiy-terms/kandinskiy-terms-of-use.pdf> (дата обращения 22.07.2026).
12. Условия сервиса – русская документация «Midjourney». URL : <https://midjourney.su/article/usloviya-servisa> (дата обращения 22.07.2026).
13. Постановление Европейского Суда по делу «Реклос и Давурлис против Греции» от 15.01.2009 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 22.07.2026).

References:

1. Using AI, more than 15 billion images have already been created // «Kommersant». URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6184044> (date of application 19.07.2026).
2. Pokrovsky I.A. The Abstract and the Concrete Person in the Face of Civil Law. SPb. : Printing house of the partnership «Public Benefit», 1913.
3. Fleishits E.A. Selected Works on Civil Law : in 2 vol. M. : Statut, 2015. Vol. 1.
4. Maleina M.N. Protection of Personal Non-Property Rights of Soviet Citizens. M. : Znanie, 1991. EDN: TGCVYR
5. Krasavchikova L.O. The Concept and System of Personal Non-Property Rights of Citizens (Individuals) in the Civil Law of the Russian Federation. Yekaterinburg : Ural State Law Academy, 1994.
6. Ulbashev A.Kh. General Theory of Personal Rights. M. : Statut, 2019.
7. Aksenov D.I. The Relationship between Intangible Assets and Personal Data // Electronic Supplement to the «Russian Law Journal». 2024. № 4. DOI: 10.34076/22196838_2024_4_51 EDN: GKYBIP
8. Krasavchikova L.O. Personal Non-Property Rights of Citizens // Civil Law : textbook : in 2 vol. / L.O. Krasavchikova; Edited by B.M. Gongalo. 2nd ed., revised. and additional. M. : Statut, 2017. Vol. 1 Chapter 9.
9. User Agreement for the Use of the «GigaChat» Service. URL : <https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat/agreement> (date of application 22.07.2026).
10. Terms of Use for the «Shchedevrum» Service. URL : https://yandex.ru/legal/shchedevrum_termsfuse/ru (date of application 07/22/2026).
11. User agreement on the use of the Service «Kandinsky». URL : <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/promo/kandinskiy-terms/kandinskiy-terms-of-use.pdf> (date of application 07/22/2026).
12. Terms of service – Russian documentation «Midjourney». URL : <https://midjourney.su/article/usloviya-servisa> (date of application 07/22/2026).
13. Judgment of the European Court of Justice in the case «Reclos and Davurlis v. Greece» from 15.01.2009 // SPS «ConsultantPlus» (date of application 07/22/2026).

Информация об авторе

Булыгина Юлия Ярославовна

кандидат юридических наук,
доцент Высшей школы права,
Югорский государственный университет
ORCID iD: 0000-0001-8932-683X
y_bulygina@ugrasu.ru

Yulia Ya. Bulygina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Higher School of Law,
Yugra State University
ORCID iD: 0000-0001-8932-683X
y_bulygina@ugrasu.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-5>

УДК 343.13

Attribution

cc by

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСУДНОСТИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Исмаилов М.И.

Московский государственный юридический университет им. Кутафина

Аннотация. Цель статьи – систематизировать критерии определения территориальной подсудности по ИТТ-преступлениям и предложить практико-ориентированный алгоритм действий для следствия, прокурора и суда. Цифровой способ совершения преступлений (Интернет, мессенджеры, дистанционное банковское обслуживание) размывает традиционные критерии «места совершения преступления», что затрудняет определение территориальной подсудности и порождает споры о компетентном суде. На основе ст. 32 УПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (15.12.2022 № 37; 30.11.2017 № 48; 27.06.2023 № 22) предлагаются критерии выбора суда в делах о преступлениях, совершенных с использованием ИТТ, а также алгоритм локализации действий лица по цифровым следам. Выводы иллюстрируются примером из практики автора: хищение средств организации путем формирования платежных поручений в системе «Банк-клиент» и подтверждения операций по СМС-коду с последующим перечислением денег на подконтрольные счета.

Ключевые слова: подсудность, место совершения преступления, информационно-телекоммуникационные технологии, Интернет, дистанционное банковское обслуживание, мошенничество, безналичные денежные средства.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

DETERMINATION OF TERRITORIAL JURISDICTION IN CRIMINAL CASES OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Magamed I. Ismailov

Moscow State Law University named After Kutafina

Abstract. The purpose of the article is to systematize the criteria for determining territorial jurisdiction for ITT crimes and to propose a practice-oriented algorithm of actions for the investigation, the prosecutor and the court. The paper addresses territorial jurisdiction in criminal cases involving offences committed through ICT (Internet, messengers, remote banking). Relying on Article 32 of the Russian Criminal Procedure Code and the Supreme Court Plenum's guidance (15.12.2022 № 37; 30.11.2017 № 48; 27.06.2023 № 22), the author proposes criteria for locating the «place of crime» via digital traces and demonstrates them with a practical case of misappropriation through a remote banking system.

Keywords: territorial jurisdiction, place of crime, ICT, Internet, remote banking, fraud; non-cash funds.

Funding: Independent work.

Введение.

Рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, стал одним из ключевых вызовов

для уголовного судопроизводства. Для таких дел характерны «дистанционность» действий, использование мобильных устройств и распределение событий преступления между несколькими территориями (регион пребывания виновного,

© Исмаилов М.И.

место нахождения потерпевшего, банк, серверная инфраструктура).

Территориальная подсудность выступает не технической формальностью, а гарантийным институтом: неверное определение компетентного суда затрагивает конституционное право на рассмотрение дела законным судом и приводит к процессуальным издержкам (передача дела, отмена судебных решений, затягивание сроков).

Материалы.

Общее правило территориальной подсудности закреплено в ч. 1 ст. 32 УПК РФ: уголовное дело рассматривается по месту совершения преступления. Если преступление начато в одном месте, а окончено в другом, применяется ч. 2 ст. 32 УПК РФ (по месту окончания). При множественности эпизодов, совершенных в разных местах, действует ч. 3 ст. 32 УПК РФ (по месту совершения большинства преступлений либо наиболее тяжкого из них). Порядок передачи дела по подсудности и изменения подсудности раскрыт в ст. 34–35 УПК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 подчеркивает, что установленный законом порядок определения и изменения подсудности исключает произвольный выбор суда и гарантирует рассмотрение дела компетентным и беспристрастным составом. Следовательно, установление «места совершения преступления» приобретает доказательственное значение (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и должно быть мотивировано в обвинении и проверяемо судом на стадии подготовки к судебному заседанию.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 закрепило общий ориентир для преступлений, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет): местом совершения признается место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления. Пленум отдельно обращает внимание на то, что доступ к сети осуществляется, в том числе, с переносных устройств, что делает необходимым установление фактического местонахождения пользователя в момент совершения действий.

Для имущественных преступлений, где результат выражается в причинении ущерба, на практике долгое время спорным оставался вопрос о том, следует ли связывать территорию преступления с местом «нахождения» безналичных денег (банка) либо с местом действий виновного. Специальное разъяснение дано Постановлением Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 (в ред. 15.12.2022): мошенничество с безналичными денежными средствами считается оконченным с момента их изъятия с банковского счета владельца (причинения ущерба), а место совершения – как правило, место совершения действий, связанных с обманом или злоупотреблением

доверием и направленными на незаконное изъятие средств.

В п. 5.1 названного Постановления Пленума прямо указано, что территориальная подсудность дел о мошенничестве с безналичными денежными средствами определяется по месту совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие средств, а при наличии нескольких территорий – по правилам ч. 2–4 и 5.1 ст. 32 УПК РФ. Таким образом, современная модель Верховного Суда РФ строится на приоритете локализации действий виновного, а не технической инфраструктуры.

Обсуждение.

Правоприменительная практика показывает, что наибольшие сложности возникают в трех типовых ситуациях.

Во-первых, при «формальных» интернет-составах (публичные призывы, распространение запрещенной информации), где объективная сторона исчерпывается размещением/рассылкой сведений: подсудность определяется по месту, где лицо использовало устройство для размещения или рассылки [11].

Во-вторых, при дистанционных хищениях (звонки, мессенджеры, фишинг, удаленный доступ), где действия по обману и действия по списанию средств могут быть пространственно разнесены: ориентиром выступает место действий виновного, направленных на незаконное изъятие имущества (в том числе подтверждение перевода).

В-третьих, при многоэтапных схемах, когда отдельные элементы объективной стороны совершены на разных территориях: применяется ч. 2 ст. 32 УПК РФ (по месту окончания – последнего действия), а при множественности эпизодов – ч. 3 ст. 32 УПК РФ.

Обсуждение. Результаты.

Практический алгоритм установления подсудности в ИТТ-делах может быть сформулирован следующим образом:

- 1) определить состав и выделить действия, образующие объективную сторону;
- 2) установить территорию каждого действия по цифровым следам (IP-адреса и журналы входов, идентификаторы устройств, данные базовых станций и детализация соединений, логи банковских систем, сведения о доставке и подтверждении СМС-кодов);
- 3) если действия совершены на разных территориях – применить ч. 2 ст. 32 УПК РФ (место окончания) либо ч. 3 ст. 32 УПК РФ (большинство/наиболее тяжкое);
- 4) обеспечить отражение выбранного критерия в обвинении и возможность его проверки судом;

5) при выявлении ошибки использовать механизм передачи дела по подсудности (ст. 34 УПК РФ) либо, при наличии оснований, изменения подсудности (ст. 35 УПК РФ).

Переориентация подсудности на место совершения действий в сети неизбежно делает центральным вопрос доказывания такой «локализации». Если для традиционных составов место преступления часто следует из обстановки и материальной обстановки события, то в ИТТ-делах оно устанавливается через цифровые следы. При этом место совершения преступления продолжает входить в предмет доказывания как элемент события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), а значит, должно подтверждаться допустимыми и относимыми доказательствами.

К ключевым источникам сведений о месте действий относятся:

а) журналы и метаданные информационных систем (IP-адреса входа, время сессий, идентификаторы устройств, сведения о браузере/ОС, токены);

б) данные операторов связи (номера и координаты базовых станций, обслуживавших абонентское устройство в момент соединения);

в) банковские логи дистанционного обслуживания (входы в «Банк-клиент», сведения о доставке и подтверждении одноразовых паролей, последовательность операций);

г) данные из изъятых устройств (история подключений, геолокация, переписка, кэш приложений) [9].

Практически значимым является сопоставление разнородных источников: например, IP-адрес и время входа в систему «Банк-клиент» соотносятся с детализацией оператора связи и данными геолокации мобильного устройства.

Процессуальная форма получения и фиксации таких сведений также влияет на их доказательственное значение. Сведения банка и операторов связи, как правило, поступают в виде документов и могут приобщаться к делу как «иные документы» (ст. 84 УПК РФ), однако, в зависимости от способа получения, применимы также выемка и осмотр документов и электронных носителей. Для получения у оператора связи сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами предусмотрено специальное следственное действие (ст. 186.1 УПК РФ), осуществляемое по судебному решению (ст. 165 УПК РФ). Именно эта процессуальная конструкция позволяет законно получить данные о базовых станциях и тем самым «привязать» абонентское устройство к территории.

На стадии направления дела в суд важно избегать безальтернативной формулировки «находясь в неустановленном месте» там, где локали-

зация объективно возможна. Если же установить место совершения действий не удалось, в обвинении целесообразно мотивировать, какие меры были приняты для установления территории (запросы, осмотры, экспертизы), какие сведения получены и почему выбран конкретный «замещающий» критерий подсудности. Такой подход повышает проверяемость выводов, снижает риск передачи дела по подсудности уже в суде и соответствует гарантийной природе института подсудности.

В моей адвокатской практике встречалось уголовное дело, в котором ключевым оказался именно вопрос территориальной подсудности (данные обезличены). Генеральный директор коммерческой организации К. оформил на супругу Н. доверенность с полномочиями дистанционного управления расчетным счетом организации и предоставил ей доступ к системе «Банк-клиент». Подтверждение операций осуществлялось одноразовыми СМС-кодами, поступавшими на номер телефона, находившийся в пользовании Н.

В последующем Н., используя полученный доступ и злоупотребляя доверием, сформировала и подписала платежные поручения на перечисление денежных средств со счета организации на подконтрольный ей счет. В назначении платежа отражались сведения о работах/услугах, фактически не выполнявшихся. По делу было установлено несколько эпизодов списания денежных средств (в том числе переводы по 120000 руб.). Потерпевший описывал ситуацию предельно просто: «она переводила деньги на свои нужды».

Сложность заключалась в том, что в обвинении было указано: точное место, где Н. использовала устройство для входа в «Банк-клиент», формирования и подтверждения платежных поручений, в ходе расследования не установлено. При этом банк и потерпевшая организация находились на территории одного субъекта РФ. Возник спор: считать ли территорией преступления место нахождения банка/счета (как место списания средств и причинения ущерба) или добиваться установления места нахождения Н. в момент совершения действий в системе.

С учетом разъяснений Пленума ВС РФ (№ 37; № 48), приоритетным является установление территории совершения действий виновного. Поэтому для правильного решения вопроса о подсудности в подобных делах принципиально важно получать у банка сведения о времени и IP-адресах входа в систему, об устройствах и каналах подтверждения операций, а также данные оператора связи о местонахождении абонентского номера (базовые станции) в соответствующие даты и время. Именно эти материалы позволяют обосновать место совершения действий, входящих в объективную сторону, и тем самым — законный суд [13].

Ключевая практическая проблема – случаи, когда локализовать место совершения действий в сети объективно невозможно (утрата логов, использование средств анонимизации, недостаточность данных у оператора связи). В такой ситуации правоприменитель фактически вынужден выбирать «замещающий» критерий, чаще всего ориентируясь на место списания средств со счета потерпевшего либо место открытия счета, что позволяет хотя бы обеспечить проверяемость вывода о подсудности. Представляется, что выбранная привязка должна быть прямо мотивирована в обвинении и подтверждена документально (материалами банка), иначе возрастает риск последующей отмены судебных актов из-за нарушения подсудности.

ИТТ-преступления нередко носят серийный характер и охватывают эпизоды в разных субъектах РФ. В этих случаях значение приобретает ч. 3 ст. 32 УПК РФ, а также разъяснение Пленума № 22: если прокурор направил дело в суд с соблюдением одного из альтернативных правил (например, по месту совершения большинства эпизодов), передача дела на основании другого альтернативного правила той же нормы не допускается [15]. Дополнительным «стабилизатором» является ч. 2 ст. 34 УПК РФ: если суд уже приступил к разбирательству и установил подсудность другому суду того же уровня, он вправе (с согласия подсудимого) оставить дело в своем производстве.

Для снижения правовой неопределенности *de lege ferenda* (законодательное предположение)

возможно обсуждение точечного дополнения ст. 32 УПК РФ резервным правилом на случай, когда место совершения действий в сети не может быть установлено даже при принятии исчерпывающих мер. В качестве таких критериев могут рассматриваться место обнаружения признаков преступления либо место окончания предварительного расследования. Подобная норма не отменяла бы приоритет «места действий», но позволила бы единообразно решать дела, где цифровые следы по объективным причинам недоступны.

Заключение.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ последних лет сформировали единый ориентир для определения территориальной подсудности по ИТТ-преступлениям: ключевым является место совершения действий, входящих в объективную сторону, в том числе совершенных дистанционно с использованием мобильных устройств. Для мошенничеств и иных хищений безналичных денежных средств эта логика дополнительно закреплена в Постановлении Пленума № 48.

Практика показывает, что правильное решение вопроса о подсудности в значительной степени зависит от качества собираемых цифровых доказательств, позволяющих локализовать действия пользователя (банковские журналы, IP-данные, сведения операторов связи). Устранение «слепых зон» при невозможности установить место совершения действий в сети требует дальнейшего развития судебной практики и обсуждения точечных законодательных изменений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате *double-blind peer review* (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the *double-blind peer review* format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей редакции).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. постановления Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 38).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела».
7. Архипов А.В. Проблемы определения места совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2016. № 3. С. 4–10. EDN: WHWTNV
8. Бадзгардзе Г.Д. Вопросы установления места совершения мошенничества, осуществленного с использованием информационных технологий: криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты //

- Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19. № 2. С. 156–164. DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-2-156-164 EDN: DYEXOW
9. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69. DOI: 10.17223/23088451/13/12 EDN: PJCJXL
10. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7. С. 74–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084 EDN: JZBDUT
11. Довгань М.А. Уголовные дела о мошенничестве, связанном с хищением безналичных денежных средств: вопросы подсудности и подследственности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 1. С. 67–71. DOI: 10.34076/22196838_2022_1_67 EDN: BICHVO
12. Дорошева А.А. Электронные «доказательства» в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Право и практика. 2019. № 4. С. 203–208. EDN: RAVFWA
13. Корешников Д.С. Проблемы определения территориальных подследственности и подсудности «дистанционных» преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3(42). С. 162–166. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-162-166 EDN: AOQKYS
14. Мещерский А.С. Определение места совершения хищения денежных средств с использованием безналичных расчетов / А.С. Мещерский, В.С. Дрокин, Д.Ю. Карпенко // Законность. 2016. № 10. С. 58–60. EDN: XAAGCN
15. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Lex Russica. 2017. № 3. С. 141–153. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.141-153 EDN: YJGGTF
16. Степанова М.А. Проблемы определения места совершения хищения денежных средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / М.А. Степанова, Е.В. Царев // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 12–16. EDN: COYGXC

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended).
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, № 63-FZ (as currently amended).
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, № 174-FZ (as currently amended).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/15/2022 № 37 «On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet».
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/30/2017 № 48 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» (as amended by Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/15/2022 № 38).
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/27/2023 № 22 «On the application by Courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the jurisdiction of a criminal case».
7. Arkhipov A.V. Problems of Determining the Place of Commission of Fraud Involving Non-Cash Funds // Criminal Law. 2016. № 3. P. 4–10. EDN: WHWTNV
8. Badzgaradze G.D. Issues of Establishing the Place of Commission of Fraud Committed Using Information Technologies: Forensic and Criminal Procedure Aspects // Siberian Legal Review. 2022. Vol. 19. № 2. P. 156–164. DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-2-156-164 EDN: DYEXOW
9. Baranov A.M. Electronic Evidence: An Illusion of the 21st-Century Criminal Process // Criminal Justice. 2019. № 13. P. 64–69. DOI: 10.17223/23088451/13/12 EDN: PJCJXL
10. Voronin M.I. Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: to be or not to be? // Lex Russica. 2019. № 7. P. 74–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084 EDN: JZBDUT
11. Dovgan M.A. Criminal cases involving fraud related to the embezzlement of non-cash funds: issues of jurisdiction and investigative competence // Electronic supplement to the «Russian Legal Journal». 2022. № 1. P. 67-71. DOI: 10.34076/22196838_2022_1_67 EDN: BICHVO
12. Dorosheva A.A. Electronic «evidence» in criminal proceedings of the Russian Federation // Law and Practice. 2019. № 4. P. 203–208. EDN: RAVFWA
13. Koreshnikov D.S. Problems of determining territorial jurisdiction and venue for «remote» crimes // Law and Order: History, Theory, Practice. 2024. № 3(42). P. 162–166. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-162-166 EDN: AOQKYS
14. Meshchersky A.S. Determining the location where a theft of funds was committed using non-cash payments / A.S. Meshchersky, V.S. Drokin, D.Yu. Karpenko // Legality. 2016. № 10. P. 58–60. EDN: XAAGCN
15. Stelmakh V.Yu. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices // Lex Russica. 2017. № 3. P. 141–153. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.124.3.141-153 EDN: YJGGTF
16. Stepanova M.A. Problems of determining the location where the theft of funds was committed using information and telecommunications technologies / M.A. Stepanova, E.V. Tsarev // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2021. № 1. P. 12–16. EDN: COYGXC

Информация об авторе

Исмаилов Магамед Исмаил оглы

аспирант,

Московский государственный

юридический университет им. Кутафина (МГЮА);

адвокат,

КА «Московский юридический центр»

advocateimi@mail.ru

Magamed I. Ismailov

Graduate Student,

Moscow State Law University

named After Kutafina (MGUA);

Lawyer,

Moscow Law Center

advocateimi@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.04.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.07.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-7>

УДК 342

Attribution

cc by

ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Кокина М.Н.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аннотация. В статье исследована проблема соотношения конституционно-правовых традиций и инноваций в современных социальных системах, когда конституционализм от моноцивилизационного (западного) этапа развития перешел к этапу полицивилизационного развития, охватив более 200 стран планеты из разных цивилизаций. В условиях глобализации происходит нарастающий социальный обмен достижениями человечества, в том числе, в социально-правовой, конституционно-правовой сферах. Для отдельных стран и цивилизаций основу составляет их правовая традиция, а инновации представляют те новшества в конституционно-правовых системах, которые постоянно возникают в процессе развития и которыми идет обмен между социально-правовыми системами разных стран и цивилизаций. Такие инновации могут быть как адекватными, так и неадекватными по отношению к конституционно-правовым традиционным основам принимающего социума (страны-реципиента). В этой связи, в процессе социально-правового обмена требуется экспертный анализ содержания инокультурных инноваций-заимствований (как правовых рецепций) на предмет их соответствия существующей конституционной традиции принимающего социума.

Ключевые слова: конституционно-правовая система, конституционализм: моноцивилизационный и полицивилизационный этапы развития, конституционно-правовые традиции, конституционно-правовые инновации (адекватные и неадекватные), конституционно-правовые заимствования.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TRADITIONS, INNOVATIONS, AND BORROWINGS IN CONSTITUTIONALISM IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATIONS

Maria N. Kokina

Moscow State Law University named After Kutafina

Abstract. This article examines the relationship between constitutional and legal traditions and innovations in modern social systems, where constitutionalism has transitioned from a single-civilization (Western) stage of development to a multi-civilization stage, encompassing more than 200 countries across the globe from diverse civilizations. In the context of globalization, there is an increasing social exchange of human achievements, including in the socio-legal and constitutional-legal spheres. For individual countries and civilizations, their legal tradition forms the foundation, while innovations represent those new developments in constitutional and legal systems that constantly emerge during the development process and are exchanged between the socio-legal systems of different countries and civilizations. Such innovations can be both adequate and inadequate in relation to the traditional constitutional and legal foundations of the host social system (recipient country). In this regard, in the process of socio-legal exchange, an expert analysis of the content of foreign cultural innovations-borrowings (as legal receptions) is required for their compliance with the existing constitutional tradition of the receiving social system.

Keywords: constitutional and legal system, constitutionalism: mono-civilizational and poly-civilizational stages of development, constitutional and legal traditions, constitutional and legal innovations (adequate and inadequate), constitutional and legal borrowings.

Funding: Independent work.

Введение.

В настоящее время динамично изменяющаяся международная политическая повестка и как следствие наша отечественная, способствует поиску новых путей развития России.

Вновь ставятся важными такие исследовательские задачи, как поиск нашей отечественной уникальности и одним из таких источников в российском конституционализме является конституционная традиция и уже имеется возможность изучить ее на основе полученного практического и теоретического опыта. А также возникают вопросы о связи конституционной традиции с конституционно-правовыми нововведениями — новациями и инновациями. Ставятся вопросы изучения процессов и механизмов трансляции конституционно-правового опыта в современных формах и видах конституционализма между разными странами и цивилизациями [18].

Возрастает исследовательский интерес к соотношению в праве традиций и нововведений, к изучению механизмов реального влияния права и конституционализма на современную общественную жизнь и на возможное будущее России.

Целью данной статьи является рассмотрение современных теоретических аспектов взаимосвязи конституционной традиции и нововведений, вопросов заимствования конституционно-правовых элементов правовыми системами разных стран и возможных результатов такого заимствования.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: системно-диалектическая методология, цивилизационный и аксиологический подходы, компаративистский метод, а также методы взаимосвязи исторического и логического, анализа и синтеза результатов исследований других авторов по обозначенной теме.

Обсуждение. Результаты.

Как известно, в начале 90-х годов XX века в нашей стране произошли кардинальные политико-правовые изменения. Прекратил существование Советский Союз, образовалась группа новых стран — СНГ, где крупнейшей стала Российская Федерация. В 1993 г. была принята Конституция Российской Федерации 1993 года, которая была связана с новой формой российского конституционализма и трансформированной организацией жизни всего общества. Обозначился очень значимый для судьбы страны переходный период, который во многом совпал по времени с глобальными переходными процессами на пути всеобщей глобализации социальной жизни.

Среди правоведов, специалистов по конституционному праву того времени возникли серьезные дискуссии о том, по какому пути пойдет наша страна в дальнейшем. Высказывались разные точки зрения: или выбрать западный либераль-

но-демократический путь, или опираться только на собственную социально-правовую традицию, или же избрать некий конвергентный путь совмещения традиции и инноваций [7]. Преобладающей оказалась третья точка зрения, определившая значительные трансформации российского права и конституционализма в конце XX — начале XXI веков.

Мы солидарны с мнением М.Н. Марченко о том, что типология государств и правовых систем может проводиться не только на формационной, но и на цивилизационной основе. Межтиповое, переходное состояние государства и права как объективно существующее явление сохраняется в любом случае, независимо от того, как типы государства и права и само их переходное состояние понимаются или как они называются [16]. Ведь формационный подход — это всего лишь концептуально-теоретическая схема и логика бытия одной цивилизации [8]. А социально-культурных миров в социуме, как известно, значительное число (труды Н.Я. Данилевского, А. Тойнби др.) [4; 20].

В связи с нарастанием сложности современных переходных процессов и социально-правовых проблем в рамках отдельных государств и в глобальных масштабах, вновь актуализировалась проблема традиций и инноваций в праве и конституционализме, связанная с цивилизационным подходом к проблеме. А поскольку в эпоху глобализации, активных социально-политических и социально-правовых перемен осуществляется широкий обмен между странами на всех уровнях бытия — социально-экономическом, социально-культурном, социально-правовом и т.д., то вопросы взаимодействия самобытного, традиционного и инокультурного в конституционно-правовой сфере встали довольно остро.

Возникли фундаментальные вопросы о соотношении традиций, новаций, инноваций и их межцивилизационных заимствований, как в социокультурном плане в целом, так в культурно-правовой и конституционно-правовой сферах. Проведенное автором статьи исследование соотношения данных феноменов показало следующее.

Традиции — это базисные свойства общества и его ядра, формирующиеся еще в истоках становления общественной системы и являющиеся стержнем всего ее дальнейшего существования, развития, обновления.

Новации — новые приобретенные видоизменения в обществе на базе традиций, закономерные и необходимые в новых изменяющихся условиях существования такого общества (например, встраивание с социальную культуру достижений собственной духовной и научно-технической жизни).

Инновации — принципиально новые видоизменения системы, не связанные с ее традиционным стержнем (например, особые постмодернистские

течения в культуре, нетрадиционные молодежные субкультуры). Но со временем часть из инноваций – эвристические инновации (ноу-хау) – могут не только значительно обновлять систему, но и согласовываться с ее традицией (допустим, молодежные волонтерские движения, приобщенные к общей культуре; новые компьютерные технологии, улучшающие жизнь). Другие же чужеродные инновации, так и не согласующиеся с традицией, продолжают действовать несопоставимо с традицией, становятся ее антиподами (например, инновационные социальные практики, нарушающие баланс жизни людей – миграционные потоки, распространение практики микрозаймов).

Иными словами, если новации в целом формируются в русле традиций и не противоречат им, то инновации могут быть как адекватными традициям, так и неадекватными им. Указанные соотношения традиций и инноваций прослеживаются и в более частных планах – в социально-правовой сфере и в конституционализме.

С одной стороны, цивилизационным базисом общества является ее традиция, а с другой стороны – экстраполяция пути развития общества к желаемому будущему формирует его идеал.

В этой связи, путь, идущий от истоков социально-культурной традиции к социально-культурному идеалу обозначает общую стратегию жизни определенной цивилизации, в том числе, российской цивилизации. Если в российской традиции основы представлены общинностью, общим делом, духовным единением, созидательно-трудовым и духовно-нравственным отношением к жизни, то и идеал существования российской цивилизации оказывается аналогичным – созидательным [4; 13; 15].

На основе традиционного взгляда на российскую цивилизацию, на стратегию жизни в ней, а также, опираясь на социально-правовые основы общества, можно предложить следующий идеал правового управления обществом (макросоциальной системы российского государства).

Идеал российской антропосоциальной жизни – это достижение стабилизации, баланса общественной жизни; узаконивание и правовое регулирование тех социальных институтов и общественных отношений, которые несут устойчивость, достаточный и необходимый уровень жизни народа для его самовоспроизводства и культурного развития, для постоянного воспроизводства коренного населения, его социально-культурных благ, для поддержания духовно-культурного и телесного здоровья населения за счет развитых систем образования, общественного здравоохранения, социального обслуживания, новых экологических технологий, а также постоянного воспроизводства здоровой природной окружающей среды и здоровой социальной среды существования людей – достойных представителей своего народа, граждан страны.

В своей совокупности, социально-правовая традиция и идеал жизни страны формируют вполне определенный вектор ее движения к высокой цели, или стратегию социально-правовой государственной жизни, которая, в том числе, отражается в конституционализме. Поэтому вполне правомерно то, что ряд специалистов – теоретиков права, уделяет большое внимание роли отечественных правовых традиций в жизни страны.

Основа данного подхода заложена еще русскими учеными – теоретиками права и цивилистами конца XIX – начала XX века, Это: К.Н. Анненков, К.Д. Кавелин, Н.М. Коркунов, Д.И. Мейер, К. Малышев, С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич и др.

В настоящее время в отечественной науке природа правовой традиции, ее специфика, содержание и роль в социально-правовых отношениях (с разных позиций) также довольно широко исследуются в трудах таких специалистов, как К.В. Арановский, В.В. Гончаров, А.А. Дорская, В.И. Лафитский, Г.В. Мальцев, А.Н. Медушевский, В.С. Нерсисянц, С.Ю. Поярков, В.П. Сальников, В.И. Червонюк, Т.В. Шатковская и др. [2; 5; 14; 18; 19; 22; 23 и др.].

Наработан уже достаточно большой пласт исследований, посвященных определению и специфике правовой традиции, который широко представлен, например, в обзоре Д.А. Вовк, монографии Г.В. Мальцева [3; 15].

Так, по мнению М.Н. Марченко, правовая традиция – это глубоко укоренившиеся, исторически обусловленные представления людей о природе и характере действующих правовых норм, о роли права в жизни общества и политической системе, о процессах его формирования, реализации и способах изучения [17, с. 422].

Таким образом, правовая и конституционно-правовая традиция (с момента появления государственности) – это базисная линия социального устройства и социально-правового управления страной (с определенным цивилизационным кодом), которая отвечает коренным ценностям и интересам жизнеобеспечения народа, соответствует стратегии его сбалансированного, здорового существования на пути претворения в жизнь лучших социокультурных идеалов. А правовая и конституционно-правовая инновация – это такое нововведение в правовой и конституционно-правовой сфере, которое изначально не связано с соответствующей традицией, со временем может стать адекватным традиции и влиться в нее, или, напротив, оказаться неадекватным правовой традиции и тормозить продвижение общества по его стратегическому пути. Отметим, что в связи с развитием современных глобальных и переходных процессов, между странами нарастают взаимопроникновения и взаимообмены во всех сферах жизни, в том числе в правовой и конституционно-правовой.

Соответственно, в течение десятилетий происходят многочисленные заимствования, в виде инноваций, в социально-правовой и конституционно-правовой сферах. Но надо четко понимать, что такие правовые инновации могут быть, как адекватными и созидательными, так и неадекватными – стагнирующими (тормозящими) или разрушительными. В связи с этим встает ряд важных вопросов о необходимости научной и экспертной оценки происходящих инкультурных межкультурных правовых заимствований в конституционно-правовой сфере.

Проведенные автором статьи исследования показали, что конституционализм в своей истории прошел два основных этапа [10; с. 355]. Первый этап (XVII – XIX века) – моноцивилизационный, западный, который связан с развитием конституционализма в западных государствах, с определенными страновыми особенностями. Второй этап (XX – начало XXI веков) – полицивилизационный, когда конституции были приняты более чем в 200 странах разных цивилизаций (к началу XXI века) [21].

В результате, современный конституционализм стал полицивилизационным. Сформировались конституции разных стран с разными цивилизационными основами, построенными на собственных эндемичных традициях.

Соответственно, современный полицивилизационный этап развития конституционализма отражает происходящие между странами множественные инкультурные, межкультурные заимствования, которые для принимающих (эти заимствования) стран являются инновациями. В то же время, как уже указывалось, межкультурные инновации могут быть, как адекватными (если цивилизационные основы стран сходные), так и неадекватными (если цивилизационные основы стран не совпадают или противоположны друг другу). Также важно отметить, что главные научно-теоретические достижения во всех сферах жизни, в том числе, в праве, начиная с Нового времени, внесли две цивилизации – западная и российская. Остальные же цивилизации, или не воспринимали эти достижения, или оказались их активными пользователями.

Поэтому главные цивилизационные закономерности в развитии права и конституционализма следует выявлять именно в западной и российской цивилизациях [4; 5; 8; 14; 15].

Автор статьи, используя результаты исследований о том, что существуют противоположные типы социального устройства – либеральный (характерный для западной цивилизации) и патерналистский (присущий российской цивилизации) [6; 9], выделил два типа современного конституционализма.

Это:

1) либеральный конституционализм разделенного элитарно-массового общества (характерный для западной цивилизации);

2) патерналистский конституционализм консолидирующегося общества (характерный для восточной, в том числе, российской цивилизации).

Либеральный конституционализм (от лат. термина «liber» – свобода, воля) означает освобождение, свободу властных структур от жизненно важных обязательств перед населением по обеспечению оптимальной, здоровой организации жизни своего народа) – это парциальный конституционализм в обществе, который опирается на принципы относительно устойчивого (константного) политико-правового управления в поляризованном, элитарно-массовом обществе и использует право силы и манипуляции, что, в итоге, приводит к процессам деградации и конфликтам в обществе. Когда самообогащение таких элит выходит за пределы собственной страны в международное пространство, то формируются так называемые страны-метрополии и зависимые от них колониальные и неоколониальные страны. На этой основе на международно-глобальном уровне выстраиваются стратегии однополярного мира.

Патерналистский конституционализм (от лат. термина «pater» – отец, что означает заботливое, отеческое отношение к своему народу) – это холистический общенародный, или народно-демократический конституционализм конструктивного общества, который опирается на принципы относительно устойчивого (константного) политико-правового управления в иерархически организованном консолидированном обществе, где правящие структуры характеризуются справедливым служением своему народу на основе силы права, которое направлено на здоровое развитие и укрепление всего общества как системной целостности. На международно-глобальном уровне управления здесь открывается путь к многополярному миру.

Если теперь принять разные цивилизационно-правовые основания конституционализма (которые сегодня пронимают в разные страны мира), то получается, что инновации, идущие от конституционализма иной цивилизации, могут оказаться неадекватными для страны, их аккумулирующей. Если же инновации идут от сходных цивилизационных видов конституционализма, то они вполне могут быть адекватными и полезными. Соответственно, необходима экспертная научно-теоретическая и прикладная оценка приходящих в страну извне инноваций.

В правоведении, в связи с данной актуальной проблемой, разработан специальный категориальный аппарат, необходимый для более глубокого исследования, постоянно происходящих в настоящее время, заимствований, как инноваций. Такие заимствования, инновации в социально-правовой сфере (передаваемые в правовые системы разных стран) представляют собой элементы, компоненты права – правовые, конституционно-правовые нормы, статьи, части законов, конституционно-правовые идеи и т.п., ко-

торые способны определенным образом изменять определенный вид конституционализма, конституционное или общее право страны. А именно, здесь применяются такие понятия, как «правовые и конституционно-правовые рецепции» [1; 12:]. Это не что иное, как инновации, воспринятые определенной страной. Тогда страну, ассимилирующую конституционно-правовые рецепции, мы можем обозначить как «правовой реципиент». С другой стороны, та страна или цивилизация, которая передает свои инновации для заимствования, предстает как «правовой донор» [12]. А инновации, которые она передает, являются тем, что можно обозначить как «правовые донации». Тогда сам процесс передачи правовых донаций от страны-донора можно обозначить как правовое донорство. А процесс восприятия правовых донаций, в виде правовых рецепций, страной-реципиентом, можно обозначить как правовое рецепторство [12].

В целом постоянно идут процессы социально-правового обмена элементами и компонентами права, способами, в той или иной мере, изменять правовое содержание страны-реципиента (в разных направлениях, как ухудшения-разрушения, так и улучшения-развития) [11]. В таких обменных процессах происходит следующее. Субъект «правовой донор» передает свою донацию субъекту «правовому реципиенту». При этом правовая донация (от страны-донора) превращается в правовую рецепцию (для страны-реципиента). Взаимосвязанно происходят процессы правового донорства и правового рецепторства.

С учетом существования в современном обществе полицивилизационного конституционализма, в исследовательском плане представляет интерес анализ и оценки, с одной стороны, цивилизаций и стран-реципиентов, а с другой — цивилизаций и стран-доноров. По нашему мнению, можно предложить следующую типологию.

Среди стран — правовых реципиентов можно выделить самостоятельные и несамостоятельные правовые субъекты.

Самостоятельный правовой реципиент — страна, обладающая достаточной степенью самостоятельности и собственной социальной и правовой силой, которая осознанно изучает, отбирает позитивный правовой опыт от других стран (которые при этом выступают как правовые доноры) и из международной правовой среды, выборочно заимствуя этот опыт для собственного саморазвития и совершенствования, без нарушения и разрушения традиционности своей страны-реципиента. В целом это осознанная самостоятельная правовая рецепция, поскольку при этом страна — правовой рецептор — воспринимает инновации вполне осознанно, избирательно, определяет их возможную эффективность и значимость для права, конституции и конституционализма страны. Если инновация в целом негативно воздействует на право страны-

реципиента, исчезает смысл аккумулировать данную рецепцию в право принимающей страны. В случае же позитивного воздействия определенной инновации на создающие правовые процессы государства, она подвергается рецепции и встраивается в право государства как новая часть, новый элемент, новый концепт, новая идея, новая норма и пр., но которые затем подлежат обязательному согласованию с традиционной правовой системой страны и проверке временем.

Несамостоятельный правовой реципиент — страна, не обладающая достаточной степенью самостоятельности и собственной социальной и правовой силой, которая безропотно воспринимает правовые рецепции без должной экспертной оценки на предмет того, как они в итоге повлияют на конституционно-правовую структуру государства и на жизнь страны в целом. При этом возникают высокие риски того, что аккумулированные рецепции могут вызвать негативное воздействие на политико-правовую систему и на жизнь страны.

Дальнейшее исследование привело нас к мнению о том, что цивилизации и страны — правовые доноры также не являются однородными. По степени воздействия доноров на страны-реципиенты, мы можем выделить несколько основных групп. Это:

1) содружественное, комплементарное правовое донорство, основное содержание которого состоит в позитивном обмене наилучшим опытом государственно-правового строительства и развития, передаваемом стране-реципиенту, как правило, со сходными традициями и правовой культурой;

2) агрессивно-захватническое, альтернативное правовое донорство, преследующее цели усиления зависимости страны-реципиента от страны-донора или порабощения стран-реципиентов странами-донорами;

3) манипулятивное (псевдосодружественное) правовое донорство, применяемое в случаях, когда открыто внедрить в правовые системы стран-реципиентов неадекватные инновации-рецепции сложно или даже невозможно в связи с рядом обстоятельств — тогда внедрение происходит обманным путем, под видом дружественного;

4) конкурентное правовое донорство в отношении сопоставимых по силе аналогичных стран-конкурентов с целью сохранения лидирующего положения страны-донора в сообществе наиболее сильных, порой агрессивных государств; при этом здесь также широко используются разнообразные методы манипуляции правосознанием, правовой и экономической политикой, идеологией стран-конкурентов.

Заключение.

Таким образом, в глобальных масштабах современный полицивилизационный этап развития конституционализма связан с высокой динамикой социально-правовых и конституционно-правовых процессов на уровне отдельных стран мира в целом по стратегиям однополярного или многополярного мира.

Встают важные теоретико-правовые и практические проблемы выявления соотношений традиционных оснований разных правовых систем и их конституционализма, социально-правовых инноваций и многочисленных заимствований инноваций разными социумами в виде элементов конституционного права.

С указанных позиций, правовые традиции – это цивилизационно-правовой фундамент жизни социума; возникающие социально-правовые инновации весьма разнообразны, могут быть адекватными, или неадекватными правовым традициям определенного социума, в связи с чем многообразные инновационные заимствования требуют всестороннего анализа на предмет их содержательного соотношения с традицией.

В целом мы считаем, что современный российский конституционализм может устойчиво развиваться на основе реализации отечественных традиций патернализма в праве и социальном управлении (закрепленных в конституции), одновременно ассимилировать в себе лучший передовой опыт солидарного, содружественного развития, отраженный в конституциях других стран и в международном праве, при этом критически относиться к тем правовым инновациям-донациям, которые ослабляют потенциал и целостность страны.

В условиях глобальных трансформаций в обществе XXI века, не имевших аналогов в прошлой истории, когда в мире необходима выработка принципиально новых путей сохранения здорового социально-природного существования, обобщенный позитивный опыт российской цивилизации, ее правовой культуры и конституционализма может иметь важное позитивное международное и глобальное значение для достижения баланса общественной жизни.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Аничкин Е.С. Виды рецепции в Российском конституционализме / Е.С. Аничкин, М.Н. Кокина // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5(84). С. 125–127. EDN: TVUFYZ
2. Арановский К.В. Конституция как государственно-правовая традиция и условия ее изучения в российской правовой среде // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 1. С. 41–50. EDN: TKSPIT
3. Вовк Д.А. Правовая традиция как феномен правовой системы // PolitBook. 2012. № 4. С. 171–181. EDN: QBLFZV
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Известия, 2003. 607 с.
5. Дорская А.А. Основные этапы формирования государственно-правовой традиции в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2. С. 31–36. EDN: VUTJVJ
6. Ивин А.А. Философия истории : учебное пособие. М. : Гардарики, 2000. 528 с.
7. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 томах (10 книгах) / Под общ. ред. канд. юрид. наук. О.Г. Румянцева. М. : Волтерс Клувер, Фонд конституционных реформ, 2007–2010.
8. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. : монография / Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М. : Наука, 1983. 296 с.
9. Либерализм и патернализм – основы либеральной и патерналистской стратегий, альтернативно воздействующих на жизнь населения / Б.Н. Кагиров [и др.] / Семья в XXI веке: проблемы и перспективы: Сб. статей II Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2019. С. 24–34. EDN: ENSSWM
10. Кокина М.Н. Конституционализм: статика и динамика концепта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2026. Т. 12. № 2. С. 352–358. DOI: 10.29039/2413-1733-2026-12-2-352-358 EDN: RVIJFF
11. Кокина М.Н. Конституционный традиционализм и антитрадиционализм в системе российского права и правового образования // Философия образования // Filosofia-obrazovania = Философия образования. 2019. Т. 19. № 3. С. 85–100. DOI: 10.15372/PHE20190306 EDN: ZMCVZC

12. Кокина М.Н. Правовое рецепторство и правовое донорство в конституционализме государств в условиях глобализации: социально-философский и образовательный аспекты // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. № 4(35). С. 3224–3233. DOI: 10.15372/PEMW20190409 EDN: AZTTZL
13. Кокина М.Н. Проблема сохранения отечественных традиций в конституционной и правовой культуре России // Вестник Института развития ноосферы. 2019. № 7(9). С. 48–81. EDN: WBDYSK
14. Лафитский В.И. О правовом наследии России и его возрождение в борьбе за право. М. : Юстицинформ, 2018. 108 с.
15. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 607 с.
16. Марченко М.Н. Государство и право переходного типа. § 3. Теория государства и права. М. : МГУ; Проспект, 2000. URL : <https://uchebnik.biz/book/263-teoriya-gosudarstva-i-prava>.
17. Марченко М.Н. Источники права. М. : ТК Велби : Проспект, 2005. 759 с. ISBN: 5-98032-926-9 EDN: QWBFPP
18. Поярков С.Ю. Конституционная идентичность и идеологические парадигмы в национальных конституциях: между традицией, универсализмом и трансформацией / С.Ю. Поярков, В.В. Гончаров // Право и политика. 2025. № 8. С. 71–89. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.8.75291 EDN: YEKFNG
19. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социокультурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 47–66. EDN: TAIPFH
20. Тойнби А. Постигание истории = A study of history: Избранное / А. Дж. Тойнби; Пер. с англ. Е.Д. Жаркова; Под ред. В.И. Уколовой и Д.Э. Харитоновича. М. : Айрис-Пресс: Рольф, 2001. 637 с.
21. Умнова-Конюхова И.А. Тенденции и перспективы конституционного развития Российской Федерации. К 30-летию Конституции РФ : монография. М. : ИНИОН РАН; отдел правоповедения, 2024. 174 с. DOI: 10.31249/constitution/24 ISBN: 978-5-248-01086-8 EDN: IXPFXQ
22. Червонюк В.И. Конституционные традиции как универсальные правовые регуляторы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1(181). С. 110–114. EDN: SNJXOD
23. Шатковская Т.В. Традиция и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 45–56. DOI: 10.12737/2918 EDN: SBXOBR

References:

1. Anichkin E.S. Types of reception in Russian constitutionalism / E.S. Anichkin, M.N. Kokina // Eurasian Law Journal. 2015. № 5(84). P. 125–127. EDN: TVUFYZ
2. Aranovskiy K.V. The Constitution as a state-legal tradition and the conditions of its study in the Russian legal environment // Izvestiya vuzov. Law studies. 2002. № 1. P. 41–50. EDN: TKSPIT
3. Vovk D.A. Legal tradition as a phenomenon of the legal system // PolitBook. 2012. № 4. P. 171–181. EDN: QBLFZV
4. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance world. M. : Izvestia, 2003. 607 p.
5. Dorskaya A.A. The main stages of the formation of the state legal tradition in Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. № 2. P. 31–36. EDN: VUTJVV
6. Ivin A. A. Philosophy of history : textbook. M. : Gardariki, 2000. 528 p.
7. From the history of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993) : in 6 vol. (10 books) / under the general editorship of O.G. Rummyantsev, Candidate of Law. M. : Volters Kluwer, Foundation for Constitutional Reforms, 2007–2010.
8. History of bourgeois constitutionalism of the XVII–XVIII centuries. : monograph / Ed. by V.S. Nersesyan. M. : Nauka Publ., 1983. 296 p.
9. Liberalism and paternalism – the foundations of liberal and paternal strategies that alternatively affect the life of the population / B.N. Kagirov [et al.] / Family in the XXI century: problems and prospects: collection of articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Barnaul : IP Kolmogorov I.A., 2019. P. 24–34. EDN: ENSSWM
10. Kokina M.N. Constitutionalism: Statics and dynamics of the concept // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2026. Vol. 12. № 2. P. 352–358. DOI: 10.29039/2413-1733-2026-12-2-352-358 EDN: RVIJFF
11. Kokina M.N. Constitutional traditionalism and anti-traditionalism in the system of Russian law and legal education // Philosophy of education // Filosofia-obrazovaniya = Philosophy of Education. 2019. Vol.19. № 3. P. 85–100. DOI: 10.15372/PHE20190306 EDN: ZMCVZC
12. Kokina M. N. Legal receptivity and legal donation in the constitutionalism of states in the context of globalization: socio-philosophical and educational aspects // Professional education in the modern world. 2019. Vol. 9. № 4(35). P. 3224–3233. DOI: 10.15372/PEMW20190409 EDN: AZTTZL
13. Kokina M.N. The problem of preserving national traditions in the constitutional and legal culture of Russia // Bulletin of the Institute for the Development of the Noosphere. 2019. № 7(9). P. 48–81. EDN: WBDYSK
14. Lafitskiy V.I. On the legal heritage of Russia and its revival in the struggle for law. M. : Justicinform, 2018. 108 p.
15. Maltsev G. V. Cultural traditions of law. M. : Norm, Infra-M, 2023. 607 p.

16. Marchenko M. N. The state and the law of the transitional type. § 3. Theory of the State and law. Moscow: Moscow State University; Prospekt, 2000. URL : <https://uchebnik.biz/book/263-teoriya-gosudarstva-i-prava> .
17. Marchenko M. N. Sources of law. M. : TK Velbi: Prospekt, 2005. 759 p. ISBN: 5-98032-926-9 EDN: QWBFPP
18. Poyarkov S.Yu. Constitutional identity and ideological paradigms in national constitutions: between tradition, universalism and transformation / S.Yu.P oyarkov, V.V. Goncharov // Law and politics. 2025. № 8. P. 71–89. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.8.75291 EDN: YEKFNG
19. Salnikov M.V. Geopolitical, economic and socio-cultural factors in the context of the formation and dynamics of the development of the national political and legal tradition in Russia // The legal field of modern economics. 2012. № 11. P. 47–66. EDN: TAIPFH
20. Toynbee A. Comprehension of history = A study of history: A study of history: Selected works / A.J. Toynbee; Translated from English by E.D. Zharkov; Edited by V.I. Ukolova and D.E. Kharitonovich. M. : Iris Press: Rolf, 2001. 637 p.
21. Umnova-Konyukhova I.A. Trends and prospects of the constitutional development of the Russian Federation. On the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation: a monograph. M. : INION RAS; Department of Jurisprudence, 2024. 174 p. DOI: 10.31249/constitution/24 ISBN: 978-5-248-01086-8 EDN: IXPFXQ
22. Chervonyuk V.I. Constitutional traditions as universal legal regulators // Law and the state: theory and practice. 2020. № 1(181). P. 110–114. EDN: SNJXOD
23. Shatkovskaya T.V. Tradition and modernization in law: a comparative legal aspect // Journal of Russian Law. 2014. № 4. P. 45–56. DOI: 10.12737/2918 EDN: SBXOBR

Информация об авторе

Кокина Мария Николаевна

соискатель кафедры
теории государства и права,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина
ORCID iD: 0000-0002-1999-4821
KokinaMN@mail.ru

Maria N. Kokina

Applicant in the Department
of Theory of State and Law,
Moscow State Law University
named After Kutafina
ORCID iD: 0000-0002-1999-4821
KokinaMN@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-20>
УДК 3423.9

Attribution

cc by

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Котаев А.С.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье рассматриваются социально-политические и теоретические предпосылки криминологического изучения распространения экстремистской идеологии в молодежной среде. Цель исследования заключается в обосновании необходимости ее самостоятельного комплексного криминологического анализа и определении перспективных направлений дальнейшего научного познания и противодействия. Методологическую основу составили общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и системного подхода, формально-юридический метод, а также анализ уголовно-правовых и криминологических источников. Установлено, что экстремистская идеология обладает самостоятельным криминогенным потенциалом, способна влиять на формирование антиобщественных установок, процессы криминализации и виктимизации личности, а цифровизация существенно расширяет возможности ее распространения среди молодежи. Сделан вывод о недостаточной разработанности целостной криминологической концепции данного феномена и необходимости дальнейшего изучения его содержания, форм распространения, механизмов воздействия на молодежь и мер противодействия.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская идеология, молодежная среда, молодежный экстремизм, криминогенное воздействие, цифровизация, криминализация, виктимизация, криминологическое предупреждение, противодействие экстремизму.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

COUNTERING THE DISSEMINATION OF EXTREMIST IDEOLOGY AMONG YOUNG PEOPLE: SOCIO-POLITICAL AND THEORETICAL PREREQUISITES FOR CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Artur S. Kotayev

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines the socio-political and theoretical prerequisites for the criminological study of the dissemination of extremist ideology among young people. The purpose of the study is to substantiate the need for its independent and comprehensive criminological analysis and to identify promising directions for further research and counteraction. The methodological framework includes general scientific methods of analysis, synthesis, generalization and a systemic approach, the formal legal method, as well as the analysis of criminal law and criminological sources. It is established that extremist ideology possesses an independent criminogenic potential, may influence the formation of antisocial attitudes and the processes of criminalization and victimization, while digitalization significantly expands the opportunities for its dissemination among young people. The study concludes that a comprehensive criminological concept of this phenomenon remains insufficiently developed and requires further examination of its content, forms of dissemination, mechanisms of influence on youth, and countermeasures.

Keywords: extremism, extremist ideology, youth environment, youth extremism, criminogenic influence, digitalization, criminalization, victimization, crime prevention, countering extremism.

Funding: Independent work.

Введение. Современное российское государство и общество находятся в условиях интен-

сивных преобразования. Усложнение социально-политических процессов, совершенствование

институтов публичной власти, изменение форм общественной коммуникации и динамичная цифровизация формируют качественно новую среду жизнедеятельности человека. Информационные технологии становятся неотъемлемой частью образования, профессиональной деятельности, досуга и межличностного общения, расширяя возможности граждан для получения информации, самореализации и участия в общественной жизни. Вместе с тем любое динамичное развитие неизбежно сопровождается формированием новых вызовов и угроз, часть из которых приобретает выраженный криминогенный, а в отдельных случаях – непосредственно криминальный характер.

Обсуждение. Особенно заметно данная закономерность проявляется в условиях цифровой трансформации общества. Она не только приносит очевидные положительные результаты, но и создает существенные вызовы и угрозы общественной безопасности [1, с. 6]. Одной из наиболее значимых угроз в современных условиях выступает масштабное распространение экстремизма, оказывающего выраженное криминогенное воздействие прежде всего на молодежную среду.

Высокая степень социально-политической значимости данной проблемы прямо признается на уровне высшего руководства страны. На совещании с постоянными членами Совета Безопасности Российской Федерации в апреле 2025 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин специально вынес на обсуждение вопросы противодействия попыткам вовлечения несовершеннолетних и молодежи в противоправную деятельность, назвав это одним из серьезных направлений молодежной политики [2]. В марте 2026 г., выступая на расширенном заседании коллегии МВД России, Президент вновь обратил внимание на ситуацию с подростковой преступностью. По приведенным им данным, в 2025 г. ее уровень впервые за продолжительный период увеличился, при этом доля тяжких и особо тяжких преступлений в структуре подростковой преступности превысила 40 %, а около 45 % несовершеннолетних совершили противоправные деяния в групповых формах соучастия. Президент отдельно указал на необходимость выявления лиц, которые целенаправленно вовлекают молодых людей в преступную деятельность, и подчеркнул приоритет профилактической работы [3].

Указанная проблема находит свое отражение и в документах стратегического планирования. В новой Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124, прямо указано, что преступления экстремистской направленности вызывают повышенный общественный резонанс и дестабилизируют общественно-политическую и социально-экономическую обстановку как в отдельных регионах России, так и в стране в целом. Особое

внимание в Стратегии уделяется вопросам распространения экстремистской идеологии, которая в условиях активного развития информационно-телекоммуникационных средств коммуникации становится все более криминогенной, активно используется для оказания криминогенного воздействия на несовершеннолетних и молодежь, формирует у них ценности и установки, подталкивающие к совершению преступлений [4].

Вопросы противодействия соответствующим идеологическим угрозам не ограничиваются положениями специальной Стратегии противодействия экстремизму, а имеют системное отражение в иных документах стратегического планирования. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, обращается внимание на нарастание проявлений агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма. Одновременно в качестве одной из современных угроз рассматривается информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание посредством распространения определенных социальных и моральных установок [5].

Схожие положения получили отражение и в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. В данном документе деятельность экстремистских и террористических организаций непосредственно отнесена к числу угроз традиционным ценностям, а идеологическое и психологическое воздействие на граждан связывается с распространением деструктивной идеологии [6].

В Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р также уделяется особое внимание ценностно-идеологическим трансформациям, происходящим в молодежной среде, а среди направлений государственной деятельности непосредственно закрепляется укрепление межнационального и межконфессионального согласия, защита молодых граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия и формирование благоприятной информационной среды [7].

Представленные социально-политические трансформации и их отражение в документах стратегического планирования, в совокупности с целенаправленным воздействием экстремистской идеологии на молодежь позволяют рассматривать данное явление как самостоятельный криминогенный феномен, требующий комплексного научного осмысления. Его специфика определяется сочетанием двух взаимосвязан-

ных обстоятельств. С одной стороны, ресурсы информационно-телекоммуникационного пространства, включая социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, игровые и иные цифровые платформы, создают широкие возможности для распространения экстремистской идеологии посредством трансляции противоправного контента, манипулятивного воздействия на сознание, установления контактов с потенциальными участниками противоправной деятельности, формирования у них экстремистских установок и ценностных ориентаций, а также их последующей вербовки и координации преступного поведения. С другой стороны, одной из наиболее уязвимых для подобного воздействия социальных групп выступает молодежь, что обусловлено как высокой степенью ее включенности в цифровую среду, так и особенностями процесса социализации, формирования мировоззрения и системы ценностей. Указанное сочетание технологических возможностей распространения экстремистской идеологии и повышенной восприимчивости молодежной аудитории обуславливает необходимость углубленного криминологического изучения механизмов такого воздействия, факторов, способствующих радикализации молодых лиц, а также выработки эффективных мер предупреждения их вовлечения в экстремистскую и иную противоправную деятельность

Проблематика экстремизма и идеологического влияния на молодёжь затрагивается в различных отраслях знаний – философии, социологии, политологии, педагогике. Ещё в советский период отдельные аспекты экстремизма изучались в работах В.Н. Арестова, В.В. Витюка, А.С. Грачева, С.А. Эфирова и др., однако тогда внимание уделялось преимущественно общеполитическим формам экстремизма.

В постсоветской России проблеме противодействия молодежному экстремизму стали уделять повышенное внимание. В криминологической теории вопросы, связанные с предупреждением экстремистских проявлений и молодежной преступности, находят отражение в трудах Ю.М. Антонына, А.И. Долговой, Я.И. Гилянского, А.И. Гурова, В.Н. Кудрявцевева, Н.Ф. Кузнецовой, Д.А. Корецкого, С.Я. Лебедева, И.М. Мацкевича, В.С. Овчинского, А.В. Шестакова, В.В. Лунеева и других авторов, исследовавшие проблемы насилия, терроризма, преступности несовершеннолетних и ее предупреждения.

Различные аспекты молодежного экстремизма отражены и в современных трудах специалистов в области уголовного права и криминологии. Значительный вклад в разработку указанных вопросов внесли М.П. Ситникова, Е.В. Демидова-Петрова, М.Ю. Воронин, Р.Р. Абдулганеев, С.Н. Миронов, М.Ю. Пучнина, А.В. Пучнин, А.В. Майоров, П.П. Фантров, М.В. Бобовкин, С.А. Меденцов, В.Ю. Тарасов, А.В. Абушинов, В.Е. Батюкова, Ю.С. Жариков, М.Ф. Костюк, Ю.В. Маркова, А.А. Свистильникова, Ш.Т. Смайлиев, Э.Г. Юзиханова и Н.А. Корсикова. В трудах

названных авторов исследованы детерминанты молодежного экстремизма, особенности экстремистской преступности несовершеннолетних, характеристики личности, механизмы её вербовки, а также меры предупреждения рассматриваемому явлению.

Отдельные вопросы противодействия экстремизму в молодежной среде представлены в диссертационных исследованиях. Это в первую очередь работы М.П. Ситниковой «Противодействие экстремизму в молодежной среде: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам Приволжского федерального округа)» (г. Калининград, 2026), Т.Г. Сироткиной «Криминологическая характеристика и предупреждение экстремистской преступности несовершеннолетних» (г. Москва, 2024), Н.А. Ильиных «Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» (г. Москва, 2025), Г.И. Узембаевой «Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика» (г. Москва, 2016) и др.

Теоретические предпосылки криминологического изучения экстремистской идеологии получили развитие в исследованиях криминальной и иных деструктивных идеологий. Значительный вклад в формирование данного направления внес А.В. Кочетков, одним из первых подвергший самостоятельному криминологическому анализу криминальную идеологию, ее воздействие на общественное и индивидуальное сознание, формирование антиобщественных установок и мотивацию преступного поведения [8]. Дальнейшее развитие указанный подход получил в трудах А.С. Ильницкого, которым разработаны теоретико-методологические основы криминологического познания криминальной идеологии в информационно-телекоммуникационном пространстве, исследованы ее структура, криминальный потенциал, формы распространения и механизм воздействия на преступное поведение [9]. Отдельные аспекты деструктивной и непосредственно экстремистской идеологии рассматривались также Е.А. Розенко, А.С. Овчинским, К.К. Борзуновым, И.И. Литвиным, С.М. Кочои и другими исследователями.

Вместе с тем имеющиеся научные разработки не позволяют признать проблему исчерпанной. Экстремистская идеология в большинстве из них рассматривается либо как разновидность более широкой категории криминальной (деструктивной) идеологии, либо как компонент экстремистской преступности. Комплексного криминологического исследования экстремистской идеологии как самостоятельного феномена, обладающего собственным криминальным потенциалом названные работы не образуют. За пределами криминологического осмысления остаются во-

просы понятия и структурных компонентов экстремистской идеологии, способов распространения и основных форм её проявления в молодежной среде, особенностях криминогенного воздействия на индивидуальное и (или) групповое сознание молодежи, влияния на криминализацию и (или) виктимизацию личности, а также меры по противодействию рассматриваемому явлению.

Результаты. Резюмируя изложенное, следует отметить, что совокупность современных социально-политических предпосылок, выражающихся в активном распространении экстремистской идеологии в молодежной среде, ее воздействии на процессы криминализации и виктимизации граждан, а также в расширении масштабов связанной с ней противоправной деятельности, в сочетании с недостаточной научной разработанностью данной проблематики обуславливает необходимость проведения комплексного криминологического исследования. Его результаты должны стать основой для выработки научно обоснованных и практически применимых мер противодействия распространению экстремистской идеологии в молодежной среде.

Для дальнейшего криминологического осмысления и разработки мер противодействия распространению экстремистской идеологии, следует выработать основные направления исследования поднятой проблемы. К ним относятся:

- генезис экстремистской идеологии;
- понятие, признаки и содержание экстремистской идеологии;
- закономерности, тенденции и особенности распространения экстремистской идеологии в молодежной среде;

- формы проявления экстремистской идеологии в молодежной среде;
- механизмы воздействия экстремистской идеологии на молодежь
- криминогенный потенциал экстремистской идеологии в молодежной среде;
- особенности влияния экстремистской идеологии на криминализацию и виктимизацию личности;
- место экстремистской идеологии в механизме преступного поведения молодежи;
- роль экстремистской идеологии в формировании личности преступника;
- определение тенденций и закономерностей развития экстремистской идеологии в молодежной среде;
- связь негативных социальных явлений с экстремистской идеологией;
- система противодействия распространению экстремистской идеологии в молодежной среде;
- меры противодействия распространению экстремистской идеологии в молодежной среде.

Заключение. Реализация представленных направлений познания экстремистской идеологии в молодежной среде позволит получить значимую криминологическую информацию о тенденциях и закономерностях существования экстремистской идеологии в молодежной среде, будет способствовать расширению криминологического знания в данной области, а позволит сформулировать научно обоснованные меры противодействия рассматриваемому криминальному явлению.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Осипенко А.Л. Информационное воздействие на криминальную среду в условиях цифровизации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 4. С. 6–14. EDN: RXEHON
2. Путин обсудил с СБ противодействие вовлечению молодежи в незаконную деятельность. URL : <https://dan-news.ru/obschestvo/putin-obsudil-s-sb-protivodejstvie-vovlecheniju-molodezhi-v-nezakonniju> (дата обращения 28.07.2026).
3. Путин потребовал оперативно выявлять преступников, использующих подростков. URL : <https://tass.ru/politika/26645215?ysclid=mt0j19571731670439> (дата обращения 01.08.2026).
4. Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

© Котаев А.С.

5. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Гарант».
6. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Гарант».
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «Гарант».
8. Кочетков А.В. Проблемы противодействия криминальной идеологии в культуре: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 131 с. EDN: NMEBGD
9. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 213 с. EDN: AFDZRM

References:

1. Osipenko A.L. Informational impact on the criminal environment in the context of digitalization // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4. P. 6–14. EDN: RXEHON
2. Putin discussed with the Security Council measures to counter the involvement of young people in illegal activities. URL : <https://dan-news.ru/obschestvo/putin-obsudil-s-sb-protivodejstvie-vovlecheniju-molodezhi-v-nezakonnuju> (date of application 28.07.2026).
3. Putin demanded that criminals who exploit teenagers be identified promptly. URL : <https://tass.ru/politika/26645215?ysclid=mt0j19571731670439> (date of application 01.08.2026).
4. Decree of the President of Russia dated December 28, 2024. № 1124 «On the Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation» // SPS «Garant».
5. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021, № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SPS «Garant».
6. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022, № 809 «On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // SPS «Garant».
7. Order of the Government of the Russian Federation dated August 17, 2024, № 2233-r «On the Approval of the Strategy for Implementing Youth Policy in the Russian Federation for the Period up to 2030» // SPS «Garant».
8. Kochetkov A. V. Problems of Countering Criminal Ideology in Culture: Criminological and Criminal-Legal Aspects : dis. ... Candidate of Legal Sciences. M., 2002. 131 p. EDN: NMEBGD
9. Ilitsky A.S. Countering Criminal Ideology on the Internet : dis. ... Candidate of Legal Sciences. Krasnodar, 2022. 213 p. EDN: AFDZRM

Информация об авторе

Котаев Артур Сосланович
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
Kotayev@mail.ru

Artur S. Kotayev
Adjunct of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Kotayev@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-8>

УДК 343.44

Attribution

cc by

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Краснов А.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье исследуются проблемы уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности жилища, предусмотренной статьей 139 Уголовного кодекса Российской Федерации. Раскрывается конституционная природа охраняемого блага, анализируются признаки состава преступления, понятия «жилище», «проникновение», «незаконность» и «воля проживающего лица». Особое внимание уделяется квалификации незаконного проникновения при семейно-бытовом конфликте, споре о праве пользования помещением, применении насилия, угрозы и использовании служебного положения. На основе действующего законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и судебной практики обосновывается необходимость доказывания прямого умысла на нарушение конституционного права на неприкосновенность жилища.

Ключевые слова: неприкосновенность жилища; незаконное проникновение; жилище; статья 139 УК РФ; конституционные права; воля проживающего лица; квалификация преступлений; судебная практика; малозначительность; служебное положение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF HOMESTEAD INTEGRITY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Artur A. Krasnov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines criminal liability for violation of the inviolability of the home under Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation. The constitutional nature of the protected interest and the elements of the offence are analyzed, including the concepts of dwelling, entry, illegality and the resident's will. Special attention is paid to qualification issues involving domestic conflicts, disputes over premises, violence, threats and abuse of official position. The article concludes that courts must prove direct intent to violate the constitutional right to inviolability of the home and preserve a balance between protection of privacy and prevention of excessive criminalization.

Keywords: inviolability of the home; illegal entry; dwelling; Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation; constitutional rights; resident's will; qualification of crimes; judicial practice; insignificance; official position.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность исследования обусловлена тем, что жилище в правовом государстве является не только объектом имущественных и жилищных отношений, но и пространственной формой частной жизни личности. В жилище человек реализует личную свободу, семейную автономию, бытовую самостоятельность и возможность уединения от произвольного вмешательства. Статья 25 Конституции Российской Федерации закрепляет, что жилище неприкосновенно, и ни-

кто не вправе проникать в него против воли проживающих лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Уголовно-правовой гарантией этого положения является статья 139 УК РФ.

Несмотря на краткость диспозиции статьи 139 УК РФ, ее применение связано с существенными теоретическими и практическими трудностями. Суду необходимо установить, является ли помещение жилищем, имелось ли законное основание для входа, как была выражена воля про-

живающего лица, осознавал ли виновный отсутствие согласия и не поглощается ли содеянное иным составом преступления.

Практическая значимость темы исследования подтверждается судебной статистикой: за 2024 год по части 1 статьи 139 УК РФ осуждено 1029 лиц, по части 2 – 124 лица, а по части 3 осужденные не зафиксированы [5].

Обсуждение. Результаты.

Непосредственным объектом преступления является конституционное право на неприкосновенность жилища. Поэтому уголовный закон охраняет не право собственности как таковое, а личное неимущественное благо, выражающееся в возможности проживающего лица самостоятельно определять пределы доступа третьих лиц в частное пространство. Потерпевшим может быть собственник, наниматель, арендатор, член семьи собственника, лицо, временно проживающее в помещении на законном основании, а также иной фактический пользователь жилища. Такой подход согласуется с позицией отечественной науки уголовного права о приоритете содержания охраняемого конституционного права над формальным имущественным титулом [7; 8].

Межотраслевой характер охраны неприкосновенности жилища проявляется в том, что уголовно-правовой запрет опирается на нормы конституционного, уголовно-процессуального, жилищного и административного законодательства. УПК РФ допускает осмотр жилища только с согласия проживающих лиц или на основании судебного решения, а обыск и выемку в жилище – как правило, также по судебному решению.

Жилищный кодекс РФ запрещает проникновение в жилище без согласия проживающих на законных основаниях граждан. Закон «О полиции» связывает вход сотрудников полиции в жилое помещение с прямо установленными законом условиями.

Объективная сторона преступления выражается в незаконном проникновении в жилище против воли проживающего лица. Состав является формальным: преступление окончено с момента проникновения и не требует наступления материального вреда. Однако формальный характер состава не означает автоматического привлечения к ответственности при любом нахождении лица в помещении. Необходимо установить жилой характер объекта, факт вторжения, отсутствие законного основания, волю проживающего и осознание этих обстоятельств виновным. Иначе уголовно-правовая оценка превращается в объективное вменение, несовместимое с принципом вины.

Понятие «жилище» раскрыто в примечании к статье 139 УК РФ. К нему относятся индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение

независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а также иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания.

Следовательно, закон использует не только формально-юридический, но и функциональный критерий.

В спорных случаях суд должен оценивать назначение помещения, пригодность к проживанию, фактическое использование и степень обособленности.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 25 декабря 2018 г. № 46 разъяснил, что к жилищу для целей статьи 139 УК РФ относятся, в частности, квартира, комната, служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии, апартаменты или садовый дом [1]. Вместе с тем не образует состава статьи 139 УК РФ проникновение в помещения, структурно обособленные от жилого дома, например, сарай, баню или гараж, если они специально не приспособлены для проживания, а также в места, предназначенные только для временного нахождения, но не проживания [1]. Эти разъяснения ограничивают чрезмерно широкое толкование понятия жилища.

Проникновение следует понимать, как вторжение в жилище любым способом: путем свободного входа, взлома, использования ключа, преодоления сопротивления, обмана, злоупотребления доверием или тайного входа. Не обязательно, чтобы виновный преодолел физическое препятствие; достаточно, что он получил доступ к внутренней сфере жилища вопреки воле проживающего и без законного основания. Современное значение имеет позиция Верховного Суда РФ о том, что проникновение возможно и без физического входа, если технические средства используются для нарушения неприкосновенности жилища, например, для установки прослушивающего устройства или видеонаблюдения [1].

Центральным признаком состава является совершение проникновения против воли проживающего лица. Воля может быть выражена прямо: отказом впустить, требованием не входить, закрытием двери, физическим воспрепятствованием. Она может проявляться и косвенно: закрытым помещением, предшествующим конфликтом, отсутствием приглашения, очевидной нежелательностью контакта. Согласие должно быть свободным и осознанным. Поэтому проникновение путем обмана или злоупотребления доверием не устраняет ответственности, поскольку фактическое согласие в таком случае получено не на основе действительного понимания обстоятельств [1].

Особую сложность вызывают ситуации совместного проживания. Согласие одного проживающего не всегда исключает противоправность вторжения, если другое проживающее лицо явно

возражало, а виновный это осознавал. Вместе с тем, совместное проживание предполагает возможность каждого жильца приглашать третьих лиц. Поэтому уголовная ответственность возможна не по формальному факту конфликта, а при доказанности того, что виновный понимал отсутствие согласия конкретного проживающего лица и действовал вопреки его воле. Такой подход особенно важен в делах, возникающих из отношений бывших супругов, родственников, собственников и нанимателей.

Дискуссионной остается ситуация, когда лицо первоначально вошло в жилище с согласия проживающего, но затем отказалось покинуть его. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что такие действия не образуют состава статьи 139 УК РФ [1]. Догматически это объясняется тем, что закон предусматривает ответственность за незаконное проникновение, а не за незаконное пребывание. Однако с точки зрения охраны частной сферы, последующий отказ уйти также может причинять вред проживающему лицу. В зависимости от обстоятельств такая ситуация может оцениваться по нормам о самоуправстве, угрозе, насилии или иных преступлениях.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный должен осознавать, что проникает именно в жилище, действует без законного основания и против воли проживающего лица, а также желать совершить такое проникновение. Верховный Суд РФ подчеркивает, что умысел должен быть направлен на нарушение права граждан на неприкосновенность жилища [1]. Поэтому ошибка относительно жилого характера помещения, добросовестное заблуждение о согласии, состояние крайней необходимости, стремление спасти человека или предотвратить пожар могут исключать состав преступления. Данный подход соответствует доктринальному пониманию вины как психического отношения к юридически значимым признакам деяния [9].

Мотив и цель не являются обязательными признаками основного состава, но имеют доказательственное значение. Незаконное проникновение может совершаться из мести, ревности, хулиганских побуждений, корыстного интереса или стремления оказать давление. Мотив помогает разграничить статью 139 УК РФ со смежными составами. Если проникновение является способом хищения, оно может охватываться квалифицированным составом кражи, грабежа или разбоя. Если же нарушение неприкосновенности жилища имеет самостоятельное значение, возможна квалификация по совокупности. Такой подход соответствует общим положениям теории квалификации преступлений [10; 12].

Субъект преступления по частям 1 и 2 статьи 139 УК РФ общий. Часть 3 предусматривает квалифицированный состав, связанный с использованием служебного положения. Наличие должности, само по себе, недостаточно: необходимо

доказать, что служебные возможности, удостоверение, форменная одежда, авторитет организации, доступ к сведениям или властные полномочия были использованы для облегчения незаконного проникновения либо подавления воли проживающего. Именно поэтому часть 3 статьи 139 УК РФ должна разграничиваться со статьей 286 УК РФ о превышении должностных полномочий.

Квалифицированный состав, предусмотренный частью 2 статьи 139 УК РФ, предполагает применение насилия или угрозу его применения. Насилие должно быть связано с реализацией умысла на проникновение. Пленум Верховного Суда РФ указывает, что квалификация по части 2 возможна, если насилие или угроза применялись в момент вторжения либо непосредственно после него в целях незаконного проникновения [1]. Если же после проникновения совершено самостоятельное причинение вреда здоровью, требующее более строгой оценки, необходима квалификация по совокупности со статьями о преступлениях против личности.

Разграничение статьи 139 УК РФ с преступлениями против собственности имеет важное практическое значение. Незаконное проникновение в жилище является квалифицирующим признаком кражи, грабежа и разбоя. Если умысел виновного изначально направлен на хищение, а вторжение служит способом его совершения, дополнительная квалификация по статье 139 УК РФ обычно не требуется. Однако при самостоятельном умысле на нарушение неприкосновенности жилища, например, при вторжении для оказания давления на потерпевшего, последующее хищение не всегда поглощает статью 139 УК РФ.

Не менее важно разграничение со самоуправством. Собственник, арендодатель или бывший супруг может считать себя вправе войти в помещение, которым пользуется другое лицо. Однако право собственности не дает права произвольно нарушать частную сферу проживающего. Если помещение передано для проживания на законном основании, его неприкосновенность охраняется и от собственника. В то же время, наличие спора о праве может иметь значение для оценки умысла: добросовестное заблуждение способно исключать состав статьи 139 УК РФ, а сознательное вторжение вопреки запрету – влечь уголовно-правовую оценку.

Статья 139 УК РФ может конкурировать и со статьей 137 УК РФ о нарушении неприкосновенности частной жизни. Различие состоит в непосредственном объекте: статья 137 УК РФ охраняет сведения о частной жизни, а статья 139 УК РФ – пространственную сферу частной жизни. При установке скрытых камер, прослушивающих устройств или иных средств контроля возможна совокупность преступлений, если виновный не только незаконно вторгся в жилище техническим способом, но и собирал сведения о частной жизни лица.

Отдельной проблемой является малозначительность. Формальный состав статьи 139 УК РФ не требует последствий, но уголовное право не должно применяться к деяниям, которые не обладают достаточной общественной опасностью. Показательным является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 ноября 2025 г. № 59-УД25-9-К9, где дело по части 1 статьи 139 УК РФ было прекращено ввиду малозначительности с учетом фактических обстоятельств, непродолжительности нахождения в квартире, мотивов поведения и отсутствия негативных последствий [3]. Вместе с тем кратковременность сама по себе не исключает ответственности при наличии угроз, агрессии или ночного вторжения.

Судебная практика показывает, что незаконное проникновение в жилище нередко сочетается с преступлениями против личности. В апелляционном определении Амурского областного суда по делу № 22-2120/2025 незаконное проникновение рассматривалось в совокупности с угрозой убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшим смерть потерпевшего [4].

Подобные дела демонстрируют, что нарушение неприкосновенности жилища часто становится начальным этапом более опасного поведения, когда виновный преодолевает защищенное пространство потерпевшего и создает условия для дальнейшего насилия.

Практика выявляет и проблему доказывания. Нередко суды ограничиваются констатацией того, что виновный вошел в помещение и потерпевший не желал его видеть. Между тем требуется установить, как была выражена воля проживающего, мог ли виновный ее осознавать, существовало ли приглашение другого жильца, были ли основания считать вход допустимым, каков характер отношений сторон и предшествующего конфликта.

Доказательствами могут быть показания потерпевшего и свидетелей, видеозаписи, данные о вызове полиции, переписка, следы повреждения двери и сведения о прежних запретах на вход.

Труды отечественных специалистов подтверждают необходимость осторожной, но эффек-

тивной охраны конституционных прав уголовно-правовыми средствами.

А.И. Парог подчеркивает значение объекта преступления для определения пределов квалификации [7].

А.В. Бриллиантов указывает на необходимость толкования норм Особенной части через охраняемое благо [8].

Н.А. Лопашенко обращает внимание на соразмерность уголовно-правового воздействия характеру общественной опасности [14].

Эти положения позволяют сделать вывод о том, что уголовная ответственность оправдана тогда, когда вторжение реально нарушает автономию частной сферы.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что статья 139 УК РФ защищает жилище как пространство частной жизни, а не только как объект собственности. Для квалификации необходимо установить не один лишь факт входа, а совокупность признаков: жилой характер объекта, незаконность проникновения, отсутствие согласия, осознание виновным воли проживающего и прямой умысел на нарушение неприкосновенности жилища.

Понятие «жилище» должно толковаться с учетом юридического, функционального и фактического критериев. Проникновение может выражаться как в физическом вторжении, так и в использовании технических средств. Основные проблемы практики связаны с определением воли проживающего, квалификацией семейно-бытовых конфликтов, разграничением со смежными составами, оценкой малозначительности и доказыванием прямого умысла.

Эффективное применение статьи 139 УК РФ возможно только при балансе между защитой конституционного права и недопущением необоснованной криминализации ситуаций, не обладающих достаточной общественной опасностью.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018

- № 46 // Российская газета. 2019. 9 янв. URL : <https://rg.ru/documents/2019/01/09/vs-rf-46-dok.html> (дата обращения 20.06.2026).
2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19: ред. от 29.11.2016 // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. URL : <https://vsrf.ru/documents/own/8350/> (дата обращения 20.06.2026).
 3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.11.2025 № 59-УД25-9-К9 // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL : <https://base.garant.ru/413142619> (дата обращения 20.06.2026).
 4. Апелляционное определение Амурского областного суда от 25.12.2025 по делу № 22-2120/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/M5f2ERCbbdLp> (дата обращения 20.06.2026).
 5. Судебная статистика Российской Федерации. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ за 2024 год // Судебная статистика РФ. URL : <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 20.06.2026).
 6. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / В.М. Лебедев, В.А. Давыдов; Отв. ред. В.М. Лебедев. 14-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 1077 с.
 7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М.П. Журавлев [и др.]; Под ред. А.И. Рарога. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 895 с.
 8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / В.А. Блинников [и др.]; Под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 1184 с.
 9. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 781 с.
 10. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : ЮриИнфоР, 2013.
 11. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / В.А. Авдеев [и др.]; Отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2018. 624 с.
 12. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 1999. 302 с.
 13. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова. СПб. : Питер, 2008. 720 с.
 14. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия = The fundamentals of criminal-law influence : уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 337 с. ISBN: 5-94201-398-5 EDN: PEGBUR

References:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 46 of December 25, 2018 «On Certain Issues of Judicial Practice in Cases Concerning Crimes against Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145 and 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)». Rossiyskaya Gazeta. 2019. January 9. № 1.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 19 of June 27, 2013 «On the Application by Courts of Legislation Regulating the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability». Rossiyskaya Gazeta. 2013. July 5. № 145.
3. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 19, 2025 № 59-UD25-9-K9. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <https://vsrf.ru> (date of application 20.06.2026).
4. Appellate Ruling of the Amur Regional Court of December 25, 2025 in case № 22-2120/2025. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. Available at: <https://sudact.ru> (date of application 20.06.2026).
5. Judicial Statistics of the Russian Federation. Data on Sentences Imposed under Articles of the Criminal Code of the Russian Federation for 2024. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: <http://www.cdep.ru> (date of application 20.06.2026).
6. Lebedev V.M. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: Article-by-Article Commentary. M. : Yurait Publishing House, 2014. P. 1077.
7. Rarog A.I. Criminal Law of Russia. Special Part : textbook. M. : Prospekt Publishing House, 2017. 895 p.
8. Brilliantov A.V. Criminal Law of Russia. General and Special Parts : textbook. M. : Prospekt Publishing House, 2017. 1184 p.
9. Naumov A.V. Russian Criminal Law: Course of Lectures. M. : Prospekt Publishing House, 2017. 781 p.
10. Gaukhman L.D. Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice. M. : Tsentr YurInfoR Publishing House, 2013.
11. Inogamova-Khegai L.V., Rarog A.I., Chuchaev A.I. Criminal Law of the Russian Federation. Special Part : textbook. M. : Prospekt Publishing House, 2018. 624 p.
12. Kudryavtsev V.N. General Theory of Qualification of Crimes. M. : Yuridicheskaya Literatura Publishing House, 1999. 302 p.
13. Komissarov V.S. Criminal Law of the Russian Federation. Special Part : textbook. SPb. : Peter, 2008. 720 p.
14. Lopashenko N.A. Fundamentals of Criminal-Law Influence. Saint Petersburg: Yuridichesky Tsentr Press Publishing House, 2004. 337 p. ISBN: 5-94201-398-5 EDN: PEGBUR

Информация об авторе

Краснов Артур Александрович

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
старший лейтенант полиции
artur.red97@gmail.com

Artur A. Krasnov

Candidate of Legal Sciences,
Lecturer of the Department of Special Disciplines,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Senior Lieutenant of Police
artur.red97@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.06.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.07.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-12>

УДК 340

Attribution

cc by

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА, ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ

Сачков А.Н.
СРО ААУ «Евросиб»

Аннотация. В данной публикации исследуется уголовно-правовая характеристика цифровых финансовых активов в содержании составов преступлений, связанных с легализацией имущества, добытого преступным путём, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ. Анализируется нормативно-правовая природа ЦФА, их виды и функциональные особенности, обусловленные развитием цифровой экономики и технологий распределённого реестра. Уделяется внимание специфике цифровых активов как предмета легализации. Раскрываются особенности уголовно-правовой оценки операций с цифровыми финансовыми активами, приобретёнными в результате совершения преступления либо используемыми для сокрытия их преступного происхождения. Обосновывается необходимость уточнения критериев квалификации соответствующих деяний с учётом трансформации форм имущественного оборота в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, легализация доходов, отмывание денег, имущество добытое преступным путём, цифровая валюта, распределённый реестр, блокчейн, уголовная ответственность, предмет преступления.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN CRIMES OF LEGALIZATION OF PROPERTY OBTAINED BY CRIMINAL MEANS

Andrey N. Sachkov
«Eurosib»

Abstract. The article examines the criminal law characteristics of digital financial assets in the context of crimes related to the legalization of property acquired by criminal means, as provided for in Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the legal nature of digital financial assets, their types, and functional features, which are influenced by the development of the digital economy and distributed ledger technologies. The article also focuses on the specific features of digital assets as objects of legalization. The article reveals the features of the criminal law assessment of transactions involving digital financial assets acquired as a result of committing a crime or used to conceal their criminal origin. The article substantiates the need to clarify the criteria for qualifying such acts, taking into account the transformation of property turnover in the context of digitalization of the economy.

Keywords: digital financial assets, income legalization, money laundering, property acquired through criminal means, digital currency, distributed ledger, blockchain, criminal liability, subject of crime.

Funding: Independent work.

Введение.

Легализация денежных средств и иных имущественных благ, полученных преступным путём, представляет собой одну из наиболее острых проблем как для национального уголовного за-

конодательства России, так и для всего международного сообщества, поскольку она способствует криминализации реального сектора экономики и ослабляет контроль над финансовыми потоками.

Процесс придания законного вида доходам, приобретённым преступным путём, наносит существенный ущерб экономической системе, подрывая устойчивость легального сектора экономики и доверие к финансовым институтам.

В последние годы цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) приобретают ключевое значение в глобальной финансовой системе, выступая инструментом, способным преодолевать ограничения, налагаемые санкциями, а также технологические и финансовые барьеры. Их высокая ликвидность, возможность дистанционного оборота и анонимность транзакций создают благоприятные условия для вовлечения в схемы отмывания доходов, приобретённых незаконным образом.

В рассматриваемом контексте, ЦФА выступают не просто предметом финансовых операций, но и составляют содержание объекта уголовно-правовой охраны будучи интегрированными в систему финансово-экономических отношений.

В этой связи, нам представляется целесообразным более предметно сосредоточиться на разработке специализированных критериев уголовно-правовой квалификации деяний, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, с учётом особенностей цифровых финансовых активов. Данный формат исследования должен охватывать как определение предмета преступления, включая разнообразные формы ЦФА, так и анализ способов их интеграции в преступные схемы легализации имущества.

Не менее важным, в контексте исследования, комплексный подход к определению критериев квалификации и общественной опасности, что позволит обосновать методологическую основу для дифференцированного правоприменения, а также будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовой охраны интересов субъектов финансового оборота.

Обсуждение.

В условиях цифровой трансформации экономики ЦФА постепенно утрачивают характер вспомогательного финансового инструмента и приобретают самостоятельное значение в системе имущественного оборота.

С точки зрения уголовно-правовой доктрины, подобная трансформация имеет принципиальное значение: изменяется не только форма имущественного блага, но и механизм его оборота, что усложняет применение традиционных критериев выявления и квалификации преступных посягательств.

В результате, ЦФА становятся не нейтральным элементом финансовой системы, а потенциальным участником криминально значимых схем, требующих переосмысления подходов к оценке их роли в составе преступлений, связанных с

легализацией имущества, добытого преступным путём.

Правовую основу легального обращения ЦФА составляет Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) [1].

В соответствии со ст. 1 данного закона, ЦФА представляют собой цифровые права, выпуск, учёт и обращение которых возможны исключительно посредством внесения или изменения записей в информационной системе на основе распределённого реестра, а также в иных информационных системах.

К числу цифровых финансовых активов относятся денежные требования, права на эмиссионные ценные бумаги, участие в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Таким образом, ЦФА повышают эффективность и технологическую устойчивость предмета легального финансового оборота, способствуя развитию инвестиционных и расчётных механизмов. Одновременно с этим, данные качественные особенности обуславливают дополнительные криминологические риски, поскольку ускорение транзакций и высокая прослеживаемость в децентрализованных системах могут сочетаться с возможностями структурирования операций и трансформации следов происхождения активов.

В результате, цифровые финансовые активы приобретают потенциал использования в схемах легализации денежных средств и иного имущества, полученного преступным путём, а также в иных противоправных моделях поведения в финансово-экономической сфере.

Как уже отмечалось, Закон о ЦФА предусматривает их дифференциацию по видам, каждый из которых опосредует самостоятельный комплекс имущественных прав.

Так, денежные требования предоставляют их обладателю право на получение выплат в соответствии с условиями, определёнными решением о выпуске ЦФА. По своей экономико-правовой природе они во многом сопоставимы с традиционными финансовыми инструментами облигациями, акциями или производными финансовыми инструментами, однако их оборот и реализация осуществляются исключительно в цифровой среде.

Права по эмиссионным ценным бумагам выражаются в возможности требовать исполнения обязательств, закреплённых в решении о выпуске, через оператора информационной системы, что придаёт соответствующим отношениям формализованный и технологически детерминированный характер.

Права участия в капитале непубличного акционерного общества обеспечивают их держателю возможность участия в управлении обществом и распределении прибыли, при этом сохраняется эквивалентность экономического содержания корпоративным правам, но реализуемая в цифровой форме, обеспечивающей дистанционность и оперативность оборота.

Право требования передачи эмиссионных ценных бумаг закрепляет возможность получения соответствующих ценных бумаг при наступлении условий, предусмотренных решением о выпуске ЦФА, либо в установленные им сроки, что придаёт таким правам характер условно-отложенного имущественного притязания в цифровой инфраструктуре.

Наряду с ранее рассмотренными видами цифровых финансовых активов, законодатель выделяет самостоятельные категории, к которым относятся цифровая валюта, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права. Данные инструменты встроены в инфраструктуру цифровой экономики и выполняют различные функциональные задачи, однако объединяющим признаком выступают их высокая ликвидность и способность к быстрому обороту.

В указанной системе особое положение занимает цифровая валюта, обладающая самостоятельным правовым режимом и специфической функциональной природой. Она представляет собой совокупность электронных данных (цифровых кодов или обозначений), фиксируемых в информационной системе и применяемых в качестве средства платежа, не относящегося к официальной денежной единице Российской Федерации, иностранной валюте либо международной расчётной единице, а также используемых в инвестиционных целях.

В отличие от иных цифровых активов, цифровой рубль выступает формой государственной цифровой валюты, эмитируемой Банком России и фактически приравненной по своему экономико-правовому содержанию к наличным и безналичным денежным средствам [2, с. 46]. Его эмиссия и оборот осуществляются в строго регламентированном правовом поле, предполагающем комплексный контроль операций, в том числе в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём. Функционирование цифрового рубля обеспечивается специализированной платформой, фиксирующей все транзакции и создающей условия для их полной прослеживаемости.

Тем самым, цифровой рубль сочетает технологические преимущества цифровой формы с высоким уровнем публично-правового регулирования, что объективно ограничивает возможности его использования в противоправных схемах. Напротив, стейблкоины, обладая более гибкой архитектурой и менее жёстким регуляторным режимом, сохраняют повышенный криминогенный потенциал и могут рассматриваться как по-

тенциальный предмет уголовно-правовой оценки в рамках составов, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ [3, с. 829].

Следующую категорию предметной области исследуемых составов преступлений, образуют цифровые права, включающие денежные требования, возможность реализации прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг в объёме, установленном решением о выпуске соответствующих цифровых финансовых активов.

Таким образом, цифровые финансовые активы, урегулированные положениями Закона о ЦФА, занимают существенное место в предметной области анализируемых составов преступлений, поскольку их технологические и экономические свойства одновременно обеспечивают эффективное функционирование в легальном обороте и формируют объективные предпосылки для вовлечения в противоправные схемы.

В этой связи, в доктрине уголовного права традиционно предпринимаются попытки квалифицировать легализацию имущества как разновидность прикосновенности к преступлению [4, с. 408]. Однако подобная концептуальная конструкция не в полной мере отражает современную динамику финансовых отношений и специфику цифровых активов. Системный анализ показывает, что легализация цифровых и иных имущественных активов, полученных преступным путём, выходит за рамки пассивного содействия или укрывательства и приобретает характер самостоятельной формы преступного поведения, направленного на интеграцию незаконно полученного имущества в легальный экономический оборот.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость более дифференцированного подхода к уголовно-правовой квалификации соответствующих деяний, а также учёта специфики цифровых финансовых активов при применении положений ст. 174 и 174.1 УК РФ.

В то же время, в литературе, встречается мнение, согласно которому легализация имущества рассматривается как одна из форм прикосновенности к преступлению [5, с. 200]. Вместе с тем, с точки зрения системного уголовно-правового анализа, такой подход представляется некорректным [6, с. 178]. Легализация цифровых или иных активов, полученных преступным путём, не является формой прикосновенности в классическом понимании, поскольку она не ограничивается пассивным попустительством, укрывательством или несообщением о преступлении, а представляет собой самостоятельное противоправное деяние, направленное на интеграцию незаконно полученного имущества в легальный оборот.

Следует отметить, что легализация имущественных благ, в том числе цифровых финансо-

вых активов, может иметь двойственный эффект для правоприменительной практики: с одной стороны, она усложняет работу правоохранительных органов, скрывая источники происхождения активов; с другой, способствует выявлению цепочки незаконных операций, позволяя установить участников преступной схемы и происхождение имущества.

В условиях цифровизации экономики это особенно актуально, поскольку цифровые активы, такие как NFT-токены, криптовалюта или токенизированные ценные бумаги, обладают высокой ликвидностью, оборотоспособностью и потенциальной анонимностью, что создаёт дополнительные риски их вовлечения в схемы незаконного обращения [7, с. 140].

В уголовно-правовой доктрине выделяются два основных способа придания легального характера имуществу, приобретённому преступным путём:

- совершение финансовых операций или иных сделок с денежными средствами и (или) имуществом, заведомо приобретёнными преступным путём. При этом «финансовая операция» в данном случае охватывает широкий спектр действий, включая прямые транзакции, конвертацию цифровых активов и иные сделки, что позволяет рассматривать их как юридически и экономически сопоставимые с легальными финансовыми операциями;

- интеграция имущества в легальный оборот путём оформления на третьих лиц, создания фиктивных договорных отношений или использования цифровых платформ для маскировки источника средств. В отношении NFT это может включать выпуск, продажу или передачу токенов через цифровые маркетплейсы, платформы DeFi или метавселенные, что формирует видимость законной инвестиционной деятельности при фактическом участии в противоправной схеме [8, с. 190].

Результаты.

В современном экономическом обороте ЦФА следует рассматривать как формирующийся сегмент имущественных отношений, в рамках которого традиционные конструкции гражданского права получают технологически опосредованное выражение. Их появление связано не столько с созданием принципиально новых видов имущества, сколько с трансформацией способов фиксации и обращения уже известных имущественных прав в цифровой среде.

С одной стороны, ЦФА выступают инструментом расширения инвестиционных возможностей и повышения гибкости финансового рынка, обеспечивая более быстрые и формализованные механизмы перераспределения капитала. С другой стороны, их технологическая природа, высокая скорость оборота, дистанционный характер совершения сделок и сложность идентификации

конечного бенефициара, объективно усиливает уязвимость соответствующих отношений к противоправному использованию.

При этом важно подчеркнуть, что токены электронных денег не включаются в категорию цифровых финансовых активов, поскольку они не обладают индивидуализированностью и специфическими правами, характерными для инвестиционных или имущественно-значимых токенов.

С учётом этого, цифровые финансовые активы выступают самостоятельным объектом имущественных отношений и могут использоваться в механизмах противоправного обращения денежных средств и иного имущества, что имеет прямое значение для квалификации их легализации (отмывания) как преступления по ст. 174 и 174.1 УК РФ [9, с. 8].

В силу своей уникальной экономической и правовой природы, цифровые финансовые активы создают повышенные риски вовлечения в противоправные схемы: их высокая ликвидность, способность к обороту на глобальных цифровых площадках, и интеграция с децентрализованными платформами создают возможности для организации схем отмывания преступных доходов, которые требуют дифференцированного подхода к уголовно-правовой оценке и разработки методологических критериев их квалификации.

Внедрение технологий блокчейн и смарт-контрактов создаёт возможность формирования новых инвестиционных продуктов с комплексными условиями участия и распределения прав, что способствует развитию венчурного финансирования и одновременно обеспечивает защиту интересов как инвесторов, так и стартапов.

Вместе с тем, наряду с преимуществами блокчейн-технологий и смарт-контрактов, инновационная природа цифровых активов создаёт новые угрозы для участников рынка. К числу наиболее значимых относятся инфраструктурные риски, связанные с функционированием операторов информационных систем и используемых технологий, недостаточная стандартизация требований к отчётности, рейтинговой оценке и аудиту, а также отсутствие развитой инфраструктуры вторичного рынка и обменных платформ, что ограничивает ликвидность активов и затрудняет объективную оценку их экономической ценности.

В то же время, высокая инновационность цифровых активов сопряжена с целым рядом рисков. Среди них следует выделить инфраструктурные риски, связанные с функционированием операторов информационных систем и используемых технологий, что накладывает на эмитентов дополнительные премии за риск; риски, обусловленные недостаточными требованиями к отчётности, рейтинговой оценке и аудиту, а также отсутствие развитой инфраструктуры вторичного рынка и операторов обмена, что ограничивает ликвидность активов и затрудняет оценку их эко-

номической ценности. Эти обстоятельства усиливают уязвимость ЦФА к противоправному использованию, в том числе к схемам легализации преступно полученных средств, и делают необходимым выработку специальных критериев их уголовно-правовой квалификации.

Заключение.

Цифровые финансовые активы в условиях цифровой экономики являются не просто технологической формой закрепления имущественных прав, а своеобразным элементом финансовой реальности, в котором юридические конструкции переплетаются с алгоритмами распределённых информационных систем. Их функционирование опирается на цифровую инфраструктуру, где право на имущество существует не в привычной материальной оболочке, а в виде цифрового кода, закреплённого в сети и подтверждаемого технологическими механизмами.

Такое «расщепление» традиционного имущественного объекта на цифровой код и его правовое содержание придаёт ЦФА особую подвижность. Они легко переходят от одного участника к другому, пересекают национальные юрисдик-

ции, а их движение фиксируется не бумажными документами, а цепочкой криптографически защищённых записей. На практике это можно сравнить с непрерывным потоком, в котором каждая транзакция оставляет след, но сам объект не утрачивает своей ликвидности и скорости обращения.

В рамках уголовно-правовой оценки именно эта особенность приобретает ключевое значение. Там, где ранее оборот имущества был ограничен физической проверяемостью и документальным контролем, цифровая среда создаёт иную конфигурацию рисков. Поэтому включение цифровых финансовых активов в систему уголовно-правового анализа не носит формального характера. Оно отражает изменение самой природы имущественного оборота, в котором традиционные критерии «вещности» постепенно уступают место цифровым конструкциям фиксации прав.

В этом смысле, ЦФА становятся не периферийным элементом финансовой системы, а её новым функциональным центром, требующим переосмысления подходов к оценке их роли в механизме преступлений, связанных с легализацией имущества, добытого преступным путём.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025). URL : <https://www.consultant.ru> (дата обращения 13.03.2026).
2. Городецкая О.Ю. Цифровой рубль: история развития и его специфические особенности / О.Ю. Городецкая, Я.Л. Гобарева // Финансовые рынки и банки. 2024. №1. С. 42–47. EDN: LZCWYW
3. Сидоренко Э.Л. Легализация преступных доходов с использованием DeFi: типовые схемы и индикаторы риска // Russian Journal of Economics and Law. 2023. № 4. С. 822–836. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.4.822-836 EDN: DUPSPN
4. Рыбакова Т.И. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 406–415. EDN: KDGLPV
5. Якушин В.А. Прикосновенность к преступлению (вторичная преступность) в уголовном праве // Вестник ВУиТ. 2022. № 2(101). С. 195–205. DOI: 10.51965/20767919_2022_1_2_195 EDN: YYNXPJ
6. Рясов А.А. К вопросу о легализации доходов, добытых преступным путем, совершаемой с использованием криптовалюты / А.А. Рясов, А.В. Пономарева // Философия права. 2025. № 1(112). С. 177–182. EDN: FRKICU
7. Антонова Д.В. Цифровые финансовые активы как предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Закон и право. 2025. № 7. С. 139–145. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-7-139-145 EDN: GWBCGI
8. Романова А.С. Цифровые активы как новые предметы легализации преступных доходов // Закон и право. 2025. № 8. С. 188–192. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-188-192 EDN: LJECXO
9. Кушниренко М.Р. Выпуск цифровых финансовых активов с использованием цифровых платформ: возможности и риски для участников финансовой операции // Известия ВУЗов ЭФИУП. 2023. № 2(56). С. 6–16. DOI: 10.6060/ivecofin.2023562.638 EDN: BMUTXR

References:

1. On digital financial assets, digital currency, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law № 259-FZ dated July 31, 2020 (as amended on December 15, 2025). URL : <https://www.consultant.ru> (date of application March 13.03.2026).
2. Gorodetskaya O.Yu. Digital Ruble: History of Development and Its Specific Features / O.Yu. Gorodetskaya, Ya.L. Gobareva // Financial Markets and Banks. 2024. № 1. P. 42–47. EDN: LZCWYW
3. Sidorenko E.L. Legalization of criminal proceeds using DeFi: typical schemes and risk indicators // Russian Journal of Economics and Law. 2023. № 4. P. 822–836. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.4.822-836 EDN: DUPSPN
4. Rybakova T.I. Legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means // Issues of Russian Justice. 2023. № 24. P. 406–415. EDN: KDGLPV
5. Yakushin V.A. Involvement in a crime (secondary criminality) in criminal law // Vestnik VUiT. 2022. № 2(101). P. 195–205. DOI: 10.51965/20767919_2022_1_2_195 EDN: YYNXPJ
6. Rysov A.A. On the issue of legalizing incomes obtained by criminal means, committed using cryptocurrency / A.A. Rysov, A.V. Ponomareva // Philosophy of Law. 2025. № 1(112). P. 177–182. EDN: FRKICU
7. Antonova D.V. Digital financial assets as an object of crimes under Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and Law. 2025. № 7. P. 139–145. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-7-139-145 EDN: GWBCGI
8. Romanova A. S. Digital assets as new objects of legalization of criminal proceeds // Law and Law. 2025. № 8. P. 188–192. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-8-188-192 EDN: LJECXO
9. Kushnirenko M.R. Issuance of digital financial assets using digital platforms: opportunities and risks for participants in a financial transaction // Izvestiya VUZov EFiUP. 2023. № 2(56). P. 6–16. DOI: 10.6060/ivecofin.2023562.638 EDN: BMUTXR

Информация об авторе

Сачков Андрей Николаевич

кандидат юридических наук,
арбитражный управляющий,
СРО ААУ «Евросиб»
sachkov_a@mail.ru

Andrey N. Sachkov

Candidate of Legal Sciences,
Arbitration Administrator,
«Eurosib»
sachkov_a@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.04.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-13>

УДК 338.22;347.77

Attribution

cc by

РОЛЬ И МЕСТО РОСПАТЕНТА В ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ, ПОСТАВЛЕННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Суконкин А.В., Ярошенко П.Н.

Федеральный институт промышленной собственности

Аннотация. В статье рассматривается трансформация роли Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) в условиях перехода российской экономики к технологическому лидерству и интеллектуальному суверенитету. На основе анализа стратегических документов Правительства РФ, включая Национальную модель целевых условий ведения бизнеса до 2030 года, и ведомственных планов Роспатента, определяется совокупность приоритетов и спектр задач ведомства в новой парадигме управления интеллектуальной собственностью. В рамках статьи обосновывается тезис о переходе Роспатента от сугубо охранной функции к роли драйвера инновационного развития, центра компетенций по коммерциализации технологий как ключевого элемента инфраструктуры для достижения показателей технологического лидерства. В фокусе статьи особое внимание уделяется цифровой трансформации, развитию патентной аналитики и финансовых инструментов капитализации нематериальных активов.

Ключевые слова: Роспатент, интеллектуальная собственность, технологическое лидерство, патентная активность, коммерциализация, национальная модель целевых условий ведения бизнеса, цифровизация, нематериальные активы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE ROLE AND PLACE OF ROSPATENT IN THE PARADIGM OF INTELLECTUAL PROPERTY DEVELOPMENT AND THE IMPLEMENTATION OF TASKS SET BY THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander V. Sukonkin, Peter N. Iaroshenko

Federal Institute of Industrial Property

Abstract. The article examines the transformation of the role of the Federal Service for Intellectual Property (Rospatent) in the context of the transition of the Russian economy to technological leadership and intellectual sovereignty. Based on the analysis of strategic documents of the Government of the Russian Federation, including the National Model of Targeted Business Conditions until 2030, and departmental plans of Rospatent, the position, set of priorities and range of tasks of the department in the new paradigm of intellectual property management are determined. The article substantiates the thesis of Rospatent's transition from a purely security function to the role of a driver of innovative development, a center of competence for technology commercialization as well as a key element of infrastructure for achieving technological leadership indicators. The article focuses on digital transformation, the development of patent analytics and financial instruments for capitalization of intangible assets.

Keywords: Rospatent, intellectual property, technological leadership, patent activity, commercialization, national model of targeted business conditions, digitalization, intangible assets.

Financing: initiative work.

Введение.

Экономика Российской Федерации под влиянием как внешних, так и внутренних социальных, экономических и политических факторов формирует устойчивый курс на обеспечение технологиче-

ского лидерства. Хотя на текущий момент не сформировано единое определение данного термина, представляется допустимым использование обобщенного толкования технологического лидерства как устойчивое состояние в технологической и производственной отрасли, при

котором достигается превосходство отечественных технологий и продукции над зарубежными аналогами по функциональным, техническим и стоимостным характеристикам [1].

Помимо чисто технологического аспекта, достижение технологического лидерства подразумевает создание системы технологической независимости и усиление национального контроля над критическими и сквозными технологиями. В связи с этим, роль институтов интеллектуальной собственности (ИС) приобретает принципиально новое значение. Если ранее сфера ИС воспринималась преимущественно как механизм юридической охраны результатов творческого труда, то сегодня, в соответствии с задачами, поставленными Правительством РФ, она становится базовым инструментом инновационного развития и повышения инвестиционной привлекательности страны [2].

Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) выступает ключевым агентом и актором происходящих трансформационных процессов в сфере ИС. Как отметил Министр экономического развития РФ Максим Решетников, «ключевая задача Роспатента сегодня – создавать условия для роста патентной активности, использования интеллектуальной собственности как экономического актива» [3].

Целью данной статьи является анализ эволюции и трансформации роли и места Роспатента в контексте выполнения задач, закрепленных в распоряжениях Правительства РФ и направленных на формирование национальной модели целевых условий ведения бизнеса до 2030 года.

В экономике активно используется понятие «стратегический треугольник», где экономическое взаимодействие описывается взаимодействием трех вершин и связей между ними: Государство, Бизнес, Технологии. Каждый угол треугольника влияет на два других. У каждого участника треугольника есть своя роль. В этой модели устойчивое экономическое развитие и эффективные инновации возможны только тогда, когда эти три силы находятся в тесном симбиозе, а не существуют изолированно.

В соответствии данной с парадигмой, авторами определен перечень задач: исследовать трансформацию функций Роспатента в сфере ИС в диахроническом аспекте и охарактеризовать существующие инструменты реализации национальных целей.

Институциональная трансформация: от регистратора к центру компетенций.

Охрана изобретений в России в исторической перспективе начала формирование в XVI–XVII веке. Форма защиты на раннем этапе использовала элементы феодальной «привилегии» и формально являлась «жалованной грамотой выдаваемых монархом. Зачастую подобный документ можно было получить не столько за

непосредственные изобретения, а, например, на заведение мануфактур.

История правовой охраны изобретений в России в разные исторические периоды прошла несколько значимых этапов становления, трансформаций и развития.

Российская Империя.

Начало формализации защиты изобретений было положено в Российской империи: 17 июня 1812 года с изданием манифеста «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах». Данный акт выступил первым документом, системно устанавливающим и регулировавшим охрану результатов интеллектуальной деятельности. В нём прописали ключевые элементы режима привилегий – от процедуры выдачи и срока действия до пошлин, оснований для аннулирования и порядка разрешения споров в суде.

Следующим важным этапом развития механизма правовой охраны изобретений стало с принятием 20 мая 1896 года «Положения о привилегиях на изобретения и усовершенствования». Документ существенно расширил и трансформировал систему: закрепив за заявителем обязанность предоставления развернутого описания изобретения, установил и описал процесс проверки изобретения на предмет новизны, а также установил 15-летний срок исключительного права на использование разработки.

Советский период.

В советский период подход к охране изобретений существенно трансформировался. Отправной точкой стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 года, которым был введен патент на изобретения. Однако уже в 1931 году (Постановление от 9 апреля) система изменилась кардинально: было установлено две параллельные формы охраны – патент и авторское свидетельство, причём доминирующей стала именно вторая.

Суть новой модели заключалась в том, что все зарегистрированные изобретения фактически становились достоянием государства: приоритет отдавался общественным интересам, а не частным правам изобретателя.

Возврат к полноценной патентной системе произошёл в 1990-х годах на фоне масштабных социально-экономических перемен. Сначала изменения затронули законодательство СССР (1991 год), а затем были закреплены в правовом поле Российской Федерации (1992 год).

Исторически Роспатент выполнял и выполняет функцию национального патентного ведомства, осуществляя прием и экспертизу заявок, а также выдачу охранных документов [4]. Однако, как следует из официальных отчетов и планов деятельности, в период 2021–2025 годов происходит расширение функционала ведомства [5].

Во-первых, Роспатент становится центром экспертно-аналитической поддержки технологического развития российской экономики. В рамках реализации «дорожной карты» по направлению «Инновации и патенты», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2025 г. № 3523-р [6], перед ведомством поставлена задача создания российской системы патентной аналитики. Эта система должна обеспечивать обработку массивов российских и иностранных патентных данных, позволяя выстраивать среднесрочные и долгосрочные прогнозы развития технологий. Такая аналитика становится необходимым инструментом для государства и бизнеса при определении приоритетов финансирования НИОКР и снижении рисков инвестирования в разработки.

Во-вторых, Роспатент наделяется функциями по стимулированию коммерциализации. Ведомство участвует в разработке изменений в Гражданский кодекс РФ, направленных на упрощение порядка управления правами федеральных учреждений науки и образования. Речь идет о легализации механизмов внесения исключительных прав в уставный капитал хозяйственных обществ, что создает легальный путь трансфера технологий из университетов и НИИ в реальный сектор экономики.

Инструменты достижения национальных целей развития.

Правительством РФ установлены амбициозные количественные и качественные показатели развития экономики [7], в достижении которых Роспатент играет непосредственную роль [8]. В распоряжении Правительства РФ о Национальной модели целевых условий ведения бизнеса зафиксированы ключевые индикаторы, напрямую связанные с деятельностью ведомства [9]:

— Рост патентной активности:

Ожидается увеличение числа патентных заявок на изобретения и полезные модели, подаваемых российскими заявителями, с 30 тысяч до 66,9 тысячи к 2030 году. Для достижения этого показателя Роспатент внедряет цифровые сервисы, сокращающие сроки регистрации (по данным ведомства, сроки сокращены в 2-3 раза по всем госуслугам), а также осуществляет мониторинг патентной активности и проводит мероприятия по популяризации сферы ИС среди молодежи и бизнеса [10].

— Капитализация нематериальных активов:

Одна из главных экономических задач — увеличение капитализации фондового рынка до 66 % от ВВП. Это невозможно без вовлечения в оборот нематериальных активов. Роспатент участвует в формировании подходов к оценке стоимости ИС и создает сервис расчета средней ставки лицензионных платежей для определения рыночной стоимости объектов.

— Развитие кредитования под залог ИС:

Современные условия диктуют переоценку статуса ИС при развитии бизнеса и выбора механизмов капитализации активов. В данном аспекте ИС, которая инкорпорирует нематериальные активы: патенты, товарные знаки, авторские права, выступает краеугольным элементом формирования коммерческой ценности актива так как она обеспечивает конкурентные преимущества уникальных продуктов. Особенно четко данная тенденция и свойство нематериального актива проявляется в высокотехнологичных отраслях.

Немаловажной является способность подобных активов ИС привлекать внешний капитал путем повышения привлекательности компании или иного владельца актива среди инвесторов. Состав и качество нематериальных активов в современных реалиях выступают одним из важных индикаторов оценки. Подобные качества формируют устойчивую мотивацию компаний к активизации и совершенствованию процессов управления своей интеллектуальной собственностью.

В современных реалиях интеллектуальная собственность в России не просто ценный актив, а инструмент создания и обеспечения конкурентноспособного преимущества отечественной науки и промышленности в рамках сформированных стратегических направлений развития РФ.

В рамках поручений Президента РФ, Роспатент совместно с Минэкономразвития и Банком России развивает механизмы кредитования под залог интеллектуальной собственности. Залог интеллектуальной собственности — это механизм, позволяющий использовать права на ИС для обеспечения финансирования. В качестве предмета залога могут выступать любые объекты интеллектуальной собственности. На начало 2026 года проект реализуется в нескольких регионах-пилотах (Москва, Татарстан, Нижегородская область и др.), выдано 55 кредитов на сумму около 2 млрд рублей [11]. «Дорожной картой» предусмотрено дальнейшее расширение географии этого механизма и совершенствование законодательства для защиты прав залогодержателей.

Цифровая трансформация как основа новой модели.

Цифровизация является фундаментом, позволяющим Роспатенту справляться с растущей нагрузкой и новыми функциями [12]. Цифровая трансформация характеризуется как «непрерывный, системный процесс комплексного изменения бизнес-процессов, бизнес-моделей предприятия в результате внедрения цифровых технологий, инструментов во всех сферах деятельности предприятия, приводящих к значительному комплексному эффекту» [13].

Среди исследователей нет единой позиции по определению цифровой трансформации, так Д.М. Зозуля характеризует цифровую трансфор-

мацию как «Изменения операционного менеджмента, управления жизненным циклом изделия, организации производства, управления сбытом, стратегии предприятия, инвестиционной политики» [14].

Д.М. Мазоне под цифровой трансформацией понимает процесс «Целенаправленной и непрерывной цифровой эволюции компании, бизнес-модели, процесса разработки идей или методологии, как стратегической, так и тактической» [15].

Европейская комиссия под цифровой трансформацией называет «Значительные изменения во всех секторах экономики и общества в результате внедрения цифровых технологий во все аспекты человеческой жизни» [16].

Таким образом, определение термина «цифровая трансформация» еще не закреплено оконча-

тельно и на текущем этапе происходит уточнение, терминологии. Цифровая трансформация, поскольку данный процесс не имеет закрепленного понимания и рамок, выступает, скорее, набором рекомендаций, а не четким алгоритмом действий.

По сути, процесс определяет трансформацию привычных способов и паттернов мышления для взаимодействия с информацией с использованием цифровых технологий необходимо учитывать, что контекстуально в рамках сложившегося дискурса цифровая трансформация выступает не целью, но инструментом. План деятельности Роспатента на 2025–2027 годы [17] предусматривает полный переход на формат взаимодействия с заявителями посредством электронных средств [18].

В таблице 1 отражены цели цифровой трансформации Роспатента.

Таблица 1

Цифровизация сервисов взаимодействия с заявителями.

П.П	Сервис	Описание
1.	Выведение всех госуслуг на Единый портал (ЕПГУ)	Обеспечена возможность регистрации изобретений, товарных знаков и распоряжения правами в режиме онлайн через единую платформу-суперсервис.
2.	«Витрины данных»	Формируется база данных о зарегистрированных товарных знаках и правообладателях, а также витрина технических решений в области «зеленых» технологий, что способствует прозрачности оборота прав
3.	Развитие сервисов клиентоцентричности	Внедряются системы автозаполнения заявлений, информирования о наступающих сроках, что снижает административные барьеры для бизнеса и граждан

Источник: Составлено авторами на основе планирования План деятельности федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) на 2025–2027 годы.

Поддержка приоритетных секторов и региональное развитие.

Изучение структуры заявок, поступающих в Роспатент, позволяет определить векторы и тенденции реализации национальных приоритетов через изобретательскую и патентные активности. Согласно опубликованному годовому отчету Роспатента 2023 году зафиксирован значительный рост числа заявок в «сфере медицинских технологий (+16,6 %), пищевой химии (+35,7 %) и экологических технологий (+27 %» [19]. Создание и развитие механизмов ускоренного рассмотрения заявок на «зеленые» технологии и экологически значимые решения вызывает интерес ведомства.

Кроме того, важным направлением деятельности становится региональное развитие. Согласно программе сотрудничества с регионами РФ, основными составляющими выступает просветительская деятельность направленная на создание устойчивого процесса по информированию о состоянии патентного законодательства, законодательства по товарным знакам и другим объектам интеллектуальной собственности, а также организация процессов подготовки специалистов для доведения до целевой аудитории: разработчиков основных положений законов в области

охраны и использования объектов промышленной собственности была создана сеть Центров поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ).

Задачи ЦПТИ:

Проведение исследований потребности пользователей в доступе к базам данных.

Обеспечение пользователей доступом к специализированным патентным и непатентным базам данных.

Содействие эффективному использованию доступа к базам данных путем обеспечения консультационной и методической поддержкой, путем непосредственно организации сети ЦПТИ.

Проведение просветительских мероприятий силами сотрудников ЦПТИ для повышения осведомленности населения о сфере ИС.

Статистика оказанных ЦПТИ услуг в 2026 г. отобранная из открытых источников представлена в таблице 2.

Как видно из приведенных в таблице 2 данных, основным фокусом деятельности ЦПТИ является оказание силами специалистов Роспатента и обученных ими специалистов региона консуль-

тационных и просветительских услуг хозяйствующим субъектам региона, например, в оценке коммерческой значимости промышленной собственности что выражается в устойчивой па-

тентной активностью субъектов в виде заявок на регистрацию результатов интеллектуальной деятельности.

Таблица 2

Информация о результатах деятельности ЦПТИ в 2026 г.

Период	Число консультаций	Заявки на регистрацию РИД и СИ	Мероприятия ЦПТИ
Февраль 2026	870	134	45
Март 2026	767	142	35
Апрель 2026	747	82	56
Май 2026	944	55	39
Итого		413	174

Источник: Составлено авторами по информации из Дайджестов значимых событий Центров поддержки технологий и инноваций Российской Федерации № 2–5.

Планом мероприятий предусмотрено расширение сети центров ФИПС (Федерального института промышленной собственности) во всех федеральных округах к 2028 году, а также проведение обучающих мероприятий на базе центров «Мой бизнес» для повышения патентной грамотности предпринимателей в регионах.

Заключение.

Таким образом, место и роль Роспатента в современной российской экономике выходят далеко за рамки традиционного патентного ведомства. В соответствии с задачами, поставленными Правительством Российской Федерации, Роспатент превращается в ключевого оператора государственной инновационной политики. Его дея-

тельность охватывает полный цикл управления интеллектуальной собственностью: от прогнозной аналитики и упрощенной цифровой регистрации до создания условий для вовлечения прав в хозяйственный оборот (кредитование, залог, коммерциализация).

Реализация мероприятий, заложенных в Национальной модели целевых условий ведения бизнеса и плане деятельности ведомства на 2025–2027 годы, позволит обеспечить рост патентной активности, необходимой для достижения технологического лидерства, и создать устойчивую систему капитализации нематериальных активов, что станет важным фактором долгосрочного экономического роста России.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Технологическое лидерство и ценности устойчивого развития / Н.В. Пилипчук [и др.] // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14. № 1. С. 26–41. DOI 10.35266/2949-3455-2026-1-14 EDN WXEBNE
2. Зубов Ю.С. 70 лет Роспатента: от истории к инновациям и цифровому будущему // Вестник ФИПС. 2025. Т. 4. № 3(13). С. 186–191. EDN KAZSRB
3. Максим Решетников обозначил задачи повышения патентной активности для достижения технологического лидерства. URL : https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_oboznachil_zadachi_povysheniya_patentnoy_aktivnosti_dlya_dostizheniya_tehnologicheskogo_liderstva.html
4. Колесников А.П. История возникновения и развития отечественной патентной информации / А.П. Колесников, С.И. Никольская. М. : Информационно-издательский центр «Патент», 2018. 460 с. ISBN 978-5-91808-144-0 EDN WEGHZX
5. Зубов Ю.С. Содействие формированию технологического суверенитета России – ключевая задача Роспатента // Вестник ФИПС. 2022. Т. 1. № 1(1). С. 10–15. EDN NEHFTE
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2025 г. № 3523-р. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413074905>
7. Верзилин Д.Н. Облачные технологии в развитии институтов цифровой трансформации российской экономики: статистическое исследование / Д.Н. Верзилин, Т.Г. Максимова, С.И. Шаныгин // Вестник Санкт-

- Петербургского университета. Экономика. 2025. Т. 41. № 1. С. 145–177. DOI 10.21638/spbu05.2025.107. EDN VHOHTM
8. Калмыков С.Н. «Мы живем в интересное время. Задачи от индустрии крайне важны, практико-ориентированы и могут привести к значительному прогрессу» // Вестник ФИПС. 2026. Т. 5. № 1(15). С. 10–14. EDN ZONXRP
 9. Юрий Zubov подвел итоги 2025 года и рассказал о планах ведомства на 2026 год. URL : <https://vestnikip.ru/news/11677>
 10. Царева Е.Г. Конкурс «Успешный патент» как инструмент выявления технологических лидеров страны / Е.Г. Царева, А.П. Туйгун // Вестник ФИПС. 2025. Т. 4. № 3(13). С. 232–244. EDN HNHPPFS
 11. Минэкономразвития: инвестиции в интеллектуальную собственность за 4 года выросли втрое. URL : https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_investicii_v_intellektualnuyu_sobstvennost_z_a_4_goda_vyrosli_vtroe.html
 12. Юрий Zubov о новых сервисах в рамках цифровой трансформации. URL : <https://vestnikip.ru/news/11375>
 13. Мироненков В.Б. Исследование подходов к цифровой трансформации в условиях быстроизменяющейся внешней среды // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Таганрог, РФ, 20 марта 2023 г.). Уфа : Аэтерна, 2023. С. 56–64.
 14. Зозуля Д.М. Цифровизация российской экономики и Индустрия 4.0: вызовы и перспективы // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 1. С. 1–14. DOI 10.18334/vinec.8.1.38856 EDN YWEKCG
 15. Mazzone D.M. Digital or death: digital transformation – the only choice for business to survive smash and conquer. 1st ed. Mississauga, Ontario : Smashbox Consulting Inc., 2014.
 16. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». URL : <http://www.eaeunion.org>
 17. План деятельности федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) на 2025–2027 годы. URL : <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/1/plan-rp-2025-27.pdf>
 18. Нарбут В.В. Изобретательская активность Российской Федерации в условиях нового технологического уклада // Вестник университета. 2024. № 4. С. 5–16. DOI 10.26425/1816-4277-2024-4-5-16 EDN NVITRF
 19. Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2023 год. URL : <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2023-ru.pdf>

References:

1. Technological leadership and the values of sustainable development / N.V. Pilipchuk [et al.] // Bulletin of Surgut State University. 2026. Vol. 14. № 1. P. 26–41. DOI 10.35266/2949-3455-2026-1-14 EDN WXEBHE
2. Zubov Yu.S. 70 years of Rospatent: from history to innovation and the digital future // Bulletin of FIPS. 2025. Vol. 4. № 3(13). P. 186–191. EDN KAZSRB
3. Maxim Reshetnikov outlined the tasks of increasing patent activity to achieve technological leadership. URL : https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_oboznachil_zadachi_povysheniya_patentnoy_aktivnosti_dlya_dostizheniya_tehnologicheskogo_liderstva.html
4. Kolesnikov A.P. The history of the emergence and development of Russian patent information / A.P. Kolesnikov, S.I. Nikolskaya. M. : Information and Publishing Center «Patent», 2018. 460 p. ISBN 978-5-91808-144-0 EDN WEGHZX
5. Zubov Yu.S. Promoting the formation of technological sovereignty of Russia is a key task of Rospatent // Bulletin of FIPS. 2022. Vol. 1. № 1(1). P. 10–15. EDN NEHFTE
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 29, 2025 № 3523-r. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413074905>
7. Verzilin D.N. Cloud technologies in the development of institutions of digital transformation of the Russian economy: statistical research / D.N. Verzilin, T.G. Maksimova, S.I. Shanygin // Bulletin of St. Petersburg University. Economy. 2025. Vol. 41. № 1. P. 145–177. DOI 10.21638/spbu05.2025.107 EDN VHOHTM
8. Kalmykov S.N. We live in an interesting time. Tasks from the industry are extremely important, practice-oriented and can lead to significant progress // Bulletin of FIPS. 2026. Vol. 5. № 1(15). P. 10–14. EDN ZONXRP
9. Yuri Zubov summed up the results of 2025 and spoke about the department's plans for 2026. URL : <https://vestnikip.ru/news/11677>
10. Tsareva E.G. The Successful Patent competition as a tool for identifying the country's technological leaders / E.G. Tsareva, A.P. Tuygun // FIPS Bulletin. 2025. Vol. 4. № 3(13). P. 232–244. EDN HNHPPFS
11. Ministry of Economic Development: investments in intellectual property have tripled in 4 years. URL : https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_investicii_v_intellektualnuyu_sobstvennost_z_a_4_goda_vyrosli_vtroe.html
12. Yuri Zubov on new services in the framework of digital transformation. URL : <https://vestnikip.ru/news/11375>
13. Mironenkov V.B. Research of approaches to digital «transformation in a rapidly changing external» environment // Concepts of sustainable development of science in modern conditions: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (Taganrog, Russia, March 20, 2023). Ufa : Aeterna, 2023. P. 56–64.
14. Zozulya D.M. Digitalization of the Russian economy and Industry 4.0: challenges and prospects // Issues of innovative economics. 2018. Vol. 8. № 1. P. 1–14. DOI 10.18334/vinec.8.1.38856 EDN YWEKCG

15. Mazzone D.M. Digital or death: digital transformation – the only choice for business to survive smash and conquer. 1st ed. Mississauga, Ontario : Smashbox Consulting Inc., 2014.
16. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 11.10.2017 № 12 «On the main directions of the implementation of the digital agenda of the Eurasian Economic Union until 2025». URL : <http://www.eaeunion.org>
17. The Activity plan of the Federal Service for Intellectual Property (Rospatent) for 2025–2027. URL : <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/1/plan-rp-2025-27.pdf>
18. Narbut V.V. Inventive activity of the Russian Federation in the context of a new technological order // Bulletin of the University. 2024. № 4. P. 5–16. DOI 10.26425/1816-4277-2024-4-5-16 EDN NVITRF
19. Annual report of the Federal Service for Intellectual Property for 2023. URL : <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2023-ru.pdf>

Информация об авторах

Суконкин Александр Владимирович

кандидат технических наук,
главный научный сотрудник,
Федеральный институт промышленной
собственности (ФИПС), г. Москва
SPIN-код: 2608-5866
a.sukonkin@rupto.ru

Alexander V. Sukonkin

Candidate of Technical Sciences,
Chief Researcher,
Federal Institute
of Industrial Property (FIPS), Moscow
SPIN code: 2608-5866
a.sukonkin@rupto.ru

Ярошенко Петр Николаевич

кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник
сектора организации публикационной деятельности,
Федеральный институт
промышленной собственности (ФИПС)
milena.555@mail.ru

Peter N. Iaroshenko

Candidate of Philological Sciences,
Junior Researcher i
n the Sector for Organizing Publication Activities,
Federal Institute
of Industrial Property (FIPS), Moscow
milena.555@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.06.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.07.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-17>

УДК 340

Attribution

cc by

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦА ПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА

Ярославский М.А.

*Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России*

Аннотация. Статья посвящена комплексному криминологическому анализу сущностных черт личности субъекта корыстной преступности, объектом посягательства которой выступают лица преклонного возраста. В ней рассматривается механизм преступного поведения через взаимодействие социальной среды и субъективных свойств личности. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам понятия «личность преступника», его временным границам и структурному содержанию. На основе анализа научных позиций определены специфические социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые признаки, присущие данной категории преступников. В итоге, автор приходит к выводу о том, что выбор жертвы среди лиц преклонного возраста опосредован не только внешними виктимологическими факторами, но и психологическими установками субъекта, сформированными в неблагоприятной микросоциальной среде.

Ключевые слова: личность преступника, корыстная преступность, лица пожилого возраста, криминологическая характеристика, детерминация преступного поведения, структура личности, виктимность, социальная среда, антиобщественная направленность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL WHO COMMITS A CRIME AGAINST AN ELDERLY PERSON

Mikhail A. Yaroslavsky

*North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Abstract. The article is devoted to a comprehensive criminological analysis of the essential traits of the personality of the perpetrator of mercenary crime, the target of which is elderly persons. It examines the mechanism of criminal behavior through the interaction of the social environment and the subjective characteristics of the individual. Special attention is paid to the debatable issues related to the concept of «the personality of the criminal», its temporal boundaries, and its structural content. Based on an analysis of scientific positions, specific socio demographic, moral psychological, and criminal legal characteristics inherent in this category of criminals have been identified. Ultimately, the author concludes that the choice of victim among elderly individuals is mediated not only by external victimological factors but also by the subject's psychological attitudes, which were formed in an unfavorable microsocial environment.

Keywords: criminal personality, predatory crime, elderly individuals, criminological characteristics, determination of criminal behavior, personality structure, victimization, social environment, antisocial orientation.

Funding: Independent work.

Введение.

В системе криминологического познания процессов детерминации преступности центральное место занимает субъект преступления. Характе-

ристика личности преступника представляет собой сложный, многоуровневый объект междисциплинарного исследования, находящегося в поле зрения педагогики, психологии, психиатрии, социологии и физиологии.

© Ярославский М.А.

В свою очередь, каждая из указанных наук фокусируется на определенных гранях человеческой сущности; тем не менее, в рамках криминологии приоритетным направлением является изучение социально значимых качеств, обуславливающих совершение общественно опасных деяний [1].

Формирование личности происходит под определяющим воздействием социальной среды, с которой субъект взаимодействует с момента своего рождения. Отношения, в которые индивид вступает в процессе своей жизнедеятельности, являются базисом для принятия либо отрицания социальных норм. В криминологическом плане понятие «личность преступника», как правило, отождествляется с категорией «социальная личность» — то есть субъекта, реализовавшего преступный вариант поведения. Динамика взаимодействия человека с внешней средой не только закрепляет негативные морально-психологические свойства, но и при определенных условиях способствует совершению деяния, запрещенное уголовным законом [2].

Волевой акт, лежащий в основе преступления, возникает как результат интеграции трех определяющих линий: прошлого (жизненный опыт и устойчивые черты), настоящего (конкретная жизненная ситуация) и будущего (воображаемая модель последствий). При этом будущее носит вероятностный характер, модифицируясь под влиянием объективных и субъективных факторов [3].

Совокупность качеств субъекта, актуализирующихся в ответ на внешние раздражители, определяет вектор и содержание его поступка. Во взаимодействии со средой выявляются личностные особенности, а сочетание объективных условий и субъективного мировосприятия (на вещественном, информационном и энергетическом уровнях) может генерировать преступную мотивацию [4].

Результаты.

Среди фундаментальных детерминант преступного поведения выделяются:

- сознание (как инструмент автономного определения отношения к действительности);
- способности (как социально обусловленные задатки, реализуемые в процессе развития);
- характер (отражающий внутреннюю качественную структуру и мотивационную систему);
- детерминанты свободы (систему стимулов, ориентированных на удовлетворение потребностей).

Волевые поступки опосредованы активной деятельностью сознания, преодолением внутренних и внешних барьеров. Механизм принятия решения включает этапы: эмоциональную оценку, активизацию второй сигнальной системы, поста-

новку задачи, осознание цели, оценку последствий и борьбу мотивов. Победа более сильного мотива завершается совершением деяния, после чего индивид приобретает криминальный статус [5].

Существенной характеристикой личности преступника признается совокупность негативных социальных свойств, содержание и соотношение которых с положительными элементами позволяют составить целостное представление об исследуемом субъекте. Однако обладание отрицательными чертами не предопределяет фатально преступное поведение; финальный выбор направления деятельности остается за самим индивидом.

В юридической доктрине распространена позиция о временной ограниченности понятия «личность преступника» — от вступления в силу обвинительного приговора до отбытия наказания.

Как нам представляется, такой подход не учитывает латентный характер значительной части корыстных посягательств (кражи, грабежи, мошенничество) в отношении пожилых граждан. Социально опасные признаки накапливаются постепенно, количественные изменения переходят в качественные, обуславливающие криминальную мотивацию, задолго до формального признания лица виновным судом [6].

Наиболее распространенным в науке является дефиниция личности преступника как лица, виновно совершившего деяние, запрещенное уголовным законом, с установленной мерой ответственности [7]. Однако ряд ученых акцентирует внимание на необходимости достижения определенной «глубины» антиобщественной направленности, измеряемой реальным деятельным отношением, формой общественной неприемлемости и объемом причиненного вреда.

Н.Ф. Кузнецова определяет личность преступника как систему социальных и психологических свойств, порождающих общественную опасность и детерминирующих совершение преступления [8].

Альтернативная трактовка представляет ее как совокупность социально-психологических качеств, сформированных в процессе социализации и предопределяющих выбор преступного способа удовлетворения потребностей [9].

Нам же представляется наиболее обоснованным понимание личности преступника как интегративной совокупности социально значимых свойств, связей и отношений, характеризующих виновного субъекта во взаимосвязи с иными (неличностными) условиями, влияющими на его противоправное поведение.

Обращаясь к специфике субъектов корыстных преступлений против лиц преклонного возраста, необходимо рассмотреть структуру их личности.

В криминологической литературе сложились различные подходы к структурированию данных качеств.

Ю.М. Антонян выделяет следующие подструктуры: социально-демографические признаки, уровень умственного развития, моральную сферу, психические процессы и состояния, а также биофизические характеристики (пол, возраст, здоровье) [10].

В.Д. Малков дополняет эту систему социально-ролевыми и уголовно-правовыми признаками [11], тогда как Ю.В. Чуфаровский делает акцент на нравственно-психологическом и криминологическом блоках [12].

Обобщая позиции Ю.М. Антоняна, В.П. Голубева и Ю.М. Кудряшова, следует констатировать, что корыстным преступникам присущ ряд универсальных черт, однако, криминологический анализ должен быть направлен не только на выявление внутригрупповых различий и отличий от насильственных преступников, но и на изучение динамической системы корыстной преступности в целом [13].

Заключение.

Специфика лиц, совершающих корыстные посяательства на пожилых граждан, заключается в наличии антисоциальной направленности, которая прослеживается в их поведении задолго до криминального эпизода.

Данная направленность формируется под воздействием негативных компонентов микросреды

(неполная семья, низкий нравственный и образовательный уровень, погружение в криминальную субкультуру).

Внешние обстоятельства влияют на выбор поведения не напрямую, а преломляясь через психологические особенности субъекта, детерминированные как социальными условиями, так и природными задатками.

Выбирая жертву, преступник руководствуется не только внешними виктимологическими характеристиками (пол, возраст, физическое состояние), но и внутренними: чрезмерной доверчивостью, рассеянностью, добродушием, особенностями памяти, системой убеждений и интересов (что особенно характерно для мошеннических действий).

Социальная характеристика изучаемой категории преступников включает:

- а) образовательный и культурный уровень;
- б) отношение к трудовой деятельности;
- в) наличие данных о предшествующем противоправном поведении (включая административные деликты).

Указанные параметры позволяют составить эмпирически верифицируемый портрет субъекта и разработать эффективные меры профилактики преступных посятельств в отношении наиболее уязвимой социально-возрастной группы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Криминология : учебник / Под ред. А.И. Долговой. М. : Норма, 2010. С. 215–217.
2. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М. : Форум – Инфа-М, 2022. С. 73–74.
3. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР // Советское государство и право. 1970. № 10. 28 с.
4. Франк Л.В. Виктимолгия и виктимность. Душанбе : Ирфон, 1972. С. 52–53.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. : Питер, 2002. С. 618–620.
6. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М. : Щит-М, 1999. С. 138–139.
7. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М. : Росс. Право, 1992. 84 с.
8. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М. : Изд-во МГУ, 1984. 102 с.
9. Игошев К.Е. Опыт социально-психологического анализа противоправного поведения // Вопросы борьбы с преступностью. 1976. Вып. 25. С. 47–48.
10. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследование преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. М. : Юристъ, 1996. С. 26–28.
11. Криминология : учебник / Под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006. С. 131–134.

12. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология : учебник. М. : Проспект, 2010. С. 311–313.
13. Голубев В.П. Криминологическая характеристика корыстных преступлений / В.П. Голубев, Ю.М. Кудряшов // Актуальные проблемы криминологии. М., 2005. С. 89–91.

References:

1. Criminology : textbook / Edited by A.I. Dolgova. M. : Norma, 2010. P. 215–217.
2. Kudryavtsev V.N. The Genesis of Crime. Experience in Criminological Modeling : textbook. M. : Forum – Infam, 2022. P. 73–74.
3. Sakharov A.B. On the personality of the criminal and the causes of crime in the USSR // Soviet State and Law. 1970. № 10. 28 p.
4. Frank L.V. Victimology and victimhood. Dushanbe : Irfon, 1972. P. 52–53.
5. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. M. : Piter, 2002. P. 618–620.
6. Alekseev A.I. Criminology: a course of lectures. M. : Shchit-M, 1999. P. 138–139.
7. Karpets I.I. Crime: illusions and reality. M. : Ross. Law, 1992. 84 p.
8. Kuznetsova N.F. Problems of criminological determination / Edited by V.N. Kudryavtsev. M. : Moscow State University Press, 1984. 102 p.
9. Igoshev K.E. Experience of socio-psychological analysis of unlawful behavior // Issues of combating crime. 1976. Iss. 25. P. 47–48.
10. Antonyan Yu.M. The Psychology of the Offender and Crime Investigation / Yu.M. Antonyan, M.I. Enikeev, V.E. Eminov. M. : Yurist, 1996. P. 26–28.
11. Criminology : textbook / Edited by V.D. Malkov. 2nd ed., revised. M. : Justicynyform, 2006. P. 131–134.
12. Chufarovskiy Yu.V. Legal psychology : textbook. M. : Prospekt, 2010. P. 311–313.
13. Golubev V.P. Criminological characteristics of mercenary crimes / V.P. Golubev, Yu.M. Kudryashov // Actual problems of criminology., 2005. P. 89–91.

Информация об авторе

Ярославский Михаил Александрович
преподаватель кафедры физической подготовки,
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
milena.555@mail.ru

Mikhail A. Yaroslavsky
Teacher of the Department of Physical Training,
North Caucasus Institute
of Advanced Training (branch)
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-4>

УДК 339.138

Attribution

cc by

ЛИЧНЫЙ БРЕНД ЮРИСТА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ СФЕРЫ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Закирова Ж.К., Данилова К.А.

Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина

Аннотация. В статье рассматривается личный бренд юриста как фактор конкурентоспособности организаций сферы юридических услуг. Актуальность темы связана с ростом конкуренции и цифровизацией коммуникаций. Юридическая услуга является доверительной и сложной для предварительной оценки клиентом. Клиент ориентируется на репутацию, экспертность и публичную представленность конкретного специалиста. В исследовании уточнено понятие «личный бренд юриста». Научная новизна исследования состоит в раскрытии связи личного бренда с конкурентоспособностью субъекта юридических услуг. Предложена модель влияния личного бренда юриста на клиентский выбор и рыночные позиции организации. Для эмпирической демонстрации использован интегральный индекс зрелости личного бренда. Эмпирическую базу составили экспертный опрос 48 респондентов, и апробация методики на 23 специалистах. Сделан вывод о влиянии личного бренда на доверие клиента, репутацию организации и ее конкурентные позиции.

Ключевые слова: личный бренд, персональный бренд, юрист, юридические услуги, конкурентоспособность, сфера услуг, доверие, репутация, интегральный индекс.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PERSONAL BRAND OF A LAWYER AS A FACTOR IN ENSURING THE COMPETITIVENESS OF ORGANIZATIONS IN THE LEGAL SERVICES SECTOR

Zhanna K. Zakirova, Kseniya A. Danilova

Ural Federal University named After the First President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract. The article examines the personal brand of a lawyer as a factor in the competitiveness of organizations in the legal services sector. The relevance of the topic is related to growing competition and the digitalization of communications. Legal services are trust-based and difficult for a client to assess in advance. The client focuses on the reputation, expertise, and public visibility of a specific specialist. The study clarifies the concept of a lawyer's personal brand. The scientific novelty lies in revealing the connection between a personal brand and the competitiveness of a legal services provider. The article proposes a model of the influence of a lawyer's personal brand on client choice and the organization's market position. An integral maturity index of the personal brand is used for empirical demonstration. The empirical basis consists of an expert survey of 48 respondents and testing of the methodology on 23 specialists. The conclusion is made about the influence of a personal brand on client trust, the organization's reputation, and its competitive position.

Keywords: personal brand, personal branding, lawyer, legal services, competitiveness, service sector, trust, reputation, integral index.

Funding: Independent work.

Введение

Современное развитие сферы услуг характеризуется усилением конкуренции, расширением цифровых каналов взаимодействия с потребителями и ростом значимости нематериальных

факторов выбора поставщика услуги. Для юридического рынка это особенно важно, поскольку юридическая услуга относится к числу профессиональных и доверительных услуг: клиент, как правило, не обладает достаточными специаль-

ными знаниями для предварительной оценки ее качества, не всегда может заранее спрогнозировать результат и принимает решение в условиях высокой неопределенности, поскольку нематериальный характер услуги «связан с невозможностью демонстрации и опробования до получения, с отсутствием осязаемого конечного продукта» [4, с. 3].

В связи с этим, конкурентоспособность субъекта юридических услуг определяется не только ценой, перечнем услуг и формальными признаками квалификации специалистов, но и уровнем доверия к конкретному юристу, прозрачностью его экспертной позиции, убедительностью представленных результатов профессиональной деятельности, репутацией и ценностным содержанием юридической помощи.

Специфика юридических услуг усиливает значение конкретного исполнителя. И.В. Долгова и А.А. Жамборов отмечают, что маркетинг все прочнее входит в практику деятельности не только юридических компаний, но и отдельных специалистов — юристов, адвокатов, юрисконсультов, нотариусов и оценщиков [4, с. 1]. Поэтому даже при работе юриста внутри компании клиентское доверие часто персонализируется: потенциальный клиент оценивает не только организацию, но и конкретного специалиста, его опыт, репутацию, стиль коммуникации и публичные доказательства профессиональной результативности.

Именно поэтому личный бренд юриста становится значимым элементом конкурентного поведения юридической компании, адвокатского образования или индивидуально практикующего специалиста.

Несмотря на рост научного интереса к личному бренду, связь личного бренда юриста с конкурентоспособностью субъектов сферы юридических услуг раскрыта недостаточно. В имеющихся работах чаще анализируются общие вопросы персонального брендинга, маркетинг юридических услуг либо доверие к юридической компании.

В связи с этим, научная проблема настоящей статьи состоит в определении того, каким образом личный бренд конкретного юриста влияет не только на его профессиональное продвижение, но и на конкурентные позиции субъекта юридических услуг.

Цель исследования — теоретически обосновать и эмпирически продемонстрировать влияние личного бренда юриста на конкурентоспособность организаций сферы юридических услуг.

Материалы и методы.

Материалами исследования выступили научные публикации по проблематике личного бренда, конкурентоспособности предприятий сферы услуг, юридического маркетинга и доверия к

юридическим услугам, а также результаты авторского эмпирического исследования рынка юридических услуг г. Екатеринбурга.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе апробации авторской методики оценки уровня зрелости личного бренда юриста. Для апробации была сформирована целевая выборка из 23 специалистов, представляющих пять юридических компаний, действующих на рынке юридических услуг г. Екатеринбурга (из рейтинга DK.RU по обороту от правовых услуг¹; консалтинговый центр «Первомай» включен как база практической апробации). В выборку вошли управляющие партнеры, адвокаты, ведущие юрисконсульты и юрисконсульты, что позволило сопоставить уровень зрелости личного бренда с профессиональным статусом и публичной активностью специалиста.

Оценка личного бренда каждого специалиста проводилась экспертной группой из 7 человек. В состав экспертной группы вошли автор исследования и 6 внешних экспертов, выступающих как потенциальные клиенты юридических услуг. Экспертам была предложена Google-форма, в которой оценивались четыре компонента личного бренда юриста: ядро бренда, визуальные атрибуты, функциональные преимущества и эмоциональные преимущества.

Дополнительно при формировании весовых коэффициентов компонентов личного бренда были учтены результаты анкетирования 48 респондентов, которым предлагалось оценить значимость функциональных, репутационных, визуальных и эмоциональных характеристик при выборе юриста.

В исследовании использованы методы анализа научной литературы, сравнительного анализа, обобщения, экспертного оценивания, структурно-логического моделирования и расчета интегрального индекса зрелости личного бренда юриста.

Обсуждение. Результаты.

Вопросы конкурентоспособности предприятий сферы услуг достаточно широко представлены в экономической литературе.

Е.А. Арбатская рассматривает конкурентоспособность предприятия сферы услуг как оцененное субъектами внешней и внутренней среды превосходство над конкурентами, связанное с ассортиментом и качеством услуг, долей рынка и конкурентным потенциалом [1, с. 2].

В условиях цифровой экономики данное понимание расширяется: М.Д. Миронова и В.А. Рубцов выделяют технологические, клиентоориентированные, организационные и институцио-

¹ Запросы нового времени на юридические услуги: рейтинг правовых компаний Екатеринбурга // dk.ru: [сайт]. URL : <https://www.dk.ru/news/237205988>

нальные факторы конкурентоспособности сервисных предприятий [10, с. 2].

Для юридической сферы особое значение приобретают клиентоориентированность, цифровая представленность, репутация и доверие, поскольку клиент не всегда способен заранее оценить качество юридической услуги и ориентируется на внешние признаки надежности специалиста.

Проблематика личного бренда также получила развитие в современной научной литературе. Ю.В. Камышкова-Ковальчук отмечает, что личный бренд в России перестал быть только маркетинговым трендом и стал самостоятельным объектом научного исследования [6, с. 433]. Автор указывает на то, что понятия «личный бренд» и «персональный бренд» часто используются как близкие по смыслу, однако термин «личный бренд» сильнее связан с индивидуальностью и идентичностью специалиста [6, с. 434].

Р.К. Крайнева и А.С. Дробина рассматривают персональный бренд как целостный образ человека, формируемый через поведение, коммуникацию, визуальные признаки и каналы продвижения [9, с. 96].

Ю.В. Золотарева и А.А. Биль применительно к юридической сфере выделяют в структуре личного бренда юриста личность, экспертность и охват [5, с. 116].

Следовательно, личный бренд юриста нельзя сводить только к публичности или имиджу: он должен отражать профессиональную компетентность, репутацию и доверие к специалисту.

Цифровая среда усиливает значение личного бренда юриста.

В.Г. Шадрин относит к инструментам продвижения персонального бренда социальные сети, сайт, экспертный контент, интервью, онлайн-мероприятия и авторские публикации [14, с. 619].

Е.Ю. Суслов и Ю.В. Камышкова-Ковальчук подчеркивают, что восприятие личного бренда связано не только с внешними проявлениями, но и с доверием, ценностями, профессиональной позицией и закреплённым представлением аудитории о человеке [11].

Для юридической сферы данный вывод имеет особое значение, поскольку клиент выбирает не просто услугу, а специалиста, которому можно доверить правовую проблему.

Существующие подходы к определению личного бренда раскрывают его преимущественно через узнаваемость, имидж, каналы продвижения, восприятие аудитории и профессиональную самопрезентацию. Однако для юридической сферы такие трактовки являются недостаточными, поскольку не отражают доверительный характер юридической услуги, персонализированный вы-

бор специалиста клиентом и влияние репутации конкретного юриста на конкурентные позиции субъекта юридических услуг.

Ограничением имеющихся подходов является и то, что личный бренд чаще рассматривается как индивидуальный ресурс специалиста, но не как фактор, влияющий на конкурентоспособность юридической компании, адвокатского образования или индивидуально практикующего специалиста.

С учетом выявленного ограничения, предлагается уточнить понятие «личный бренд юриста». Под личным брендом юриста в настоящем исследовании понимается сформированное в профессиональной и клиентской среде восприятие юриста, основанное на его экспертности, репутации, ценностях, коммуникативном стиле, цифровой представленности и подтвержденных результатах профессиональной деятельности, влияющее на доверие клиента, выбор юридической услуги и конкурентные позиции субъекта юридических услуг.

Предложенное определение расширяет общие трактовки личного бренда, поскольку связывает его не только с узнаваемостью и продвижением личности, но и с особенностями юридической услуги как профессиональной, доверительной и сложной для предварительной оценки. В юридической сфере личный бренд выполняет посредническую функцию между реальной профессиональной компетентностью юриста и ее восприятием клиентом. Благодаря этому экспертность, репутация и ценностная позиция специалиста становятся более понятными для клиента и используются как основание для выбора юридической услуги.

Особенности юридической услуги усиливают значение личного бренда.

Е.А. Арбатская указывает на то, что услуги характеризуются неосвязаемостью, непостоянством качества, неотделимостью от источника оказания, субъективностью требований потребителя и особой ролью коммуникативных навыков сотрудников [1, с. 3].

А.В. Гнилозуб подчеркивает, что из-за неосвязаемости услуги потребитель чувствует себя менее уверенно при ее приобретении, а основными носителями бренда в сфере услуг выступают сотрудники компании [2, с. 638–639].

Для юридической организации это означает, что юрист является не только исполнителем услуги, но и носителем репутации компании. От его поведения, коммуникации и профессионального образа зависит восприятие всей юридической организации клиентом.

В юридической сфере доверие и цифровая представленность становятся самостоятельными факторами клиентского выбора.

И.В. Долгова и А.А. Жамборов отмечают, что развитие информационных технологий повысило информированность потребителей юридических услуг: клиенты изучают отзывы, сравнивают юридические фирмы и отдельных специалистов по результативности и стоимости [4, с. 2].

Н.И. Хохлова и Н.П. Плеханова показывают, что при выборе юридической фирмы значимыми для потребителей являются рекомендации, хорошие отзывы, положительная репутация и личный опыт [12, с. 202].

Данные положения подтверждают, что личный бренд юриста влияет на конкурентоспособность через доверие, отзывы, рекомендации и снижение неопределенности клиентского выбора.

Коммуникационные инструменты также усиливают данную связь.

О.Н. Кондратьева и Ю.С. Игнатова рассматривают юридическую маркетинговую коммуникацию как комплекс стратегий продвижения юридических услуг от юристов и адвокатов к клиентам и доверителям [7, с. 2361].

О.Н. Кондратьева и С.Ю. Рогожникова показывают, что корпоративный сайт адвокатской организации формирует образ успешной и авторитетной организации [8, с. 196–197].

С.И. Черемисина доказывает возможность влияния личного бренда на конкурентоспособность организации в сфере услуг через доверие и узнаваемость конкретного лица [13, с. 82–84].

В юридической сфере эта зависимость выражена сильнее, поскольку доверие к конкретному специалисту часто становится главным условием обращения клиента.

Таким образом, личный бренд юриста находится на пересечении исследований личного бренда, конкурентоспособности сферы услуг, юридического маркетинга и доверия к профессиональным услугам.

В имеющихся работах раскрыты отдельные аспекты данной проблемы:

- личный бренд рассматривается через узнаваемость, экспертность и восприятие аудитории;
- конкурентоспособность сферы услуг — через качество, клиентский опыт и нематериальные факторы выбора;
- юридический маркетинг — через доверие, репутацию, отзывы и коммуникацию с доверителем.

При этом связь личного бренда юриста с конкурентоспособностью юридической организации раскрыта недостаточно.

Для устранения данного разрыва предлагается авторская модель, объединяющая компоненты личного бренда юриста, механизмы клиентского выбора и показатели конкурентоспособности организации (рис. 1).

Рисунок 1 – Модель влияния личного бренда юриста на конкурентоспособность юридической организации.

Источник: разработано автором.

Представленная модель показывает, что личный бренд юриста влияет на конкурентоспособность юридической организации через четыре группы управляемых компонентов: функциональные преимущества, ядро бренда, визуальные атрибуты и эмоциональные преимущества.

Для эмпирической демонстрации связи личного бренда юриста с конкурентоспособностью юридической организации использован интегральный индекс зрелости личного бренда, который рассчитывается на основе четырех компонентов авторской модели, каждый из которых оценивался экспертами по шкале от 0 до 10 баллов, где 0 баллов означает отсутствие признака или крайне слабое его проявление, а 10 баллов — максимально выраженное проявление признака.

Критерии экспертной оценки были сгруппированы по компонентам личного бренда:

- функциональные преимущества оценивались через частоту упоминаний в поисковых системах, количество клиентов и доход, связанный с личной клиентской базой;
- ядро бренда включало индекс позитивности упоминаний, оценку профессиональной репутации, степень уникальности и устойчивость ассоциаций с личностью юриста;
- визуальные атрибуты оценивались через узнаваемость, доверие к визуальному образу и целостность имиджа;
- эмоциональные преимущества включали репутацию в профессиональной среде, охват и вовлеченность аудитории, а также уровень лояльности клиентов.

Каждый эксперт оценивал показатели по каждому из четырех компонентов личного бренда. Затем по каждому компоненту определялся средний балл с учетом оценок всех 7 экспертов. Далее рассчитывался интегральный индекс зрелости личного бренда юриста по формуле 1:

$$I = \sum(Bi * Wi), \quad (1)$$

где I — интегральный индекс зрелости бренд;
 Bi — средний балл по компоненту; Wi — весовой коэффициент [3].

Весовые коэффициенты были определены на основе экспертного опроса 48 респондентов, среди которых были индивидуальные юристы, партнеры юридических компаний и представители корпоративных клиентов. Наибольший вес получили функциональные преимущества — 40 %, что подтверждает решающую роль профессионального опыта, количества клиентов и дохода от личной клиентской базы. Ядро бренда получило вес 25 %, визуальные атрибуты — 20 %, эмоциональные преимущества — 15 % [3, с. 79–80].

Интерпретация интегрального индекса осуществлялась по четырем уровням зрелости:

- 0–3,9 балла — слабый или не сформированный бренд;
- 4–5,9 балла — частично сформированный бренд, требующий доработки;
- 6–7,9 балла — устойчивый бренд с точками роста;
- 8–10 баллов — сформированный личный бренд [3, с. 79–80].

Апробация методики была проведена на выборке из 23 специалистов, представляющих пять юридических компаний Екатеринбурга. Результаты оценки показали наличие связи уровня зрелости личного бренда с профессиональным статусом и публичной активностью юриста.

Из 23 оцененных специалистов сформированный личный бренд выявлен у 3 человек, что составляет 13 % выборки; устойчивый бренд с точками роста — также у 3 человек, или 13 % выборки; частично сформированный бренд — у 6 человек, или 26 % выборки; слабый личный бренд — у 11 человек, или 48 % выборки. Наиболее высокие оценки получили управляющие партнеры юридических компаний, обладающие выраженной профессиональной репутацией, публичностью, участием в рейтингах и экспертной активностью. Более низкие оценки характерны для рядовых юрисконсультов, у которых отсутствует системная работа с публичным позиционированием, цифровой представленностью и визуальной идентификацией.

Данные результаты показывают, что личный бренд юриста связан с конкурентоспособностью юридической организации через персонализированное доверие к специалисту. Управляющие партнеры и публично представленные юристы не только оказывают юридическую услугу, но и формируют внешний репутационный контур организации: повышают узнаваемость компании, снижают неопределенность клиентского выбора, усиливают доверие к услуге и повышают вероятность обращения по рекомендации. Поэтому личный бренд юриста следует рассматривать не только как инструмент индивидуального продвижения, но и как нематериальный ресурс конкурентоспособности организации сферы юридических услуг.

Заключение.

Проведенное исследование позволило обосновать личный бренд юриста как репутационно-персонализированный фактор конкурентоспособности субъектов сферы юридических услуг. Установлено, что специфика юридической услуги усиливает значение доверия к конкретному специалисту, поскольку клиент не всегда способен заранее оценить качество правовой помощи и

вынужден ориентироваться на внешние признаки надежности: репутацию, экспертность, публичную представленность, отзывы, рекомендации и характер коммуникации.

Научная новизна исследования заключается в уточнении понятия «личный бренд юриста» и обосновании его связи не только с индивидуальным профессиональным продвижением специалиста, но и с конкурентоспособностью юридической организации.

В статье предложено рассматривать личный бренд юриста как сформированное в профессиональной и клиентской среде восприятие специалиста, основанное на его экспертности, репутации, ценностях, коммуникативном стиле, цифровой представленности и подтвержденных результатах профессиональной деятельности, влияющее на доверие клиента, выбор юридической

услуги и конкурентные позиции субъекта юридических услуг.

Практическая значимость исследования состоит в разработке модели влияния личного бренда юриста на конкурентоспособность юридической организации и использовании интегрального индекса зрелости личного бренда.

Апробация методики на выборке из 23 специалистов пяти юридических компаний показала связь уровня зрелости личного бренда с профессиональным статусом, публичной активностью и рыночной видимостью юриста.

Полученные результаты подтверждают, что развитие личного бренда юриста способствует снижению неопределенности клиентского выбора, повышению доверия к юридической услуге, укреплению репутации организации и усилению ее конкурентных позиций.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Арбатская Е.А. Управление конкурентоспособностью предприятий сферы услуг: понятие и механизм реализации // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 2. 18 с. DOI 10.17150/2072-0904.2015.6(2).18. EDN TNAACP
2. Гнилозуб А.В. Формирование бренда в сфере услуг на основе концепции дизайн-мышления // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4(44). С. 638–643. EDN WRIHXQ
3. Данилова К.А. Методика оценки зрелости и алгоритм построения личного бренда юриста: разработка и апробация / К.А. Данилова, Ж.К. Закирова // Маркетинг в России и за рубежом. 2026. № 1. С. 75–82. EDN LNCDQL
4. Долгова И.В. Маркетинг юридических услуг: стратегический подход / И.В. Долгова, А.А. Жамборов // Human Progress. 2024. Т. 10. № 4. URL : http://progress.human.com/images/2024/Tom10_4/Dolgova.pdf. DOI 10.46320/2073-4506-2024-4a-32 EDN NIFVYN
5. Золотарева Ю.В. Личный бренд юриста как инструмент профессионального развития и продвижения / Ю.В. Золотарева, А.А. Биль // Заметки ученого. 2023. № 1. С. 112–119. EDN AGTFKL
6. Камышкова-Ковальчук Ю.В. Научная разработанность темы личного бренда в России // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2026. № 3. С. 433–438. DOI 10.26118/2782-4586.2026.78.70.099 EDN QQVLWC
7. Кондратьева О.Н. Стратегия клиентоориентированности в юридической маркетинговой коммуникации (на материале корпоративных сайтов адвокатских организаций Кемеровской области) / О.Н. Кондратьева, Ю.С. Игнатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 6. С. 2359–2365. DOI 10.30853/phil20250332 EDN QYWEPK
8. Кондратьева О.Н. Корпоративный сайт как средство создания образа успешной адвокатской организации (на материале сайта московской коллегии адвокатов «Жорин и партнеры») / О.Н. Кондратьева, С.Ю. Рогожникова // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1. № 4. С. 196–202. URL : <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2022-1-4-196-202>
9. Крайнева Р.К. Бренд как объект продвижения личности в современном мире / Р.К. Крайнева, А.С. Дробина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13. № 5. С. 95–103. DOI 10.26794/2226-7867-2023-13-5-95-103 EDN UVHXGO
10. Миронова М.Д. Матрица факторов конкурентоспособности предприятий сферы услуг в цифровой экономике / М.Д. Миронова, В.А. Рубцов // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № 6. URL : <https://esj.today/PDF/01ECVN625.pdf> DOI: 10.15862/01ECVN625

11. Суслов Е.Ю. Исследование восприятия личного бренда / Е.Ю. Суслов, Ю.В. Камышкова-Ковальчук // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2024. № 6(109). С. 211–219. DOI 10.21295/2223-5639-2024-6-211-219. EDN NWICJG.
12. Хохлова Н.И. Психологические факторы, обуславливающие доверие потребителей к юридической компании / Н.И. Хохлова, Н.П. Плеханова // Психология и право. 2022. Т. 12. № 1. С. 196–208. DOI 10.17759/psylaw.2022120115 EDN NUXETX
13. Черемисина С.И. Личный бренд как фактор конкурентоспособности ресторана / С.И. Черемисина; Под ред. А.Д. Кривоносова // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 февраля – 24. 2020 года. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. Ч. 2. С. 82–84. EDN ADIPHT
14. Шадрин В.Г. Инструменты продвижения персонального бренда в условиях цифровизации // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 3. С. 609–624. DOI 10.18334/ce.18.3.120704 EDN VIOXTO

References:

1. Arbatskaya E.A. Management of service company competitiveness: concept and mechanism of implementation // Proceedings of Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law). 2015. Vol. 6. № 2. 18 p. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).18 EDN TNAACP
2. Gnizozub A.V. Brand formation in the service sector based on the concept of design thinking // Skif. Issues of Student Science. 2020. № 4(44). P. 638–643. EDN WRIHXQ
3. Danilova K.A. Methodology for assessing the maturity and algorithm for building a lawyer's personal brand: development and testing / K.A. Danilova, Zh.K. Zakirova // Marketing in Russia and Abroad. 2026. № 1. P. 75–82. EDN LNCDQL
4. Dolgova I.V. Marketing of legal services: a strategic approach / I.V. Dolgova, A.A. Zhamborov // Human Progress. 2024. Vol. 10. № 4. URL : http://progress-human.com/images/2024/Tom10_4/Dolgova.pdf DOI: 10.46320/2073-4506-2024-4a-32 EDN NIFVYH.
5. Zolotareva Yu.V. The personal brand of a lawyer as a tool for professional development and promotion / Yu.V. Zolotareva, A.A. Bil // Notes of a Scientist. 2023. № 1. P. 112–119. EDN AGTFKL
6. Kamysheva-Kovalchuk Yu. V. The scholarly development of the topic of personal branding in Russia // Journal of Monetary Economics and Management. 2026. № 3. P. 433–438. DOI: 10.26118/2782-4586.2026.78.70.099 EDN QQVLWC
7. Kondratyeva O.N. Client-oriented strategy in legal marketing communication: based on the material of corporate websites of lawyers' organizations in the Kemerovo Region / O.N. Kondratyeva, Yu.S. Ignatova // Philology. Theory & Practice. 2025. Vol. 18. № 6. P. 2359–2365. DOI: 10.30853/phil20250332 EDN QYWEPK
8. Kondratyeva O.N. Corporate website as a means of creating the image of a successful law firm: based on the website of the Moscow Bar Association «Zhorin and Partners» / O.N. Kondratyeva, S.Yu. Rogozhnikova // Virtual Communication and Social Networks. 2022. Vol. 1. № 4. P. 196–202. DOI: 10.21603/2782-4799-2022-1-4-196-202
9. Krayneva R.K. Brand as an object of personal promotion in the modern world / R.K. Krayneva, A.S. Drobina // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2023. Vol. 13. № 5. P. 95–103. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-95-103 EDN UVHXGO
10. Mironova M.D. Matrix of competitiveness factors for service enterprises in the digital economy / M.D. Mironova, V.A. Rubtsov // The Eurasian Scientific Journal. 2025. Vol. 17. № 6. URL : <https://esj.today/PDF/01ECVN625.pdf> DOI: 10.15862/01ECVN625
11. Suslov E.Yu. Study of personal brand perception / E.Yu. Suslov, Yu.V. Kamysheva-Kovalchuk // Bulletin of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2024. № 6(109). P. 211–219. DOI: 10.21295/2223-5639-2024-6-211-219 EDN NWICJG
12. Khokhlova N.I. Psychological factors determining consumer trust in a legal company / N.I. Khokhlova, N.P. Plekhanova // Psychology and Law. 2022. Vol. 12. № 1. P. 196–208. DOI: 10.17759/psylaw.2022120115 EDN NUXETX
13. Cheremisina S.I. Personal brand as a factor in restaurant competitiveness / S.I. Cheremisina; Ed. by A.D. Krivonosov // Branding as a Communication Technology of the 21st Century: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, February 27–24, 2020. SPb. : Saint Petersburg State University of Economics, 2020. Part 2. P. 82–84. EDN ADIPHT
14. Shadrin V.G. Tools for promoting a personal brand in the context of digitalization // Creative Economy. 2024. Vol. 18. № 3. P. 609–624. DOI: 10.18334/ce.18.3.120704 EDN VIOXTO

Информация об авторе

Закирова Жанна Кайрулловна
магистрант,
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
zhannazakirova1@yandex.ru

Zhanna K. Zakirova
Master's Student,
Ural Federal University
named After the First President
of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg
zhannazakirova1@yandex.ru

Данилова Ксения Александровна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры менеджмента
Института экономики и управления,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
SPIN-код: 6956-1330
k.a.danilova@urfu.ru

Kseniya A. Danilova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Management,
Institute of Economics and Management,
Ural Federal University
named After the First President
of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg
SPIN-код: 6956-1330
k.a.danilova@urfu.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.06.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.07.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-9>

УДК 338.4

Attribution

cc by

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Лаврова А.П.

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что сельский туризм признан стратегическим направлением государственной политики. Для крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х) это открывает новые возможности для диверсификации бизнеса, расширения каналов сбыта продукции и увеличения доходов. В статье проанализированы ключевые тенденции развития К(Ф)Х, включая индивидуальных предпринимателей, как особую категорию сельскохозяйственных товаропроизводителей. Установлено, что совмещение аграрного производства с оказанием туристических услуг способствует эффективному продвижению фермерской продукции, однако требует от владельцев хозяйств качественно новых компетенций. Автор рассмотрены основные мотивы туристов, предпочитающих отдых в сельской местности, и представлена классификация видов сельского туризма. Выявлены инфраструктурные, кадровые, финансовые и правовые барьеры, сдерживающие отрасль. По итогам исследования сделан вывод о том, что развитие туристической инфраструктуры напрямую зависит от мер государственной поддержки К(Ф)Х, включающих предоставление грантов и субсидий, а также обеспечение доступа к образовательным и информационным ресурсам. Подобные механизмы укрепляют финансовое положение хозяйств и способствуют комплексному развитию сельских территорий.

Ключевые слова: крестьянские (фермерские) хозяйства, сельский туризм, диверсификация, сельскохозяйственная продукция, сельские территории, грант, субсидия, государственная поддержка.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE ROLE OF PEASANT (FARM) HOUSEHOLDS IN THE DEVELOPMENT OF RURAL TOURISM IN RUSSIA

Alevtina P. Lavrova

Saint-Petersburg State Agrarian University

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that rural tourism has been recognized as a strategic area of government policy. For peasant (farm) households (P(F)H), this opens up new opportunities for business diversification, expanding sales channels, and increasing revenues. The article analyzes the key trends in the development of P(F)H, including individual entrepreneurs, as a special category of agricultural producers. It has been established that combining agricultural production with the provision of tourism services contributes to the effective promotion of farm products, but requires qualitatively new competencies from farm owners. The author examines the main motives of tourists who prefer to vacation in rural areas, and presents a classification of types of rural tourism. Infrastructure, personnel, financial, and legal barriers hindering the industry are identified. Based on the results of the study, it was concluded that the development of tourism infrastructure directly depends on government support measures for P(F)H, including the provision of grants and subsidies, as well as access to educational and information resources. Such mechanisms strengthen the financial position of farms and contribute to the integrated development of rural areas.

Keywords: peasant (farm) households, rural tourism, diversification, agricultural products, rural areas, grant, subsidy, government support.

Funding: Independent work.

© Лаврова А.П.

Введение.

В настоящее время развитие сельского туризма в Российской Федерации стимулируется растущим интересом как со стороны путешественников, так и со стороны крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х). Главная особенность этой сферы услуг заключается в том, что гостям предлагается не просто проживание в сельской местности, а полное погружение в традиционный быт и возможность приобрести фермерскую продукцию напрямую от производителя [1].

Фермеры, решившие самостоятельно организовать прием туристов и экскурсантов, в большинстве случаев сталкиваются с рядом барьеров: слабой транспортной доступностью, неразвитостью базовой инфраструктуры, нехваткой рабочей силы и финансовых средств, сложностями в оформлении разрешительной документации, а также трудностями при создании уникального турпродукта и его продвижении. Дополнительными факторами выступают сезонность спроса и отсутствие отлаженных механизмов взаимодействия между хозяйствами, турфирмами и местными властями. Однако наиболее значимой проблемой остается недостаток компетенций в сфере сервиса. Низкий уровень обслуживания и несоответствие реальности ожиданиям туристов не только вызывают жалобы, но и подрывают репутацию всего направления.

Целью настоящей статьи является анализ ключевых тенденций развития К(Ф)Х и обозначение их роли в популяризации сельского туризма. Информационной базой исследования послужили научные публикации [2–9], нормативно-правовые акты [10–16], а также официальные данные Министерства сельского хозяйства РФ [17], Росстата [18] и Росреестра [19]. В работе применен комплекс теоретических и эмпирических методов научного познания.

Обсуждение. Результаты.

Сегодня К(Ф)Х, наряду с сельскохозяйственными организациями и хозяйствами населения, представляют собой одну из ключевых форм производства в аграрном секторе страны. По сведениям Росреестра, на 1 января 2025 г. их число выросло на 8,6 % по сравнению с 2015 г., достигнув 284,2 тыс. единиц. В 2024 г. общая площадь занимаемыми ими земельных участков составила 20420,6 тыс. га (без учета индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств оленеводческого профиля), что в среднем соответствует 71,85 га на одно хозяйство [19].

Согласно данным Росстата, доля К(Ф)Х, включая индивидуальных предпринимателей (ИП), в структуре сельскохозяйственной продукции возросла с 3,2 % в 2000 г. до 14,2 % в 2024 г. (рис. 1).

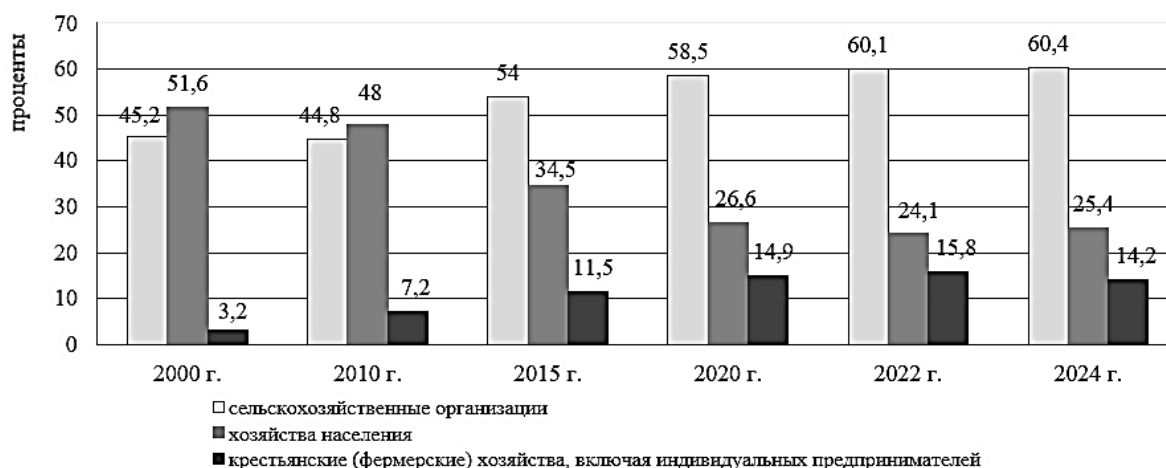

Рисунок 1 – Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в Российской Федерации (в фактически действовавших ценах; в процентах к итогу) (составлено на основе [18])

К(Ф)Х и ИП специализируются преимущественно на производстве растениеводческой продукции, на которую в 2024 г. пришлось 81,4 % от общего

объема, в то время как на животноводческую – лишь 18,6 % (табл. 1).

Таблица 1

Продукция сельского хозяйства крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей Российской Федерации [18]

Показатель	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2024 г.
Продукция сельского хозяйства – всего (млрд руб., в фактических ценах)	551,1	964,2	1350,4	1327,8
в том числе:				
растениеводства	442,0	792,7	1137,3	1081,4
животноводства	109,1	171,5	213,1	246,4
Удельный вес, %				
растениеводства	80,2	82,2	84,2	81,4
животноводства	19,8	17,8	15,8	18,6

Посевные площади между тремя категориями хозяйств распределены неравномерно, напри-

мер, в 2024 году на долю К(Ф)Х и ИП пришлось 32,2 % (рис. 2).

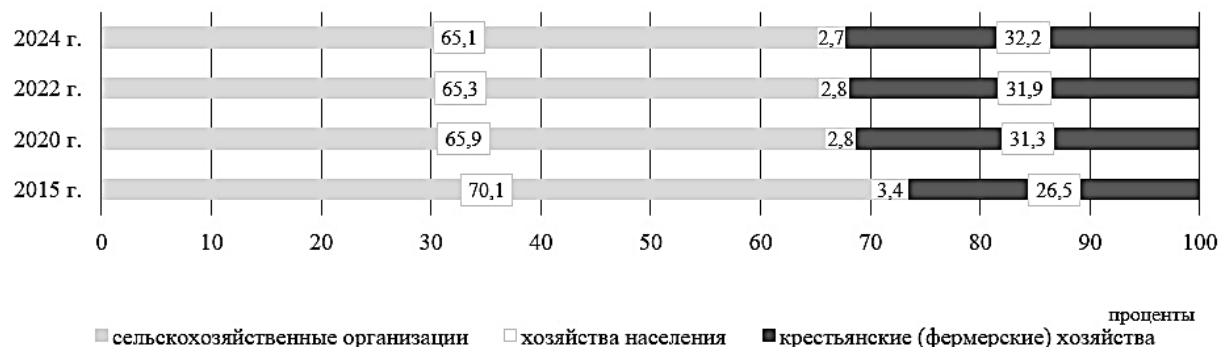

Рисунок 2 – Структура посевных площадей по категориям хозяйств, в процентах (составлено на основе [18])

Важно отметить, что за рассматриваемый период с 2015 г. по 2024 г. общая посевная площадь К(Ф)Х и ИП увеличилась на 5061 тыс. га (с 20854 тыс. га до 25915 тыс. га). Наибольший рост про-

демонстрировали посевы технических культур (+ 3049 тыс. га), зерновых и зернобобовых культур (+ 2009 тыс. га) (табл. 2).

Таблица 2

Посевные площади сельскохозяйственных культур крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей Российской Федерации [18]

Показатели	2015 г.		2020 г.		2022 г.		2024 г.		2024 г. к 2015 г. (+, –)
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га
Вся посевная площадь	20854	100	25004	100	26264	100	25915	100	+5061
в том числе:									
зерновые	14096	67,6	16679	66,7	16569	63,1	16105	62,1	+2009
и зернобобовые культуры	3652	17,5	4919	19,7	6572	25,0	6701	25,9	+3049
технические культуры									
картофель и овощебахчевые культуры	334	1,6	268	1,1	270	1,0	258	1,0	–76
кормовые культуры	2771	13,3	3139	12,5	2852	10,9	2851	11,0	+80

За исследуемый период отмечается некоторый рост поголовья крупного рогатого скота: если в 2015 г. в К(Ф)Х и ИП насчитывалось 2241 тыс. гол., то в 2024 г. их количество составило 2732

тыс. гол. При этом наблюдается тенденция к сокращению численности свиней, овец и коз (табл. 3).

Таблица 3

Поголовье скота и птицы в крестьянских (фермерских) хозяйствах и индивидуальных предпринимателей Российской Федерации (тыс. гол.) [18].

Показатели	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2024 г.	2024 г. к 2015 г. (+, –)
Крупный рогатый скот	2241	2823	2920	2732	+491
в том числе коровы	1106	1399	1465	1373	+267
Свиньи	468	313	221	175	–293
Овцы и козы	8717	8354	8247	7939	–778
Птица (млн гол.)	9,9	9,3	8,8	9,5	–0,4

За период 2015–2024 гг. удельный вес К(Ф)Х и ИП в структуре производства зерна увеличился с 26,4 % до 30,2 %, сахарной свеклы – с 10,6 % до 11,4 %, семян подсолнечника – с 29,3 % до 38,9 %, бобов соевых – с 24,8 % до 25 %, картофеля – с 11,4 % до 16,5 %, овощей – с 18,2 % до 23,6 %. В выпуске животноводческой продукции доля данной формы хозяйствования менее выражена (за исключением шерсти): в 2024 г. на них пришлось

3,1 % скота и птицы на убой, 8,5 % молока, 1,3 % яиц, 41,6 % шерсти и 6,1 % меда (табл. 4).

Данные таблицы 4 подтверждают, что за рассматриваемый период К(Ф)Х и ИП нарастили объемы производства практически по всем видам сельскохозяйственной продукции, кроме шерсти. Это свидетельствует об их существенном вкладе в обеспечение продовольственной безопасности страны.

Таблица 4

Динамика и доля производства основных видов сельскохозяйственной продукции в крестьянских (фермерских) хозяйствах и индивидуальных предпринимателей Российской Федерации [18]

Вид продукции	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2024 г.
Зерно (в весе после доработки), тыс. т	27605	39405	47631	38005
Доля в общем объеме производства, %	26,4	29,5	30,2	30,2
Сахарная свекла, тыс. т	4138	2574	4239	5156
Доля в общем объеме производства, %	10,6	7,6	8,7	11,4
Семена подсолнечника, тыс. т	2718	4650	6278	6584
Доля в общем объеме производства, %	29,3	35,0	38,4	38,9
Бобы соевые, тыс. т	674	899	1399	1766
Доля в общем объеме производства, %	24,8	20,9	23,3	25,0
Картофель, тыс. т	2899	2721	2930	2949
Доля в общем объеме производства, %	11,4	13,9	15,6	16,5
Овощи, тыс. т	2396	2970	3034	3289
Доля в общем объеме производства, %	18,2	21,4	22,3	23,6
Скот и птица на убой (в убойном весе), тыс. т	283	351	361	378
Доля в общем объеме производства, %	3,0	3,1	3,1	3,1
Молоко, тыс. т	2011	2846	2981	2890
Доля в общем объеме производства, %	6,7	8,8	9,0	8,5
Яйца, млн. шт.	374	556	596	594
Доля в общем объеме производства, %	0,9	1,2	1,3	1,3
Шерсть (в физическом весе), тыс. т	18,8	19,7	18,2	18,1
Доля в общем объеме производства, %	33,8	38,1	39,6	41,6
Мед, тыс. т	2,5	2,7	3,3	3,9
Доля в общем объеме производства, %	3,7	4,1	5,0	6,1

Неотъемлемым условием успешного функционирования К(Ф)Х является всесторонняя помощь как на федеральном, так и на региональном уровнях. В то же время, органы власти проявляют к данной организационно-правовой форме повышенное внимание в связи растущим спросом на сельский туризм. Интеграция сельскохозяйственной деятельности с предоставлением туристических услуг открывает возможности для устойчивого развития и минимизации рисков за счет диверсификации производства и формирования эффективного канала сбыта продукции [7].

Более того, сельский туризм, наряду с внутренним, социальным, выездным, самодеятельным и детским туризмом, признан приоритетным направлением государственной политики, что закреплено в Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г. [13] и Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. [14].

Понятие «сельский туризм» закреплено в Федеральном законе от 2 июля 2021 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»», согласно которому это «туризм, предусматривающий посещение винодельческих хозяйств, сельской местности, малых городов с численностью населения до тридцати тысяч человек в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни и обычаям народов Российской Федерации, ознакомления с объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации, связанными с сельским хозяйством, а также ознакомления с сельскохозяйственным производ-

ством и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью использования услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг» [12].

Крестьянские (фермерские) хозяйства получили право оказывать услуги в сфере сельского туризма после вступления в силу Федерального закона от 22 июня 2024 г. № 160-ФЗ, который внес изменения в Федеральные законы «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и «О развитии сельского хозяйства». Это позволило им официально размещать туристов в жилых домах, входящих в состав имущества хозяйства, а также реализовывать продукцию собственного производства, используя для этого помещения в капитальных объектах, некапитальные сооружения и нестационарные торговые объекты на части участка, не относящейся к сельхозугодьям [11].

Нужно выделить, что основными мотивами потребителей, выбирающих сегодня отдых в сельской местности, являются:

- стремление к уединению: возможность насладиться тишиной, чистым воздухом и живописными пейзажами, а также питаться натуральными продуктами;
- смена обстановки: отвлечение от повседневности, стремление жителей мегаполисов поменять динамичный городской ритм на размеренную и органичную жизнь;
- семейный досуг: поиск новых впечатлений и эмоций для детей и взрослых;

- приобщение к культуре и обычаям: знакомство с местными традициями и участие в народных праздниках;
- экономическая доступность: сельский туризм часто выступает бюджетным и безопасным вариантом отдыха;
- многообразие активностей: сочетание рекреационного, познавательного, спортивного, гастрономического и других направлений времяпровождения.

Развитие туристической инфраструктуры в сельских районах входит в перечень ключевых задач стратегического планирования большинства субъектов Российской Федерации. Для разработки адресных региональных программ, учитывающих специфику каждой территории, необходима классификация основных видов сельского туризма. Типология направлений в зависимости от целей путешествия представлена на рисунке 3.

Рисунок 3 – Основные виды сельского туризма (составлено на основе [4])

Как видно из рисунка 3, спектр предложений в этой сфере весьма широк: от участия в сельскохозяйственных работах и ремесленных мастер-классах до знакомства с местной кухней, культурой и традициями. Стоит учитывать, что в рамках одной поездки цели могут пересекаться, однако в классификации одна из них условно принимается за приоритетную. Такое многообразие форматов позволяет фермерам максимально удовлетворить потребности различных категорий туристов, предлагая им уникальный, аутентичный отдых.

Значимой составляющей туристической деятельности являются комфортные условия для проживания и отдыха. Требования к средствам размещения в сельской местности, используемым для сельского туризма, утверждены Приказом Министерства экономического развития РФ от 11 ноября 2022 г. № 617. Они включают наличие искусственного и аварийного освещения, горячего и холодного водоснабжения, систем отопления и вентиляции, а также других элементов инфраструктуры [16].

Как было отмечено, правительство страны активно поддерживает развитие сельского туризма через программы грантов и субсидирования для фермеров. С 2026 г. данное направление инте-

грировано в новый федеральный проект «Развитие малого агробизнеса», реализуемый в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденной постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 [15]. На эти цели в бюджете на 2026 г. предусмотрено 730 млн руб., которые распределяются по двум ключевым программам:

1. Компенсация затрат на создание инфраструктуры: фермеры могут вернуть до 50 % расходов на проведение работ по благоустройству территорий, прилегающих к средствам размещения, объектам туристского показа и закупку туристского оборудования.
2. Грант «Агротуризм»: финансовая помощь в размере от 3 до 10 млн руб. на строительство или модернизацию средств размещения, объектов развлечений, подключение к инженерным сетям и т.д.

Важным нововведением стала возможность комбинирования этих мер: предприниматель может получить грант, например, на строительство гостевого дома и отдельно – субсидию, например, на благоустройство.

Основная цель гранта «Агротуризм» – это повышение доходности сельхозпроизводителей за счет создания альтернативного канала сбыта продукции напрямую туристам и экскурсантам. При этом федеральный закон устанавливает значимое условие: не менее 70 % выручки предприятия должно формироваться от производства и реализации продукции сельского хозяйства и не более 30 % – от иной деятельности, включая агротуризм [10].

Следует подчеркнуть, что программа «Агротуризм» уже доказала свою эффективность: с 2022 г. в 63 субъектах РФ реализовано более 300 проектов на сумму свыше 2 млрд руб., что позволило создать порядка 700 новых рабочих мест. В 2026 г. к ним добавятся еще 54 проекта, отобранных в 2025 г. из 30 регионов. За четыре года объекты сельского туризма, созданные при поддержке Минсельхоза России, приняли около 1,8 млн чел. В 2025 г. такие площадки посетили порядка 650 тыс. чел. [17]. Ожидается, что к 2027 г. число агротуристов в России достигнет 7 млн чел. в год. По оценкам Россельхозбанка, это принесет фермерам дополнительно около 250 млрд руб. в год, что составляет до 5 % от суммарного дохода крестьянских (фермерских) хозяйств [6].

Таким образом, повышение спроса среди российских путешественников на агротуризм стал одним из наиболее заметных трендов внутреннего туризма. После пандемии, на фоне усложнения международной обстановки и природных катаклизмов, отрасль демонстрирует значительный рост: туристы все чаще выбирают экологически чистые районы для отдыха и восстановления здоровья.

Помимо прямых субсидий и грантов, Министерство сельского хозяйства РФ активно развивает образовательную и информационную базу. В рамках проекта «Школа фермера», реализуемого совместно с АО «Россельхозбанк» и аграрными университетами, проводится обучение основам сельского туризма. Программа направлена на продвижение лучших практик ведения бизнеса и охватывает вопросы правового регулирования, маркетинга и стандартов индустрии гостеприимства.

В 2025 г. вместе с Российской академией кадрового обеспечения АПК запущена программа обучения «Академия агротуризма». Она предназначена для фермеров, планирующих создавать туристические продукты [17].

В 2024 г. был выпущен «Атлас проектов сельского туризма» – практическое руководство с успешными проектами из разных регионов России, помогающее фермерам подбирать бизнес-модели, а туристам – планировать поездки. На выставке «Золотая осень» в 2025 г. был представлен первый выпуск «Атласа маршрутов сельского туризма», включающий 51 маршрут, что способствует интеграции сельских объектов в единое туристическое пространство страны [17].

Крестьянские (фермерские) хозяйства гибко реагируют на рыночную конъюнктуру, что позволяет им оперативно обновлять ассортимент и повышать качество продукции, ориентируясь на запросы потребителей. Для усиления их роли в развитии сельского туризма, необходимо наращивать государственную поддержку, сделав ее более адресной: внедрять программы обучения сервису и маркетингу, упрощать административные процедуры и обеспечивать консультационную помощь по оформлению документов. Также важно стимулировать создание партнерских платформ для совместного использования ресурсов и интеграцию хозяйств в региональные туристические маршруты и онлайн-системы бронирования.

Заключение.

Все вышеизложенное открывает перед К(Ф)Х широкие перспективы: при эффективном внедрении агротуризма в свою деятельность они смогут стать центрами притяжения для путешественников. Это обеспечит устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий, укрепит чувство патриотизма и поможет сохранить связь с национальными корнями. Однако реализация таких проектов требует комплексного подхода к решению правовых, земельных и инфраструктурных вопросов, а также качественной подготовки персонала в сфере гостеприимства.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Обучающее пособие по агротуризму для фермеров: тренды и идеи. URL : <https://svoefemerstvo.ru/svoemedia/articles/obuchajuschee-posobie-po-agroturizmu-dlja-fermerov-trendy-i-idei>

© Лаврова А.П.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Горбунова О.С. Агротуризм как направление развития бизнеса на селе / О.С. Горбунова [и др.] // Право и управление. 2024. № 8. С. 74–79. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-8-74-79 EDN: CDRKQM
3. Леушкина В.В. Агротуризм как инновационный способ развития АПК // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 11. С. 6613–6624. DOI: 10.18334/epp.14.11.122009 EDN: YNYFAI
4. Современное состояние, проблемы и перспективы развития сельского туризма: аналитический обзор / А.В. Горячева [и др.]; Российский научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований по инженерно-техническому обеспечению агропромышленного комплекса. М. : Российский научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований по инженерно-техническому обеспечению агропромышленного комплекса, 2023. 96 с. ISBN 978-5-7367-1757-6 EDN HGVAEO
5. Овчинникова Н.В. Сельский туризм как инструмент развития малых форм хозяйствования региона / Н.В. Овчинникова, И.Г. Генералов, А.Е. Шамин // Агропродовольственная политика России. 2024. № 2–3(110). С. 16–24. DOI: 10.35524/2227-0280_2024_02-03_16 EDN: EDBMS
6. Развитие агротуризма как фактор диверсификации региональной экономики: влияние на качество жизни сельского населения / О.А. Дмитриева [и др.] // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 1. С. 190–203. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-190-203 EDN: GRJMOI
7. Развитие крестьянских фермерских хозяйств как основы инфраструктуры малого бизнеса сельской экономики / И.Г. Сангадиева, Е.Ю. Итыгилова, Т.М. Шадонова [и др.] // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 11(145). С. 42–49. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-11-42-49 EDN: ORSZZC
8. Танина А.В. Участие фермерских хозяйств в развитии сельского туризма // Журнал правовых и экономических исследований. 2025. № 2. С. 430–438. DOI: 10.26163/GIEF.2025.58.14.054 EDN: LUHNET
9. Трухачев А.В. Вовлечение субъектов сельского хозяйства в туристскую деятельность (на примере Ставропольского края) // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 1(62). С. 64–84. DOI: 10.12737/19170 EDN: VVWPPP
10. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (последняя редакция). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930
11. Федеральный закон от 22.06.2024 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479274
12. Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389013
13. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2019 г. № 2129-р. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756
14. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 г. № 151-р. URL : <https://docs.cntd.ru/document/420251273>
15. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (с изменениями и дополнениями). URL : <https://base.garant.ru/70210644>
16. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 11.11.2022 г. № 617 «Об утверждении требований к средствам размещения, используемым для осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере сельского туризма в сельской местности». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432731/8fcd3112d4842ffeb76ee6c8047db16acfa41697
17. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL : <https://mcx.gov.ru>
18. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S_x_2025.pdf
19. Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. URL : <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/informatsiya/Natsionalnyy%20доклад%202024.pdf>

References:

1. Agrotourism training Manual for farmers: trends and ideas. URL : <https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/articles/obuchajuschee-posobie-po-agroturizmu-dlja-fermerov-trendy-i-idei>
2. Gorbunova O.S. Agritourism as a Direction of Business Development in Rural Areas / O.S. Gorbunova [et al.] // Law and Management. 2024. № 8. P. 74–79. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-8-74-79 EDN: CDRKQM
3. Leushkina V.V. Agritourism as an Innovative Way of Developing the Agro-Industrial Complex // Economy, Entrepreneurship and Law. 2024. Vol. 14. № 11. P. 6613–6624. DOI: 10.18334/epp.14.11.122009 EDN: YNYFAI
4. Current state, problems and prospects for the development of rural tourism: an analytical review / A.V. Goryacheva [et al.]; Russian Research Institute of Information and Technical and Economic Research on Engineering and Technical Support of the Agro-Industrial Complex. Moscow: Russian Research Institute of Information and Technical and Economic Research on Engineering and Technical Support of the Agro-Industrial Complex, 2023. 96 p. ISBN 978-5-7367-1757-6 EDN HGVAEO

5. Ovchinnikova N.V. Rural tourism as a tool for developing small-scale farming in the region / N.V. Ovchinnikova, I.G. Generalov, A.E. Shamin // Agro-food policy of Russia. 2024. № 2–3(110). P. 16–24. DOI: 10.35524/2227-0280_2024_02-03_16 EDN: EDBMS
6. Development of agritourism as a factor in diversifying the regional economy: impact on the quality of life of the rural population / O.A. Dmitrieva [et al.] // Population. 2025. Vol. 28. № 1. P. 190–203. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-190-203 EDN: GRJMOI
7. Development of peasant farms as the basis for the infrastructure of small businesses in the rural economy / I.G. Sangadieva [et al.] // Regional problems of economic transformation. 2022. № 11(145). P. 42–49. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-11-42-49 EDN: ORSZZC
8. Tanina A.V. Participation of farms in the development of rural tourism // Journal of Legal and Economic Research. 2025. № 2. P. 430–438. DOI: 10.26163/GIEF.2025.58.14.054 EDN: LUHNET
9. Trukhachev A.V. Involvement of agricultural entities in tourism activities (on the example of Stavropol Krai) // Service in Russia and Abroad. 2016. Vol. 10. № 1(62). P. 64–84. DOI: 10.12737/19170 EDN: VVWPPP
10. Federal Law of 29.12.2006 № 264-FZ «On the Development of Agriculture» (latest revision). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930
11. Federal Law of June 22, 2024, № 160-FZ «On Amendments to Article 19 of the Federal Law «On Peasant (Farm) Enterprises» and the Federal Law «On the Development of Agriculture». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479274
12. Federal Law of July 2, 2021, № 318-FZ «On Amendments to the Federal Law «On the Fundamentals of Tourism Activity in the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389013
13. Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation through 2035. Approved by Order of the Government of the Russian Federation of September 20, 2019, № 2129-r. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756
14. Strategy for Sustainable Development of Rural Areas of the Russian Federation through 2030. Approved by Russian Government Decree № 151-r of February 2, 2015. URL : <https://docs.cntd.ru/document/420251273>
15. RF Government Resolution № 717 of July 14, 2012, «On the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials, and Food Markets» (as amended). URL : <https://base.garant.ru/70210644>
16. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated November 11, 2022, № 617 «On Approval of Requirements for Accommodation Facilities Used to Provide Rural Tourism Services in Rural Areas». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432731/8fcd3112d4842ffeb76ee6c8047db16acfa41697
17. Official website of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. URL : <https://mcx.gov.ru>
18. Official website of the Federal State Statistics Service. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S_x_2025.pdf
19. Official website of the Federal Service for State Registration, Cadastre, and Cartography. URL : <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/informatsiya/Нацыйный%20доклад%202024.pdf>

Информация об авторе

Лаврова Алевтина Петровна

кандидат экономических наук,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
milena.555@mail.ru

Alevtina P. Lavrova

Candidate of Economic Sciences,
Saint-Petersburg State Agrarian University
milena.555@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-21>

УДК 332.1

Attribution

cc by

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ОБЪЯСНИМОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЗРАЧНОСТИ РЕШЕНИЙ В ПРОЕКТНОМ ФИНАНСИРОВАНИИ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Фрадин Н.И.

Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Аннотация. Активное внедрение алгоритмов машинного обучения в контур принятия кредитных решений по проектному финансированию жилищного строительства (ПФ ЖС) наталкивается на серьёзное препятствие – недостаточную прозрачность таких моделей. Целью работы выступает формирование методических рекомендаций по использованию инструментов объяснимого искусственного интеллекта (ХАИ) для повышения прозрачности и доказательности решений, принимаемых российскими банками в данном сегменте. Методологическая база исследования включает критический разбор научных источников за 2020–2024 гг., изучение нормативных требований Банка России, а также материалы глубинных интервью с представителями кредитных организаций. Полученные результаты свидетельствуют: механическое применение распространённых ХАИ-методов (SHAP, LIME) без их настройки под особенности ПФ ЖС ведёт к неустойчивым и противоречащим логике интерпретациям, что обусловлено многомерностью и тесной связанностью факторов риска. В качестве решения предложен подход, базирующийся на группировке факторов, учёте причинно-следственных зависимостей и создании специализированных форматов отчётности для кредитных комитетов. Автор приходит к выводу, что объяснимый ИИ следует воспринимать не как вспомогательную надстройку, а как базовый элемент гибридной человеко-машинной архитектуры принятия решений.

Ключевые слова: проектное финансирование, жилищное строительство, объяснимый искусственный интеллект, ХАИ, SHAP, LIME, кредитный риск, принятие решений, банковское регулирование.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

APPLICATION OF EXPLAINABLE ARTIFICIAL INTELLIGENCE METHODS TO ENSURE TRANSPARENCY OF DECISIONS IN PROJECT FINANCING OF HOUSING CONSTRUCTION

Nikita I. Fradin

Voronezh branch of Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. The active introduction of machine learning algorithms into the credit decision-making framework for project financing of housing construction (PF HC) faces a serious obstacle – the insufficient transparency of such models. The aim of this study is to develop methodological recommendations for the use of explainable artificial intelligence (XAI) tools to enhance the transparency and evidentiary quality of decisions made by Russian banks in this segment. The methodological basis of the research includes a critical review of scientific sources from 2020–2024, an analysis of the regulatory requirements of the Bank of Russia, as well as materials from in-depth interviews with representatives of credit institutions. The results obtained indicate that the mechanical application of common XAI methods (SHAP, LIME) without their adaptation to the specifics of PF HC leads to unstable and logically contradictory interpretations, which is due to the multidimensionality and close interconnectedness of risk factors. As a solution, an approach is proposed based on the grouping of factors, consideration of cause-and-effect relationships, and the development of specialized reporting formats for credit committees. The author concludes that explainable AI should be perceived not as an auxiliary add-on, but as a fundamental element of a hybrid human-machine decision-making architecture.

© Фрадин Н.И.

Keywords: project financing, housing construction, explainable artificial intelligence, XAI, SHAP, LIME, credit risk, decision-making, banking regulation.

Funding: Independent work.

Введение. Сфера проектного финансирования жилищного строительства в России находится в состоянии существенных изменений, спровоцированных ужесточением регуляторной политики и нарастающей волатильностью рынка недвижимости. Статистические данные демонстрируют, что доля просроченной задолженности (NPL90+) в портфелях двадцати крупнейших банков поднялась с 2,5–4 % в период 2019–2021 гг. до 8–12 % в 2023–2024 гг., при этом количество реструктурированных ссуд увеличилось в 3–4 раза [1, с. 70–82]. Подобная динамика заставляет финансовые институты искать дополнительные резервы для повышения результативности процессов принятия решений (ППР). Одним из таких резервов считается внедрение автоматизированных комплексов на базе машинного обучения (ML), способных обеспечивать более быструю обработку заявок, сокращение издержек и рост точности риск-оценки [2, с. 94–108; 3, р. 45–62].

Вместе с тем использование ML-алгоритмов в кредитной практике порождает базовую трудность: наиболее точные модели, такие как глубокие нейросети или ансамбли решающих деревьев, функционируют по принципу «чёрного ящика» и не дают пользователю внятных объяснений относительно логики своих заключений. В ситуации, когда надзорный орган настаивает на персональной ответственности за каждое кредитное решение, а коллегиальные органы банка обязаны понимать причины присвоения той или иной оценки, непрозрачность становится критическим сдерживающим фактором. Инструментарий объяснимого искусственного интеллекта (XAI) призван разрешить это противоречие, позволяя расшифровывать предсказания сложных моделей. Для сегмента ПФ ЖС значимость XAI особенно высока, поскольку решения здесь базируются на множестве разнородных параметров, а цена ошибки затрагивает интересы как банка, так и конечных покупателей жилья.

Хотя публикационная активность по тематике XAI в финансовом секторе в последние годы растёт [3; 4, с. 45–59; 5, р. 145–162], прикладные аспекты его внедрения именно в проектное финансирование жилья проработаны слабо. Большинство работ ориентировано на розничное кредитование либо стандартный корпоративный скоринг, тогда как строительные проекты обладают выраженной спецификой: продолжительный инвестиционный цикл, земельно-правовые риски, высокая чувствительность к макроэкономическим колебаниям, цепной характер распространения негативных событий. Дополнительный контекст создают российские регуляторные особенности – 214-ФЗ и Положение № 483-П, – требующие адаптации импортных методик [6, с. 98–107; 7, с. 340–358].

Исходя из вышеизложенного, цель данной статьи состоит в разработке практических рекомендаций по применению XAI-инструментов для повышения прозрачности ППР в ПФ ЖС с учётом действующих в России правовых и информационных ограничений.

Результаты. Исследовательская стратегия опирается на систематический анализ научной литературы 2020–2024 гг., разбор регуляторных актов Банка России и результаты серии глубинных интервью с риск-менеджерами отечественных банков. В рамках интервью (2024 г., восемь кредитных организаций из топ-20) выяснялись практические затруднения при работе с ML-моделями, ожидания от систем объяснимости и степень готовности кредитных комитетов опираться на автоматические рекомендации.

Существующие XAI-методы принято разделять на модельно-агностические и специализированные под конкретные архитектуры. В банковской среде наибольшее распространение получили первые, в частности LIME (Local Interpretable Model-agnostic Explanations) [8, р. 1135–1144] и SHAP (SHapley Additive exPlanations) [9, р. 4765–4774]. Первый строит локальную линейную аппроксимацию вокруг заданного предсказания, второй – распределяет вклад каждого признака на базе теории кооперативных игр (значений Шепли). Несмотря на активное применение в скоринговых задачах, перенос этих инструментов в плоскость ПФ ЖС сопряжён с рядом особенностей.

Первая особенность – высокая размерность и взаимозависимость факторов. Итоговая оценка складывается из множества составляющих: финансовое положение девелопера, параметры проекта (LTV, DSCR, стадия готовности), юридическая чистота участка, локальная конъюнктура, ESG-составляющая [10, с. 78–92; 11, р. 101876]. Между перечисленными элементами наблюдаются нелинейные и каскадные связи: скажем, рост ключевой ставки удорожает кредит, что сжимает платёжеспособный спрос и увеличивает вероятность дефолта. Традиционные XAI-алгоритмы, оценивающие вклад каждого признака изолированно, не всегда адекватно отражают указанные перекрёстные влияния, порождая неустойчивые трактовки [12, р. 04022054].

Вторая особенность – преобладание качественных, слабоформализуемых параметров. Репутация застройщика, уровень менеджмента, надёжность подрядных организаций, реалистичность исходных допущений в технико-экономическом обосновании – всё это с трудом переводится в числовую шкалу [13, с. 174–185]. XAI-методы, ориентированные на количественные переменные, испытывают сложности с интерпретацией

подобных характеристик. Третья особенность – жёсткие требования регулятора к обоснованию. Положение № 483-П обязывает банки проводить содержательный анализ риска и подтверждать размер формируемых резервов [14]. Следовательно, ХАИ должен генерировать не просто визуализацию значимости признаков, а целостный, юридически корректный документ, раскрывающий логику оценки [4, с. 45–59].

Четвёртая особенность – учёт фактора времени. На разных стадиях проекта приоритеты меняются: до выдачи кредита ключевыми могут быть LTV и опыт девелопера, в ходе строительства – соблюдение графиков и отклонения от сметы. Поэтому инструменты ХАИ должны уметь отображать динамику изменения вклада факторов, что подразумевает разработку временных визуализаций [2, с. 94–108].

Обсуждение. Для нейтрализации перечисленных проблем предлагается комплексный подход к адаптации ХАИ под задачи ПФ ЖС, включающий пять основных направлений.

Первое направление – предварительная группировка факторов риска на базе экспертных представлений о предметной области. Используя иерархическую кластеризацию либо тематическое моделирование, все переменные объединяются в блоки, соответствующие главным категориям риска: финансовые, строительные, технологические, юридические, рыночные, регуляторные, ESG. Затем SHAP или LIME применяются уже на уровне этих блоков, что позволяет получать укрупнённые объяснения с вкладом каждой категории. При необходимости аналитик может детализировать конкретный блок и увидеть внутри него наиболее значимые показатели. Подобная многоуровневая структура облегчает восприятие результатов кредитным комитетом и снижает когнитивную нагрузку.

Второе направление – включение в отчёты ХАИ информации о взаимосвязях рисков. Здесь полезны подходы на основе байесовских сетей или структурных моделей, дающие возможность продемонстрировать, как сдвиг одного индикатора (например, ставки) отражается на остальных. Дополнительно эффективна техника контрфактических объяснений: она показывает, при каких минимальных корректировках входных параметров решение изменилось бы на противоположное. Такая информация ценна при согласовании условий сделки и переговорах с заёмщиком.

Третье направление – создание шаблонов отчётов, имеющих доказательную силу. В них должны входить: описание исходных данных и источников; список ключевых факторов с их вкладом; графические материалы (bar plot, waterfall); автоматически формируемое текстовое резюме. Готовый документ может быть помещён в кредитное досье и использован при надзорных проверках [5, р. 145–162].

Четвёртое направление – поиск компромисса между точностью и интерпретируемостью. Для ПФ ЖС, где ошибки дорого обходятся, разумно отдавать предпочтение простым, но понятным моделям, а сложные ансамбли использовать как вспомогательный инструмент для поиска нестандартных закономерностей [15, р. 5–10]. Кроме того, ХАИ может применяться для проверки адекватности моделей: если объяснения расходятся со здравым смыслом, это указывает на возможное смещение или дефект данных.

Пятое направление – подготовка персонала и трансформация корпоративной культуры. Сотрудники должны понимать границы применимости ХАИ, уметь читать объяснения и распознавать случаи, когда им нельзя доверять. Целесообразно организовывать регулярные обучающие мероприятия, на которых разбираются конкретные кейсы и сопоставляются автоматические выводы с мнениями экспертов [16, р. 114–123]. Так формируется гибридная модель, в которой машина обеспечивает обоснование, а итоговое решение остаётся за человеком.

Практика пилотных внедрений в ряде российских банков свидетельствует, что использование ХАИ-отчётов на этапе предварительного скоринга сокращает сроки рассмотрения заявок на 20–30 % и улучшает восприятие аналитиками автоматизированных рекомендаций [17, с. 67–79]. Одновременно фиксируются и отрицательные эффекты: часть сотрудников начинает чрезмерно полагаться на объяснения, игнорируя собственные сомнения. Поэтому внутренние регламенты должны фиксировать ситуации обязательной ручной переоценки – высокая неопределённость, дефицит исторических данных, нетипичность проекта.

Перспективным видится создание специальных метрик качества объяснений. Наряду с традиционными критериями (стабильность, локальная точность) для ПФ ЖС целесообразно оценивать согласованность объяснений с экспертным знанием: например, сопоставлять ранжирование факторов по SHAP с априорными ожиданиями опытных риск-менеджеров [18, р. 25–45].

Нельзя игнорировать и собственные ограничения ХАИ-методов. LIME неустойчив при малом количестве соседних точек и выраженной нелинейности. SHAP ресурсоёмок на больших выборках. Оба подхода предполагают независимость признаков, что на практике соблюдается редко. Поэтому для ПФ ЖС оптимальна комбинация: SHAP – для глобального анализа портфеля, LIME – для углублённого разбора отдельных сделок [3, р. 45–62].

Наконец, отдельного внимания заслуживает проблема справедливости и недопущения дискриминации. ХАИ способен вскрыть скрытые смещения модели, например, систематическое занижение рейтинга девелоперов из отдельных регионов без объективных причин [19, р. 115].

Банкам рекомендуется на постоянной основе отслеживать распределение предсказаний по сегментам и анализировать выявленные аномалии с привлечением инструментов объяснимости.

Заключение. Выполненный анализ демонстрирует, что методы объяснимого искусственного интеллекта являются необходимым, но не самодостаточным средством обеспечения прозрачности в проектном финансировании жилищного строительства. Некритичное применение SHAP и LIME без учёта отраслевой специфики может порождать нестабильные, противоречивые и юридически уязвимые объяснения. В то же время адаптация этих методов к условиям многомерности и связанности рисков, иерархической

организации факторов и требованиям регулятора открывает путь к построению эффективной системы поддержки решений, в которой автоматизированные модули сочетаются с профессиональным суждением.

Предложенные рекомендации охватывают группировку факторов по категориям риска, интеграцию причинно-следственных связей в объяснительные отчёты, разработку стандартизированных форматов для кредитных комитетов и органов надзора, а также меры по обучению персонала и регулярной валидации моделей. Внедрение этих решений позволит ускорить обработку заявок, улучшить качество обоснования и уменьшить правовые риски кредитной организации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Банк России. Положение от 06.08.2015 № 483-П «О порядке расчета величины кредитного риска на основе внутренних рейтингов» (ред. от 2021 г.). М., 2015.
2. Переверзева В.В. Эффективная система проектного финансирования: принципы и практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 2. С. 134–140. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-2-134-140 EDN: XNAHVB
3. Переверзева В.В. Механизм проектного финансирования при реализации инвестиционных проектов // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 3(99). С. 24–32. EDN: XQKFID
4. Тихомиров Д.В. Финансовая модель как инструмент принятия решений в проектном финансировании // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 2(110). С. 44–51. EDN: YWNEKC
5. Фрадин Н.И. Применение искусственных нейронных сетей для оценки привлекательности сделки проектного финансирования застройщика для банка / Н.И. Фрадин, Е.И. Макаров // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 488–492. EDN: IUEZNR
6. Gramegna A. SHAP and LIME: An Evaluation of Discriminative Power in Credit Risk / A. Gramegna, P. Giudici // Frontiers in Artificial Intelligence. 2021. Vol. 4. DOI: 10.3389/frai.2021.752558 EDN: VEOSDI
7. Explainable AI for Credit Assessment in Banks / P.E. De Lange [et al.] // Journal of Risk and Financial Management. 2022. Vol. 15. № 12. 556 p. DOI: 10.3390/jrfm15120556 EDN: LMOOY
8. Lundberg S.M. A Unified Approach to Interpreting Model Predictions / S.M. Lundberg, S.-I. Lee // Advances in Neural Information Processing Systems 30 (NIPS 2017). 2017. P. 4765–4774.
9. Transparency, auditability, and explainability of machine learning models in credit scoring / M. Bucker[et al.] // Journal of the Operational Research Society. 2022. Vol. 73. № 1. P. 70–90. DOI: 10.1080/01605682.2021.1922098 EDN: PODWIW
10. Artificial Intelligence and Bank Credit Analysis: A Review // Cogent Economics & Finance. 2022. Vol. 10. № 1. DOI: 10.1080/23322039.2022.2023262
11. Machine learning-driven credit risk: a systemic review / Si. Shi [et al.] // Neural Computing & Applications. 2022. Vol. 34. № 17. P. 14327–14339. DOI: 10.1007/s00521-022-07472-2 EDN: CTZBLQ
12. Wilson H.J. Collaborative Intelligence: Humans and AI Are Joining Forces / H.J. Wilson, P.R. Daugherty // Harvard Business Review. 2021. Vol. 99. № 4. P. 114–123.

References:

1. Bank of Russia. Regulation № 483-P dated 06.08.2015 «On the Procedure for Calculating the Amount of Credit Risk Based on Internal Ratings» (as amended in 2021). M., 2015.

2. Pereverzeva V.V. An Effective Project Financing System: Principles and Practice // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Right. 2018. Vol. 18. № 2. P. 134–140. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-2-134-140 EDN: XNAHVB
3. Pereverzeva V.V. The mechanism of project financing in the implementation of investment projects // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2018. № 3(99). P. 24–32. EDN: XQKFID
4. Tikhomirov, D. V. Financial model as a decision-making tool in project financing // Izvestia of the Saint Petersburg State Economic University. 2018. № 2(110). P. 44–51. EDN: YWNEKC
5. Fradin N.I. The use of artificial neural networks to assess the attractiveness of a developer's project financing transaction for a bank / N.I. Fradin, E.I. Makarov // Innovations and Investments. 2023. № 10. P. 488–492. EDN: IUEZNR
6. Gramegna A. SHAP and LIME: An Evaluation of Discriminative Power in Credit Risk / A. Gramegna, P. Giudici // Frontiers in Artificial Intelligence. 2021. Vol. 4. DOI: 10.3389/frai.2021.752558 EDN: VEOSDI
7. Explainable AI for Credit Assessment in Banks / P.E. De Lange [et al.] // Journal of Risk and Financial Management. 2022. Vol. 15. № 12. 556 p. DOI: 10.3390/jrfm15120556 EDN: LMOOOY
8. Lundberg S.M. A Unified Approach to Interpreting Model Predictions / S.M. Lundberg, S.-I. Lee // Advances in Neural Information Processing Systems 30 (NIPS 2017). 2017. P. 4765–4774.
9. Transparency, auditability, and explainability of machine learning models in credit scoring / M. Bucker[et al.] // Journal of the Operational Research Society. 2022. Vol. 73. № 1. P. 70–90. DOI: 10.1080/01605682.2021.1922098 EDN: PODWIW
10. Artificial Intelligence and Bank Credit Analysis: A Review // Cogent Economics & Finance. 2022. Vol. 10. № 1. DOI: 10.1080/23322039.2022.2023262
11. Machine learning-driven credit risk: a systemic review / Si. Shi [et al.] // Neural Computing & Applications. 2022. Vol. 34. № 17. P. 14327–14339. DOI: 10.1007/s00521-022-07472-2 EDN: CTZBLQ
12. Wilson H.J. Collaborative Intelligence: Humans and AI Are Joining Forces / H.J. Wilson, P.R. Daugherty // Harvard Business Review. 2021. Vol. 99. № 4. P. 114–123.

Информация об авторе

Фрадин Никита Ильич

аспирант,
Воронежский филиал
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова
ORCID iD: 0009-0000-7931-7585
nfradin@mail.ru

Nikita I. Fradin

Graduate Student,
Voronezh branch
of Plekhanov Russian University of Economics
ORCID iD: 0009-0000-7931-7585
nfradin@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 8 от 25.08.2026

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
д-р соц. наук, профессор
Хунагов Рашид Думаличевич

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, профессор
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.08.2026
Подписано к публикации 25.08.2026

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id-yug@id-yug.com